ТОЛСТАЯ ДЕВОЧКА

ЮРИЙ ОЛЕША

Три Толстяка
Юрий Карлович Олеша

Аннотация
Юрий Олеша. Три Толстяка
Часть первая. Канатоходец Тибул
  Глава I. Беспокойный день доктора Гаспара Арнери
  Глава II. Десять плах
  Глава III. Площадь Звезды
Часть вторая. Кукла наследника Тутти
  Глава IV. Удивительные приключения продавца воздушных шаров
  Глава V. Негр и капустная голова
  Глава VI. Непредвиденное обстоятельство
  Глава VII. Ночь странной куклы
Часть третья. Суок
  Глава VIII. Трудная роль маленькой актрисы
  Глава IX. Кукла с хорошим аппетитом
  Глава X. Зверинец
Часть четвертая. Оружейник Просперо
  Глава XI. Гибель кондитерской
  Глава XII. Учитель танцев Раздватрис
  Глава XIII. Победа
Эпилог

Аннотация

Сказочный роман «Три толстяка» — первое прозаическое произведение Ю. К. Олеши. Роман-сказка был написан в 1924 году и посвящен жене писателя — Ольге Суок. По сути, это произведение — первая сказка о революции в советской литературе, в которой отразилась истинная вера автора в то, что человечество рано или поздно встанет на путь обновления, которое коснется и мира природы, и мира чувств. Истинная причина создания сказки — неразделенная любовь Олеши к Суок, которая в этот период его творчества расстается с ним. Личную драму автор тщательно скрывает за рассказом о… революции. Мир сказки — авторский романтический мир, вот почему все положительные герои в конце будут счастливы. Автор сам поставил «Трех толстяков» на сцене. В 1963 году появился рисованный мультфильм, в 1966 году — кинофильм, в 1980-м — музыкальный кукольный мультфильм. В романе дается особое толкование многим именам. Имя Суок на вымышленном «языке обездоленных» означает «вся жизнь».

Фамилия экономки доктора Гаспара — Ганимед — имя персонажа греческой мифологии, виночерпия на Олимпе. Просперо — имя чародея из шекспировской пьесы «Буря». Фамилия капитана Бонавентуры — псевдоним средневекового теолога и философа Джованни Фиданцы. Книга наполнена цирковыми трюками и ходами, которые не часто встречаются в сказках, а уж тем более в романах. За этой кажущейся легкостью аттракциона скрывается борьба добра со злом — вечная тема жизни.

Юрий Олеша
Три Толстяка

0—53

ЮРИЙ ОЛЕША

ТРИ ТОЛСТЯКА

РОМАН ДЛЯ ДЕТЕЙ

с 25 рисунками в красках
художника М. Добужинского

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА"
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Посвящается Валентине Леонтьевне Грюнзайд

Часть первая. Канатоходец Тибул

Глава I. Беспокойный день доктора Гаспара Арнери

ВРЕМЯ волшебников прошло. По всей вероятности, их никогда и не было на самом деле. Все это выдумки и сказки для совсем маленьких детей. Просто некоторые фокусники умели так ловко обманывать всяких зевак, что этих фокусников принимали за колдунов и волшебников.

Был такой доктор. Звали его Гаспар Арнери. Наивный человек, ярмарочный гуляка или недоучившийся студент могли бы его тоже принять за волшебника. В самом деле, этот доктор делал такие удивительные вещи, что они, действительно, походили на чудеса. Конечно, ничего общего он не имел с волшебниками и шарлатанами, дурачившими слишком доверчивый народ.

Доктор Гаспар Арнери был ученый. Пожалуй, он изучил около ста паук. Во всяком случае, никого не было в стране мудрей и ученей Гаспара Арнери.

О его учености знали все: и мельник, и солдат, и дамы, и министры. А школьники распевали про него целую песенку с таким припевом;

Как лететь с земли до звезд,
Как поймать лису за хвост.
Как из камня сделать пар,—
Знает доктор наш Гаспар.

Однажды, когда выдалась очень хорошая погода, летом, в июне, доктор Гаспар Арнери решил отправиться в далекую прогулку, чтобы собрать некоторые породы трав и жуков.

Доктор Гаспар был человек немолодой и поэтому боялся дождя и ветра. Выходя из дому, он обматывал шею толстым шарфом, надевал очки против пыли, брал трость, чтобы не споткнуться, и вообще собирался на прогулку с большими предосторожностями.

На этот раз день был чудесный; солнце только то и делало, что сияло; трава была такой зеленой, что во рту даже появлялось ощущение сладости; летали одуванчики, свистели птицы, легкий ветерок развевался как бальное воздушное платье.

— Вот это хорошо, — сказал доктор, — только все-таки нужно взять плащ, потому что летняя погода обманчива. Может пойти дождь.

Доктор распорядился по хозяйству, подул на очки, захватил свой ящичек, в роде чемодана из зеленой кожи, и пошел.

Самые интересные места были за городом, — там, где находился Дворец Трех Толстяков. Доктор чаще всего посещал эти места. Дворец Трех Толстяков стоял посреди огромного парка. Парк был окружен глубокими каналами. Над каналами висели черные железные мосты. Мосты охранялись дворцовой стражей: гвардейцами в черных клеенчатых шляпах с желтыми перьями. Вокруг парка до самой небесной черты кружились луга, засыпанные цветами, рощи и пруды. Здесь было отличное место для прогулок. Здесь росли самые интересные породы трав, здесь звенели самые красивые жуки, и пели самые искусные птицы.

«Но пешком идти далеко. Я дойду до городского вала и найму извозчика. Он довезет меня до дворцового парка», — подумал доктор.

Возле городского вала народу было больше, чем всегда.

«Разве сегодня воскресенье? — усомнился доктор. — Не думаю. Сегодня вторник».

Доктор подошел ближе.

Вся площадь была запружена народом. Доктор увидел ремесленников в серых суконных куртках с зелеными обшлагами; моряков с лицами цвета глины; зажиточных горожан в цветных жилетах, с их женами, у которых юбки походили на

розовые кусты; торговцев с графинами, лотками, мороженицами и жаровнями; тощих площадных актеров, зеленых, желтых и пестрых, как будто сшитых из одеяла; совсем маленьких ребят, тянувших за хвосты рыжих веселых собак.

Все толпились перед городскими воротами. Огромные, высотою в дом, железные ворота были наглухо закрыты.

«Почему закрыты ворота?» — удивлялся доктор.

Толпа шумела, все говорили громко, кричали, бранились, но толком ничего нельзя было разобрать.

Доктор подошел к молодой женщине, державшей на руке толстую серую кошку, и спросил:

— Будьте добры, объясните, что здесь происходит. Почему народу так много, что за причина его волнения, и почему закрыты городские ворота?

— Гвардейцы не выпускают людей из города…

— Почему же их не выпускают?..

— Чтобы они не помогли тем, которые уже вышли из города и пошли ко Дворцу Трех Толстяков…

— Я ничего не понимаю, гражданка, и прошу меня простить…

— Ах, да неужели вы не знаете, что сегодня ору-

жейник Просперо и гимнаст Тибул повели народ, чтобы взять штурмом Дворец Трех Толстяков?

— Оружейник Просперо?..

— Да, гражданин… Вал высок, и по ту сторону засели гвардейские стрелки. Никто не выйдет из города, и тех, кто пошел с оружейником Просперо, дворцовая гвардия перебьет.

И действительно, грохнуло несколько очень далеких выстрелов.

Женщина уронила толстую кошку. Кошка шлепнулась как сырое тесто. Толпа заревела.

«Значит, я прозевал такое значительное событие, — подумал доктор. — Правда, я целый месяц пс выходил из комнаты. Я работал взаперти. Я ничего не знал…»

В это время, еще дальше, ударила несколько раз пушка. Гром запрыгал как мяч и покатился по ветру. Не только доктор испугался и поспешно отступил на несколько шагов, — вся толпа шарахнулась и развалилась. Дети заплакали, голуби разлетелись, затрещав крыльями, собаки присели и стали выть.

Началась сильная пушечная пальба. Шум поднялся невообразимый. Толпа наседала на ворота и кричала:

— Просперо! Просперо!

— Долой Трех Толстяков!

Доктор Гаспар совсем растерялся. Его узнали в толпе, потому что многие знали его лицо. Некоторые бросились к нему, как будто ища у него защиты.

Но доктор сам чуть не плакал.

— Что там делается? Как бы узнать, что там делается за воротами? Может быть, народ побеждает, а может быть— уже всех перестреляли.

Тогда человек десять побежали в ту сторону, где от площади начинались три узеньких улички. На углу был дом с высокой старой башней. Вместе с остальными, доктор решил взобраться на башню. Внизу была прачечная, похожая на баню. Там было темно, как в подвале. Кверху вела винтовая лестница. В узкие окошки проникал свет, но его было очень мало, и все поднимались медленно, с большим трудом, тем более, что лестница была рваная и с поломанными перилами. Не трудно представить, сколько труда и волнений стоило доктору Гаспару подняться на самый верхний этаж. Во всяком случае, еще на двадцатой ступеньке, в темноте раздался его крик:

— Ах, у меня лопается сердце, и я потерял каблук!

Плащ доктор потерял еще на площади, после

десятого выстрела из пушки.

На вершине башни была площадка, окруженная каменными перилами. Отсюда открывался вид по крайней мере километров на пятьдесят вокруг. Некогда было любоваться видом, хотя вид этого заслуживал. Все смотрели в ту сторону, где происходило сражение.

— У меня есть бинокль. Я всегда ношу с собой бинокль с восемью стеклами. Вот он, — сказал доктор и отстегнул ремешок.

Бинокль переходил из рук в руки.

Доктор Гаспар увидел на зеленом пространстве множество людей. Они бежали к городу. Они удирали. Издалека люди казались разноцветными флажками. Гвардейцы на лошадях гнались за народом.

Доктор Гаспар подумал, что все это похоже на картинку волшебного фонаря. Солнце ярко светило, блестела зелень. Бомбы разрывались, как кусочки ваты, пламя появлялось на одну секунду, как будто кто-то пускал в толпу солнечных зайчиков. Лошади гарцевали, поднимались на дыбы и вертелись волчком.

Парк и Дворец Трех Толстяков заволокло белым прозрачным дымом.

— Они бегут!

— Они бегут… Народ побежден!

Бегущие люди приближались к городу. Целые кучи людей падали по дороге. Казалось, что на зелень сыплются разноцветные лоскутки.

Бомба просвистела над площадью.

Кто-то, испугавшись, уронил бинокль. Бомба разорвалась, и все, кто был на верхушке башни, кинулись обратно, вниз, внутрь башни.

Слесарь зацепился кожаным фартуком за какой-то крюк. Он оглянулся, увидел нечто ужасное и заорал на всю площадь:

— Бегите! Они схватили оружейника Просперо! Они сейчас войдут в город…

На площади началась кутерьма. Толпа отхлынула от ворот и побежала с площади к уличкам. Все оглохли от пальбы.

Доктор Гаспар и еще двое остановились на третьем этаже башни. Они смотрели из узкого окошка, пробитого в толстой стене.

Только один мог выглянуть как следует. Остальные смотрели одним глазом. Доктор тоже смотрел одним глазом. Но и для одного глаза зрелище было достаточно страшное.

Громадные железные ворота распахнулись во всю ширину. Человек триста влетело в эти ворота сразу. Это были ремесленники в серых суконных

куртках с зелеными обшлагами. Они падали, обливаясь кровью. По головам скакали гвардейцы. Они рубили саблями и стреляли из ружей. Желтые перья развевались, сверкали черные клеенчатые шляпы, лошади разевали красные пасти, выворачивали глаза и разбрасывали пену.

— Смотрите! Смотрите! Просперо! — закричал доктор.

Оружейника Просперо тащили в петле. Он шел, валился и опять поднимался. У него были спутанные рыжие волосы, окровавленное лицо, и шея обхвачена толстой петлей.

— Просперо! Он попал в плен! — закричал доктор.

В это время бомба влетела в прачечную. Башня наклонилась, качнулась, одну секунду задержалась в косом положении и рухнула. Доктор полетел кувырком, теряя второй каблук, трость, чемоданчик и очки.

ПРАЧКА

...Башня наклонилась, качнулась, одну секунду задержалась в косом положении и рухнула...

Глава II. Десять плах

ДОКТОР упал счастливо. Он не разбил головы, и ноги у него остались целы. Впрочем, это ничего не значит. Даже и счастливое падение вместе с подстреленной башней не совсем приятно, в особенности для человека не молодого, а скорее старого, каким был доктор Гаспар Арнери. Во всяком случае, от одного испуга доктор потерял сознание.

Когда он пришел в себя, уже был вечер. Доктор посмотрел вокруг.

— Какая досада! Очки, конечно, разбились. Когда я смотрю без очков, я, вероятно, вижу так, как видит не близорукий человек, если надевает очки. Это очень неприятно.

Потом он поворчал по поводу отломанных каблуков:

— Я и так невелик ростом, а теперь стану на вершок ниже. Или, может быть, на два вершка, потому что отломились два каблука? Нет, конечно, только на один вершок…

Он лежал на куче щебня. Почти вся башня развалилась. Длинный и узкий кусок стены торчал как кость. Очень далеко играла музыка. Веселый

вальс улетал с ветром пропадал и не возвращался. Доктор поднял голову. Наверху свисали с разных сторон черные поломанные стропила. На зеленоватом вечернем небе блистали звезды.

— Где это играют? — удивился доктор.

Без плаща становилось холодно. Ни один голос не звучал на площади. Доктор, кряхтя, поднялся среди камней, повалившихся друг на дружку. По дороге он зацепился за чей-то большой сапог. Слесарь лежал, вытянувшись поперек балки, и смотрел в небо. Доктор пошевелил его. Он не хотел вставать.

Доктор поднял руку, чтобы спять шляпу. Слесарь умер.

— Шляпу я тоже потерял. Куда же мне идти?

Он ушел с площади. На дороге лежали люди; доктор низко наклонялся над каждым и видел, как звезды отражаются в их широко раскрытых глазах. Он трогал ладонью их лбы. Они были очень холодные и мокрые от крови, которая ночью казалась черной.

— Вот! Вот! — шептал доктор. — Значит, народ побежден… Что же теперь будет?

Через полчаса он добрался до людных мест. Он очень устал. Ему хотелось есть и пить. Здесь город имел обычный вид. Доктор стоял на перекрестке,

отдыхая от долгой ходьбы, и думал:

«Как странно! Горят разноцветные огни, мчатся экипажи, звенят стеклянные двери. Полукруглые окна сияют золотым сиянием. Там вдоль колонн мелькают пары. Там веселый бал. Китайские цветные фонарики кружатся над черной водой. Люди живут так, как жили вчера. Неужели они не знают о том, что произошло сегодня утром? Разве они не слышали пальбы и стонов? Разве они ее знают, что вождь народа, оружейник Просперо, взят в плен? Может быть, ничего и не случилось? Может быть, мне приснился страшный сон?»

На углу, где горел трехрукий фонарь, вдоль тротуара стояли экипажи. Цветочницы продавали розы. Кучера переговаривались с цветочницами.

— Его протащили в петле через весь город. Бедняжка!

— Теперь его посадили в железную клетку. Клетка стоит во Дворце Трех Толстяков, — сказал толстый кучер в голубом цилиндре с бантиком.

Тут к цветочницам подошла дама с девочкой, чтобы купить роз.

— Кого посадили в клетку? — заинтересовалась она.

— Оружейника Просперо. Гвардейцы взяли его в плен.

— Ну и слава богу, — сказала дама.

Девочка захныкала.

— Отчего же ты плачешь, глупенькая? — удивилась дама. — Ты жалеешь оружейника Просперо? Не надо его жалеть. Он хотел нам вреда. Посмотри, какие красивые розы…

Большие розы, как лебеди, медленно плавали в мисках, полных горьковатой воды и листьев.

— Вот тебе три розы. А плакать незачем. Они мятежники. Если их не сажать в железные клетки, то они заберут наши дома, платья и наши розы, — а нас они перережут.

В это время пробежал мимо мальчишка. Он дернул сначала даму за ее плащ, расшитый звездами, а после девочку за ее косичку.

— Ничего, графиня! — крикнул мальчишка. — Оружейник Просперо в клетке, а гимнаст Тибул на свободе!

— Ах, нахал!

Дама топнула ногой и уронила сумочку. Цветочницы начали звонко смеяться. Толстый кучер воспользовался суматохой и предложил даме сесть в экипаж и поехать.

Дама и девочка укатили.

— Подожди, прыгун! — крикнула цветочница мальчику. — Иди-ка сюда! Расскажи, что ты

знаешь…

Два кучера сошли с козел и, путаясь в своих капотах с пятью пелеринками, подошли к цветочницам.

«Вот кнут, так кнут. Кнутовище!» — подумал мальчишка, глядя на длинный бич, которым помахивал кучер.

Мальчишке очень захотелось иметь такой кнут, но это было невозможно по многим причинам.

— Так что ты говоришь? — спросил кучер басом. — Гимнаст Тибул на свободе?

— Так говорят. Я был в порту…

— Разве его не убили гвардейцы? — спросил другой кучер, тоже басом.

— Нет, папаша. Красотка, подари мне одну розу!

— Подожди, дурак. Ты лучше рассказывай…

— Да вот, значит, так. Сначала все думали, что он убит. Потом искали его среди мертвых и не нашли.

— Может быть, его сбросили в канал? — спросил кучер.

В разговор вмешался нищий.

— Кого в канал? — спросил он. — Гимнаст Тибул не котенок. Его не утопишь. Гимнаст Тибул

жив. Ему удалось бежать!

— Врешь, верблюд! — сказал кучер.

— Гимнаст Тибул жив! — закричали цветочницы в восторге.

Мальчишка стянул розу и бросился бежать. Капли с мокрого цветка посыпались на доктора. Доктор вытер с лица капли, горькие как слезы, и подошел ближе, чтобы послушать, что скажет нищий.

Тут разговору помешало некоторое обстоятельство. На улице появилась необыкновенная процессия. Впереди ехали два всадника с факелами. Факелы развевались как огненные бороды. Затем медленно двигалась черная карета с гербом.

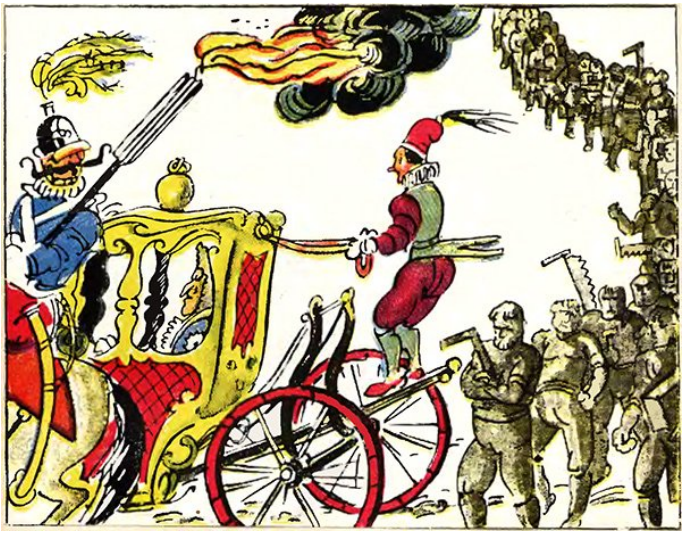
А позади шли плотники. Их было сто.

Они шли с засученными рукавами, готовые к работе, — в фартуках, с пилами, рубанками и ящиками подмышкой. По обе стороны процессии ехали гвардейцы. Они сдерживали лошадей, которым хотелось скакать.

— Что это? Что это? — заволновались прохожие.

В черной карете с гербом сидел чиновник Совета Трех Толстяков. Цветочницы перепугались. Подняв ладони к щекам, они смотрели на его

голову. Она была видна через стеклянную дверцу. Улица была ярко освещена. Черная голова в парике покачивалась как мертвая. Казалось, что там сидит птица.



...А позади шли плотники. Их было сто...

— Сторонись! — кричали гвардейцы.

— Куда идут плотники? — спросила маленькая цветочница страшного гвардейца, и гвардеец прокричал ей в самое лицо так свирепо, что у нее раздулись волосы, точно на сквозняке:

— Плотники идут строить плахи! Поняла? Плотники построят десять плах!

— А!

Цветочница уронила миску. Розы вылились, как компот.

— Они идут строить плахи! — повторил доктор Гаспар в ужасе.

— Плахи! — кричал гвардеец, оборачиваясь и скаля зубы под усами, похожими на сапоги. — Плахи всем мятежникам! Всем отрубят головы! Всем, кто осмелится восстать против власти Трех Толстяков!

У доктора закружилась голова. Ему показалось, что оп упадет в обморок.

«Я слишком много пережил за этот день, — сказал он про себя, — и, кроме того, я очень голоден и очень устал. Нужно поторопиться домой».

В самом деле, доктору пора было отдохнуть. Он так был взволнован всем происшедшим, увиденным и услышанным, что даже не придавал значения собственному полету вместе с башней, отсутствию шляпы, плаща, трости и каблуков. Хуже всего было, конечно, без очков.

Он нанял экипаж и отправился домой.

Глава III. Площадь Звезды

ДОКТОР возвращался домой. Он ехал по широчайшим асфальтовым улицам, которые были освещены ярче, чем залы, и цепь фонарей бежала над ним высоко в небе. Фонари походили на шары, наполненные ослепительным кипящим молоком. Вокруг фонарей сыпалась, пела и гибла мошкара. Он ехал по набережным, вдоль каменных оград. Там бронзовые львы держали в лапах щиты и высовывали длинные языки. Внизу медленно и густо шла вода, черная и блестящая, как смола. Город опрокидывался в воду, тонул, уплывал и не мог уплыть, только растворялся нежными золотистыми пятнами. Он ехал мостами, изогнутыми в виде арок. Снизу или с другого берега они казались кошками, выгибающими перед прыжком железные спины. Здесь, у въезда, на каждом мосту располагалась охрана. Солдаты сидели на барабанах, курили трубки, играли в карты и зевали на звезды.

Доктор ехал, смотрел и слушал.

С улицы, из домов, из раскрытых окон кабачков, из-за оград увеселительных садов неслись отдельные слова песенки:

Попал Просперо в меткий
Смирительный ошейник—
Сидит в железной клетке
Ретивый оружейник.

Подвыпивший франт подхватил этот куплет. У франта умерла тетка, имевшая очень много денег, еще больше веснушек и не имевшая ни одного родственника. Франт получил в наследство все теткины деньги. Поэтому он был, конечно, недоволен тем, что народ поднимается против власти богачей.

В зверинце шло большое представление. На деревянной сцене три толстых косматых обезьяны изображали Трех Толстяков. Фокстерьер играл на мандолине. Клоун в малиновом костюме, с золотым солнцем на спине и с золотой луной на животе, в такт музыке декламировал стихи:

Как три пшеничные мешка,
Три развалились Толстяка!
У них важнее нет забот,
Как только вырастить живот!
Эй, берегитесь, толстяки,—
Пришли последние деньки!

— Пришли последние деньки! — закричали со всех сторон бородатые попугаи. Шум поднялся невероятный. Звери в разных клетках начали лаять, рычать, щелкать, свистать.

Обезьяны заметались по сцене. Нельзя было понять, где у них руки, где ноги. Они спрыгнули в публику и бросились удирать. В публике тоже произошел скандал. Особенно шумели те, кто был потолще. Толстяки с раскрасневшимися щеками, трясясь от злости, швыряли в клоуна шляпы и бинокли. Толстая дама замахнулась зонтиком и, зацепив толстую соседку, сорвала с нее шляпу.

— Ах, ах, ах! — закудахтала соседка и воздела руки, потому что вместе с шляпой слетел и парик. Обезьяна, удирая, хлопнула по лысой голове дамы ладонью. Соседка упала в обморок.

— Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! — заливалась другая часть публики, потоньше на вид и похуже одетая. — Браво! Браво! Ату их!

Долой Трех Толстяков! Да здравствует Просперо! Да здравствует Тибул! Да здравствует народ!

В это время раздался чей-то очень громкий крик:

— Пожар! Город горит…

Люди, давя друг друга и опрокидывая скамейки,

побежали к выходам. Сторожа ловили разбежавшихся обезьян.

Возница, который вез доктора, повернулся и сказал, указывая впереди себя кнутом:

— Гвардейцы сжигают кварталы рабочих. Они хотят найти гимнаста Тибула…

Над городом, над черной кучей домов, дрожало розовое зарево.

Когда экипаж доктора очутился у главной городской площади, которая называлась «Звезда», проехать оказалось невозможным. При въезде столпилась масса экипажей, карет, всадников, пешеходов.

— Что такое? — спросил доктор.

Никто ничего не ответил, потому что все были заняты тем, что происходило на площади. Возница поднялся во весь рост на козлах и стал тоже глядеть туда.

Называли эту площадь Площадью Звезды по следующей причине. Она была окружена огромными, одинаковой высоты и формы, домами и покрыта стеклянным куполом, что делало ее похожей на колоссальный цирк. В середине купола, на страшной высоте, горел самый большой в мире фонарь. Это был удивительной величины шар. Обхваченный поперек железным кольцом,

висящий на мощных тросах, он напоминал планету Сатурн. Свет его был так прекрасен и так не похож на какой бы то ни было земной свет, что люди дали этому фонарю чудесное имя «Звезда». Так стали называть и всю площадь.

Ни на площади, ни в домах, ни на улицах поблизости не требовалось больше никакого света. Звезда освещала все закоулки, все уголки и чуланчики во всех домах, окружавших площадь каменным кольцом. Здесь люди обходились без ламп и свечей.

Возница смотрел поверх карет, экипажей и кучерских цилиндров, похожих на головки аптекарских пузырьков.

— Что вы видите? Что там происходит? — волновался доктор, выглядывая из-за спины кучера. Маленький доктор ничего не мог увидеть, тем более, что был близорук.

Возница передавал все, что видел.

И вот что он видел.

На площади было большое волнение. По огромному круглому пространству, рассыпаясь разноцветными горстями, бегали люди. Казалось, что круг площади вращается, как карусель. Люди перекатывались из одного места в другое, чтобы лучше увидеть то, что делалось наверху.

Чудовищный фонарь, пылавший на высоте, ослеплял глаза, как солнце. Люди задирали головы кверху и прикрывали глаза ладонями.

— Вот он! Вот он! — раздавались крики.

— Вот, смотрите! Там!

— Где? Где?

— Выше!

— Тибул! Тибул!

Сотни указательных пальцев вытянулись влево. Там стоял обыкновенный дом. Но в шести этажах были растворены все окна. Из каждого окна торчали головы. Они были разные по виду: некоторые в ночных колпаках с кисточками, обложенные затылками, как сырыми колбасами; другие — в розовых чепцах, с буклями керосинного цвета; третьи — в косынках; наверху, где жила бедная молодежь— поэты, художники, актрисы, — выглядывали веселые безусые лица, в облаках табачного дыма, и головки женщин, окруженные таким сиянием золотых волос, что казалось, будто на плечах у них крылья. Этот дом с растворенными решетчатыми окошками и с разноцветными головами, которые высовывались как птицы, походил на большую клетку, наполненную щеглами. Все головы, выворачиваясь, как удобней, и рискуя вытащить за собой

своих обладателей, что угрожало полетом с высоты на мостовую, старались увидеть нечто очень значительное, что происходило на крыше. Это было так же невозможно, как увидеть собственные уши без зеркала. Таким зеркалом для этих людей, хотевших увидеть собственную крышу из собственного дома, — была толпа, бесновавшаяся на площади. Она видела все, кричала, размахивала руками; одни выражали восторг, другие негодование.

Там по крыше двигалась маленькая фигурка. Она медленно, осторожно и уверенно спускалась по наклону треугольной верхушки дома. Железо гремело под ее ногами. Она размахивала плащом, ловя равновесие, подобно тому как канатоходец в цирке находит равновесие при помощи желтого китайского зонта.

Это был гимнаст Тибул.

Народ кричал:

— Браво, Тибул! Браво, Тибул!

— Держись! Вспомни, как ты ходил по канату на ярмарке…

— Он не упадет! Он лучший гимнаст в стране…

— Ему не впервые. Мы видели, как он искусен в ходьбе по канату…

— Браво, Тибул!

— Беги! Спасайся! Освободи Просперо!

Другие были возмущены. Они потрясали кулаками:

— Никуда не убежишь, жалкий фигляр!

— Шут!

— Мятежник! Тебя подстрелят, как зайца…

— Берегись! Мы с крыши стащим тебя на плаху. Завтра будет готово десять плах!

Тибул продолжал свой страшный путь.

— Откуда он взялся? — спрашивали люди. — Как он появился на этой площади? Как он попал на крышу?

— Он вырвался из рук гвардейцев, — отвечали другие. — Он бежал, исчез, потом его видели в разных частях города, — он перебирался по крышам. Он ловок как кошка. Его искусство ему пригодилось. Не даром слава о нем прошла по всей стране.

На площади появились гвардейцы. Зеваки бежали к боковым улицам. Тибул перешагнул через барьер и стал на карнизе. Он вытянул руку, обмотанную плащом. Зеленый плащ развевался как знамя.

С этим же плащом, в этом же трико, сшитом из желтых и черных треугольников, народ его привык видеть во время представлений на ярмарках

и воскресных гуляньях.

Теперь высоко, под стеклянным куполом, маленький, тоненький и полосатый, он был похож на осу, ползающую по белой стене дома. Когда плащ раздувался, казалось, что оса раскрывает зеленые блестящие крылья.

— Сейчас ты свалишься, площадной плут! Сейчас тебя подстрелят! — закричал подвыпивший франт, получивший наследство от веснущатой тетки.

Гвардейцы выбрали удобную позицию. Офицер бегал крайне озабоченный. В руках он держал пистолет; шпоры у него были длинные, как полозья.

Наступила полная тишина. Доктор хватился за сердце, которое прыгало как яйцо в кипятке.

Тибул задержался секунду на карнизе. Ему нужно было пробраться на противоположную сторону площади. Тогда он мог бы бежать с Площади Звезды в сторону рабочих кварталов.

Офицер стал посредине площади на клумбу, цветущую желтыми и синими цветами. Здесь был бассейн и фонтан, бивший из круглой каменной чаши.

…Он был уже в двух шагах от фонаря…

— Стойте, — сказал офицер солдатам, — я его сам подстрелю. Я лучший стрелок в полку. Учитесь, как нужно стрелять.

От девяти домов, со всех сторон, к середине купола, к Звезде, тянулось девять стальных тросов (таких толстых, как морской канат, проволок).

Казалось, что от фонаря, от пылающей великолепной звезды, разлеталось над площадью девять черных длиннейших лучей.

Неизвестно, о чем думал и эту минуту Тибул. Но, вероятно, он решил так:

«Я перейду над площадью по этой проволоке, как ходил по канату на ярмарке. Я не упаду. Одна проволока тянется к фонарю, другая от фонаря к противоположному дому. Пройдя обе проволоки, я достигну противоположной крыши и спасусь».

Офицер поднял пистолет и стал прицеливаться. Тибул дошел по карнизу до того места, где начиналась проволока, отделился от стены и двинулся по проволоке к фонарю.

Толпа ахнула.

Он шел то очень медленно, то вдруг пускался почти бегом, быстро и осторожно переступая, покачиваясь, расправив руки. Каждую минуту казалось, что он упадет. Теперь появилась его

тень на стене. Чем более он приближался к фонарю, тем ниже опускалась тень по стене, и тем она становилась больше и бледнее.

Внизу была пропасть.

И когда он был на середине пути до фонаря, в полной тишине раздался голос офицера:

— Сейчас я выстрелю. Он полетит прямо в бассейн. Раз, два, три!

Выстрел грохнул.

Тибул продолжал идти, а офицер почему-то свалился прямо в бассейн.

Он был убит.

Один из гвардейцев держал пистолет, из которого шел голубой дымок. Он застрелил офицера.

— Собака, — сказал гвардеец, — ты хотел убить друга народа. Я помешал этому. Да здравствует народ!

— Да здравствует народ! — поддержали его другие гвардейцы.

— Да здравствуют Три Толстяка! — закричали их противники. Они рассыпались во все стороны и открыли пальбу в человека, который шел по проволоке.

Он был уже в двух шагах от фонаря. Взмахами плаща Тибул защищал глаза от блеска. Пули летели мимо. Толпа ревела в восторге.

— Бах!

— Бах!

— Мимо!

— Ура! Мимо!

Тибул взобрался на кольцо, окружавшее фонарь.

— Ничего, — кричали гвардейцы. — Он перейдет на ту сторону… Он пойдет по другой проволоке. Оттуда мы и снимем его!

Тут произошло нечто такое, чего никто не ожидал. Полосатая фигурка, в блеске фонаря ставшая черной, присела на железном кольце, повернула какой-то рычаг, что-то щелкнуло, звякнуло — и фонарь мгновенно потух.

Никто не успел сказать ни слова. Сделалось страшно темно и страшно тихо, как в сундуке.

А в следующую минуту, высоко-высоко, снова что-то стукнуло и зазвенело. В темном куполе открылся бледный квадрат. Все увидели кусочек неба с двумя маленькими звездочками. Потом в этот квадрат, по фону неба, пролезла черная фигурка, и было слышно, как кто-то быстро побежал по стеклянному куполу.

Гимнаст Тибул спасся с Площади Звезды через люк.

Лошади испугались выстрелов и внезапной

темноты.

Экипаж доктора едва не опрокинулся. Кучер круто свернул и повез доктора окольным путем.

Таким образом, пережив необыкновенный день и необыкновенную ночь, доктор Гаспар Арнери вернулся, наконец, домой. Его экономка, тетушка Ганимед, встретила его на крыльце. Она была очень взволнована. В самом деле: доктор так долго отсутствовал!

Тетушка Ганимед всплескивала руками, охала, качала головой.

— Где же ваши очки? Они разбились? Ах, доктор, доктор!.. Где же ваш плащ? Вы его потеряли! Ах!.. Ах!..

— Тетушка Ганимед, я, кроме того, обломал оба каблука…

— Ах, какое несчастье!..

— Сегодня случилось более тяжелое несчастье, тетушка Ганимед! Оружейник Просперо попал в плен. Его посадили в железную клетку.

Тетушка Ганимед ничего не знала о том, что происходило днем. Она слышала пушечную пальбу, она видела зарево над домами. Соседка рассказала ей о том, что сто плотников строят на Площади Суда плахи для мятежников.

— Мне стало очень страшно. Я закрыла ставни

и решила никуда не выходить. Я ждала вас каждую минуту. Я очень волновалась. Обед простыл. Ужин простыл, — а вас все нет…

Ночь кончилась. Доктор стал укладываться спать.

Среди ста наук, которые он изучал, была история. Ой имел большую книгу в кожаном переплете, и в этой книге он записывал свои рассуждения о важных событиях.

— Надо быть аккуратным, — сказал доктор, подняв палец. И, несмотря на усталость, доктор взял свою кожаную книгу, сел к столу и стал записывать:

«Ремесленники, рудокопы, матросы — весь бедный рабочий люд города поднялся против власти Трех Толстяков. Гвардейцы победили. Оружейник Просперо взят в плен, а гимнаст Тибул бежал. Только что на Площади Звезды гвардеец застрелил своего офицера. Это значит, что вскоре все солдаты откажутся воевать против народа и защищать Трех Толстяков. Однако приходится опасаться за участь Тибула…».

Тут доктор услыхал позади себя шум. Он оглянулся. Там был камин. Из камина вылез высокий человек в зеленом плаще. Это был гимнаст Тибул.

Часть вторая. Кукла наследника Тутти

Глава IV. Удивительные приключения продавца воздушных шаров

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ на Площади Суда кипела работа. Плотники строили десять плах. Конвой гвардейцев надзирал за работой. Плотники делали свое дело без особенной охоты.

— Мы не хотим строить плахи для ремесленников и рудокопов, — возмущались они.

— Это наши братья.

— Они шли на смерть, чтобы освободить всех, кто трудится.

— Молчать! — орал начальник конвоя таким страшным голосом, что от крика валились доски, приготовленные для постройки. — Молчать, или я прикажу вас хлестать плетьми!

С утра толпы народу с разных сторон направлялись к Площади Суда.

Дул сильный ветер, летела пыль, вывески раскачивались и скрежетали, шляпы срывались с голов и катились под колеса прыгающих экипажей.

В одном месте по причине ветра случилось совсем невероятное происшествие: продавец

детских воздушных шаров был унесен шарами на воздух.

— Ура! Ура! — кричали дети, наблюдая фантастический полет.

Они хлопали в ладоши: во-первых, зрелище было интересно само по себе, а во-вторых — некоторая приятность для детей заключалась в неприятности положения летающего продавца шаров. Дети всегда завидовали этому продавцу. Зависть — дурное чувство. Но что же делать! Воздушные шары, красные, синие, желтые, казались великолепными. Каждому хотелось иметь такой шар. Продавец имел их целую кучу, но чудес не бывает! Ни одному мальчику, самому послушному, и ни одной девочке, самой внимательной, продавец ни разу в жизни не подарил ни одного шара: ни красного, ни синего, ни желтого.

Теперь судьба наказала его за черствость. Он летел над городом, повиснув на веревочке, к которой были привязаны шары. Высоко в сверкающем синем небе они походили на волшебную летающую горсть разноцветного винограда.

— Караул, — кричал продавец, ни на что не надеясь и дрыгая ногами. На ногах у него были соломенные башмаки, слишком большие по размеру. Пока он ходил по земле, все устраивалось

благополучно. Для того, чтобы башмаки не спадали, он тянул ногами по тротуару, как лентяй.

А теперь, очутившись в воздухе, он не мог уже прибегнуть к этой хитрости.

— Черт возьми!

Ноги болтались, точно взбивали сливки.

— Черт возьми!

Куча шаров, извиваясь и поскрипывая, моталась по ветру.

Один башмак все-таки слетел.

— Смотри! Китайский орех! Китайский орех! — кричали дети, бежавшие внизу.

Действительно, падавший башмак напоминал китайский орех.

По улице в это время проходил учитель танцев. Он казался очень изящным. Он был длинный, с маленькой круглой головой, с тонкими ножками, — похожий не то на скрипку, не то на кузнечика. Его деликатный слух

...Тут элегантный учитель танцев взвыл, как погонщик ленивых волов...

привыкший к печальному голосу флейты и

нежным словам танцоров, не мог вынести громких, веселых криков детворы.

— Перестаньте кричать! — рассердился он. — Разве можно так громко кричать! Выражать восторг нужно красивыми, мелодичными фразами… Ну, например…

Он стал в позу, но не успел привести примера. Как и всякий учитель танцев, он имел привычку смотреть, главным образом, вниз, под ноги. Увы! Он не увидел того, что делалось наверху.

Башмак продавца свалился ему на голову. Головка у него была маленькая, и большой соломенный башмак в самом лучшем виде пришелся на нее как шляпа.

Тут уже и элегантный учитель танцев взвыл как погонщик ленивых волов. Башмак закрыл половину лица.

Дети схватились за животы:

— Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!

Учитель танцев Раздватрис
Смотрел обыкновенно вниз,
Пищал учитель точно крыса,
Был у него длиннющий нос:
И вот к носищу Раздватриса

Башмак соломенный прирос!

Так распевали мальчики, сидя на заборе, готовые каждую минуту свалиться по ту сторону и улепетнуть.

— Ах! — стонал учитель танцев. — Ах, как я страдаю! И хотя бы бальный башмачок, а то такой отвратительный, грубый башмак!

Кончилось тем, что учителя танцев арестовали.

— Милый, — сказали ему, — ваш вид возбуждает ужас. Вы нарушаете общественную тишину. Этого не следует делать вообще, а тем более в такое тревожное время.

Учитель танцев заламывал руки.

— Какая ложь! — рыдал он. — Какой поклёп! Я, человек, живущий среди вальсов и улыбок, я, сама фигура которого подобна скрипичному ключу, — разве я могу нарушить общественную тишину? О! О!

Что было дальше с учителем танцев, неизвестно. Да, наконец, и неинтересно. Гораздо важней узнать, что стало с летающим продавцом воздушных шаров.

Он летел как хороший одуванчик.

— Это возмутительно! — вопил продавец. — Я не хочу летать. Я, просто, не умею летать…

Все было бесполезно. Ветер усиливался. Куча шаров поднималась все выше и выше. Ветер гнал ее за город, в сторону Дворца Трех Толстяков.

Иногда продавцу удавалось посмотреть вниз. Тогда он видел крыши, черепицы, похожие на грязные ногти, кварталы, голубую узкую воду, людей-карапузиков и зеленую кашу садов. Город поворачивался под ним, точно приколотый на булавке.

Дело принимало скверный оборот.

«Еще немного, и я попаду в парк Трех Толстяков», — ужаснулся продавец.

А в следующую минуту он медленно, важно и красиво промыл над парком, опускаясь все ниже и ниже. Ветер успокаивался.

«Пожалуй, я сейчас сяду на землю. Меня схватят, сначала побьют основательно, а потом посадят в тюрьму или, чтобы не возиться, сразу отрубят голову».

Его никто не увидел. Только из одного дерева прыснули во все стороны перепуганные птицы. От летящей разноцветной кучи шаров падала легкая воздушная тень, подобная тени облака. Просвечивая радужными веселыми красками, она скользнула по дорожке, усыпанной гравием, по клумбе, по статуе мальчика, сидящего вер-

хом на гусе, и по гвардейцу, который заснул на часах. И от этого с лицом гвардейца произошли чудесные перемены. Сразу его нос стал синий, как у мертвеца, потом зеленый, как у фокусника, и наконец красный, как у пьяницы. Так, меняя окраску, пересыпаются стеклышки в калейдоскопе.

Приближалась роковая минута: полет направлялся к раскрытым окнам Дворца. Продавец не сомневался, что сейчас влетит в одно из них, точно пушинка, предвещающая письмо.

Так и случилось.

Продавец влетел в окно. И окно оказалось окном дворцовой кухни. Это было кондитерское отделение.

Сегодня во Дворце Трех Толстяков предполагался парадный завтрак по случаю удачного подавления вчерашнего мятежа. После завтрака Три Толстяка, весь государственный совет, свита и почетные гости собирались ехать на Площадь Суда.

Друзья мои, попасть в дворцовую кондитерскую дело очень заманчивое. Толстяки знали толк в яствах. К тому же и случай был исключительный. Парадный завтрак. Можете себе представить, какую интересную работу делали

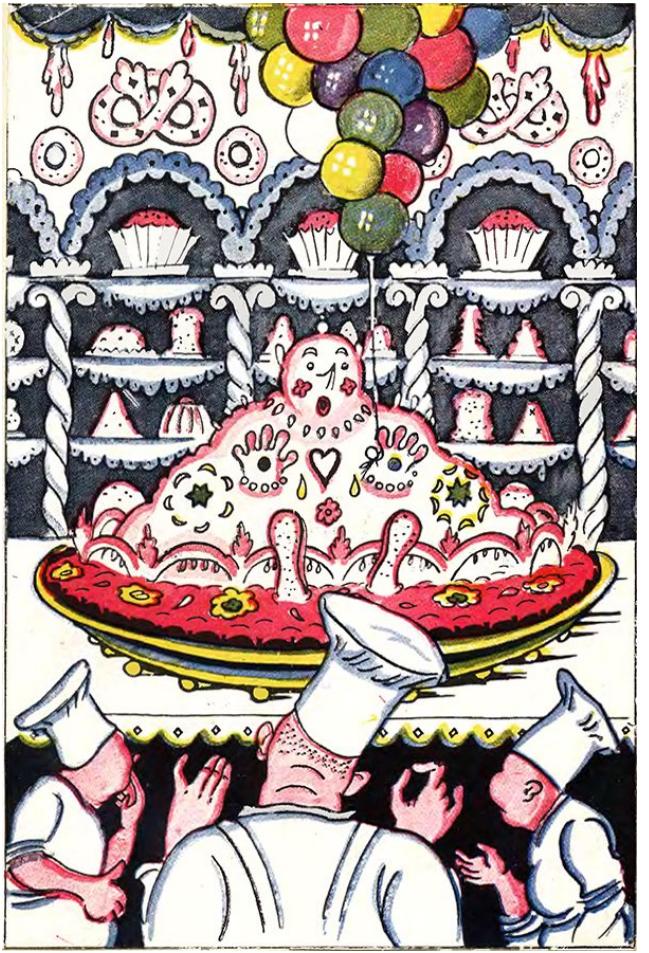
сегодня дворцовые повара и кондитеры.

Влетая в кондитерскую, продавец почувствовал в одно и то же время ужас и восторг. Так, вероятно, ужасается и восторгается оса, летящая на торт, выставленный на окне беззаботной хозяйкой.

Он летел одну минуту, он ничего не успел разглядеть как следует. Сперва ему показалось, что он попал в какой-то удивительный птичник, где возились, с пением и свистом, шипя и треща, разноцветные, драгоценные птицы южных стран. А в следующее мгновение он подумал, что это не птичник, а фруктовая лавка, полная тропических плодов, раздавленных, сочащихся, залитых собственным соком. Сладкое головокружительное благоухание ударило ему в нос; жар и духота сперли ему горло.

Тут же все смешалось: и удивительный птичник и фруктовая лавка.

Продавец со всего размаху сел во что-то мягкое и теплое. Шаров он не выпускал. Он крепко держал веревочку. Шары неподвижно остановились у него над головой.



— Готово, — сказал главный кондитер. — Теперь, пожалуй, нужно сунуть его в печь, чтобы слегка подрумянить...

Он зажмурил глаза и решил их не раскрывать — ни за что в жизни.

«Теперь я понимаю все, — подумал он, — это не птичник и не фруктовая лавка. Это — кондитерская. А я сижу в торте!»

Так оно и было.

Он сидел в царстве шоколада, апельсинов, гранатов, крема, цукатов, сахарной пудры и варенья, и сидел на троне, как повелитель пахучего разноцветного царства. Троном был торт.

Он не раскрывал глаз. Он ожидал невероятного скандала, бури — и был готов ко всему. Но случилось то, чего он никак не ожидал.

— Торт погиб, — сказал младший кондитер сурово и печально.

Потом наступила тишина. Только лопались пузыри на кипящем шоколаде.

«Что будет?» — шептал продавец, задыхаясь от страха и до боли сжимая веки. Сердце его прыгало, как копейка в копилке.

— Чепуха! — сказал старший кондитер так ate сурово. — В зале съели второе блюдо. Через двадцать минут нужно подавать торт. Разноцветные

шары и глупая рожа летающего негодяя послужат прекрасным украшением для парадного торта.

И, сказав это, кондитер заорал:

— Давай крем!!

И действительно, дали крем. Что это было!

Три кондитера и двадцать поварят набросились на продавца со рвением, достойным похвалы самого толстого из Трех Толстяков.

В одну минуту его облепили кремом со всех сторон. Он сидел с закрытыми глазами, он ничего не видел, но зрелище было чудовищное. Его залепили сплошь. Голова, круглая рожа, похожая на чайник, расписанный маргаритками, торчала наружу. Остальное было покрыто белым кремом, имевшим прелестный розовый оттенок. Продавец мог показаться чем угодно, но сходство с самим собой он потерял, как потерял свой соломенный башмак.

Поэт мог принять теперь его за лебедя в белоснежном оперении, садовник — за мраморную статую, прачка — за гору мыльной пены, а шалун — за снежную бабу.

Наверху висели шары. Украшение было из ряда вон выходящее, но, однако, все вместе составляло довольно интересную картину.

— Так, — сказал главный кондитер тоном ху-

дожника, любующегося собственной картиной.

И потом голос гак же, как и в первый раз, сделался свирепым и заорал:

— Цукаты!!

Появились цукаты. Всех сортов, всех видов, всех форм: горьковатые, ванильные, кисленькие, треугольные, звездочки, круглые, полумесяцы, розочки.

Поварята работали во-всю. Не успел главный кондитер хлопнуть три раза в ладоши, как весь торт, вся куча крема, оказался утыканным цукатами.

— Готово, — сказал главный кондитер. — Теперь, пожалуй, нужно сунуть его в печь, чтобы слегка подрумянить…

«В печь! — ужаснулся продавец. — Что? В какую печь? Меня в печь?»

Тут в кондитерскую вбежал один из слуг.

— Торт! Торт! — закричал он. — Немедленно торт! В зале ждут сладкого.

— Готово! — ответил главный кондитер.

«Ну, слава богу», — подумал продавец. Теперь он чуточку приоткрыл глаза.

Шестеро слуг в голубых ливреях подняли огромное блюдо, на котором он сидел. Его понесли. Уже удаляясь, он слышал, как хохотали над ним

поварята.

По широкой лестнице его понесли кверху. Там раскрывался зал. Продавец снова на секунду зажмурился. В зале было шумно и весело. Звучало множество голосов, гремел смех, хлопали аплодисменты. По всем признакам, парадный завтрак удался на славу.

Продавца — или, вернее, торт — принесли и поставили на стол.

Тогда продавец открыл глаза.

И тут же он увидел Трех Толстяков.

Они были такие толстые, что у продавца раскрылся рот.

«Надо немедленно его закрыть, — сразу же спохватился он, — в моем положении лучше не подавать признаков жизни».

Но — увы! — рот не закрывался. Так продолжалось две минуты. Потом удивление продавца уменьшилось. Сделав усилие, он закрыл рот. Но тогда немедленно вытаращились глаза. С большим трудом, закрывая поочередно то рот, то глаза, он окончательно поборол свое удивление.

Толстяки сидели на главных местах, возвышаясь над остальным обществом.

Они ели больше всех. Один даже начал есть салфетку.

Тогда другой сказал:

— Вы едите салфетку…

— Неужели? Это я увлекся…

Он оставил салфетку и тут же принялся жевать ухо третьего Толстяка. Между прочим, оно имело вид вареника.

Все покатились со смеху.

— Оставим шутки, — сказал второй Толстяк, поднимая вилку. — Дело принимает серьезный оборот. Принесли торт.

— Ура!!

Поднялось общее оживление.

«Что будет? — мучился продавец. — Что будет? Они меня съедят!»

Б это время часы пробили два.

— Через час на Площади Суда начнется казнь, — сказал первый Толстяк.

— Первым, конечно, казнят оружейника Просперо? — спросил кто-то из почетных гостей.

— Его не будут сегодня казнить, — ответил государственный канцлер.

— Как? Как? Почему?

— Мы пока что сохраняем ему жизнь. Мы хотим узнать от него планы мятежников, имена главных заговорщиков.

— Где же он теперь?

Все общество было очень заинтересовано. Даже забыли о торте.

— Он по прежнему сидит в железной клетке. Клетка находится здесь, во дворце, в зверинце наследника Тутти.

— Позовите его…

— Приведите его сюда! — закричали гости.

— А ведь верно, — сказал первый Толстяк. — Пусть наши гости посмотрят на этого зверя вблизи. Я бы предложил всем пройти в зверинец. Но там рев, писк, вонь. Это гораздо хуже звона бокалов и запаха фруктов…

— Конечно! Конечно! Не стоит идти в зверинец…

— Пусть приведут Просперо сюда. Мы будем есть торт и рассматривать это чудовище.

«Опять торт, — испугался продавец. — Дался им этот торт. Обжоры!»

— Приведите Просперо, — сказал первый Толстяк.

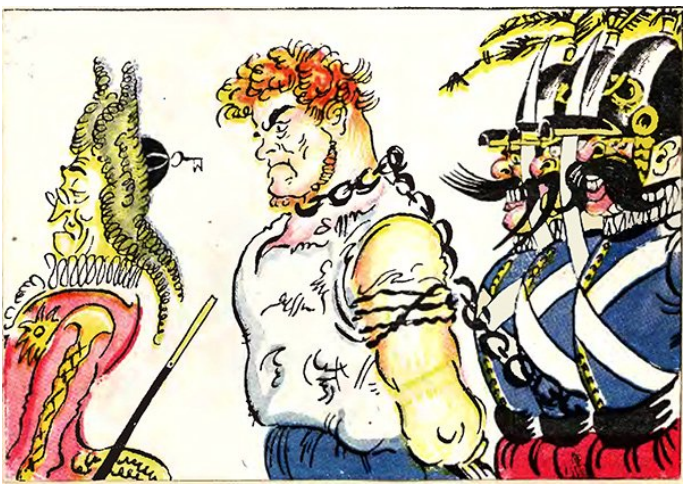
Государственный канцлер вышел. Слуги, стоявшие в виде коридора, раздвинулись и поклонились. Коридор стал вдвое ниже.

Обжоры затихли.

— Он очень страшен, — сказал второй Толстяк. — Он сильнее всех. Он сильнее льва. Не-

ненависть прожгла ему глаза. Нет силы смотреть в них.

— У него ужасная голова, — сказал секретарь государственного совета. — Она огромна. У него рыжие волосы. Она похожа на капитель колонны. Можно подумать, что его голова объята пламенем.



...В зал ввели оружейника Просперо...

Теперь, когда зашел разговор об оружейнике Просперо, с обжорами произошла перемена. Они перестали есть, шутить, шуметь, подобрали жи-

воты, некоторые даже побледнели. Уже многие были недовольны тем, что захотели его увидеть.

Три Толстяка сделались серьезными и как будто слегка похудели.

Вдруг все замолкли. Наступила полная тишина. Каждый из Толстяков сделал такое движение, как будто хотел спрягаться за другого.

В зал ввели оружейника Просперо.

Впереди шел государственный канцлер. По сторонам— гвардейцы. Они вошли, не сняв своих черных клеенчатых шляп, держа наголо сабли. Звенела цепь. Руки оружейника были закованы. Его подвели к столу. Он остановился в нескольких шагах от Толстяков.

Оружейник Просперо стоял, опустив голову. Пленник был бледен. Кровь запеклась у него на лбу и на виске, под спутанными рыжими волосами.

Он поднял голову и посмотрел на Толстяков. Все сидевшие вблизи отшатнулись.

— Зачем вы его привели? — раздался крик одного из гостей. Это был самый богатый мельник страны. — Я его боюсь.

И мельник упал в обморок, носом прямо в кисель. Некоторые гости бросились к выходу. Тут уже было не до торта.

— Что вам от меня нужно? — спросил оружейник.

Первый Толстяк набрался духу.

— Мы хотели посмотреть на тебя, — сказал он. — А тебе разве не интересно увидеть тех, в чьих руках ты находишься?

— Мне противно вас видеть.

— Скоро мы тебе отрубим голову. Таким образом мы поможем тебе не видеть нас.

— Я не боюсь. Моя голова — одна. У народа сотни тысяч голов. Вы их не отрубите.

— Сегодня на Площади Суда казнь. Там палачи расправятся с твоими товарищами.

Обжоры немного успокоились. Мельник пришел в себя и даже слизал кисельные розы со своих щек.

— Ваш мозг заплыл жиром, — говорил Просперо. — Вы ничего не видите дальше своего брюха…

— Скажите пожалуйста, — обиделся второй Толстяк. — А что же мы должны видеть?

— Спросите ваших министров. Они знают о том, что делается в стране.

Государственный канцлер неопределенно крякнул. Министры забарабанили пальцами по тарелкам.

— Спросите их, — продолжал Просперо, — они вам расскажут…

Он остановился. Все насторожились.

— Они вам расскажут о том, что крестьяне, у которых вы отнимаете хлеб, добытый тяжелым трудом, поднимаются против помещиков. Они сжигают их дворцы, они выгоняют их со своей земли. Рудокопы не хотят добывать уголь для того, чтобы вы завладели им. Рабочие ломают машины, чтобы не работать ради вашего обогащения. Матросы выбрасывают ваши грузы в море. Солдаты отказываются служить вам. Ученые, чиновники, судьи, актеры переходят на сторону народа. Все, кто раньше работал на вас и получал за это гроши, в то время как вы жирели, все несчастные, обездоленные, голодные, исхудалые сироты, калеки, нищие — все идут войной против вас, против жирных, богатых, заменивших сердце камнем…

— Мне кажется, что он говорит лишнее, — вмешался государственный канцлер.

Но Просперо говорил дальше:

— Пятнадцать лет я учил народ ненавидеть вас и вашу власть. О, как давно мы собираем силы! Теперь пришел ваш последний час.

— Довольно! — пискнул третий Толстяк.

— Нужно его посадить обратно в клетку, — предложил второй.

А первый сказал:

— Ты будешь сидеть в своей метке до тех пор, пока мы не поймаем гимнаста Тибула. Мы вас казним вместе. Народ увидит ваши трупы. У него надолго отпадет охота воевать с нами.

Просперо молчал. Он снова опустил голову.

Толстяк продолжал:

— Ты забыл, с кем хочешь воевать. Мы, Три Толстяка, сильны и могущественны. Все принадлежит нам. Я, первый Толстяк, владею всем хлебом, который родит наша земля. Второму Толстяку принадлежит весь уголь, а третий — скупил все железо. Мы богаче всех. Самый богатый человек в стране беднее нас в сто раз. За наше золото мы можем сделать все, что хотим.

Тут обжоры пришли в неистовство. Слова Толстяка придали им храбрости.

— В клетку его! В клетку! — начали они кричать.

— В зверинец!

— В клетку!

— Мятежник!

— В клетку!

Просперо увели.

— А теперь будем есть торт, — сказал первый Толстяк.

«Конец!» — решил продавец.

Все взоры устремились на него. Он закрыл глаза. Обжоры веселились.

— Хо-хо-хо!

— Ха-ха-ха! Какой чудный торт! Посмотрите на эти шары.

— Они восхитительны.

— Посмотрите на эту рожу!

— Она чудесна.

Все двинулись к торту.

— А что внутри этого смешного чучела? — спросил кто-то и больно щелкнул продавца по лбу.

— Должно быть, конфеты.

— Или шампанское…

— Очень интересно! Очень интересно!

— Давайте спервa отрежем эту голову и посмотрим, что получится…

— Ай!

Продавец не выдержал и сказал очень внятно:

— Ай! — и раскрыл глаза.

Любопытные отпрянули. И в этот момент в галерее раздался громкий детский крик:

— Кукла! Моя кукла!

Все прислушались. Особенно взволновались

Три Толстяка и государственный канцлер.

Крик перешел в плач. В галерее громко плакал обиженный мальчик.

— Что такое? — спросил первый Толстяк. — Это плачет наследник Тутти!

— Это плачет наследник Тутти! — в один голос повторили второй и третий Толстяки. Все трое побледнели. Они были очень испуганы.

Государственный канцлер, несколько министров и слуги понеслись к выходу на галерею.

— Что такое? Что такое? — шепотом зашумел зал.

Мальчик вбежал в залу. Он растолкал министров и слуг.

Он побежал к Толстякам, тряся волосами и сверкая лаковыми туфлями. Рыдая, он выкрикивал отдельные слова, которых никто не понимал.

«Этот мальчишка увидит меня, — заволновался продавец. — Проклятый крем, который мешает мне дышать и двинуть хотя бы пальцем, конечно, очень понравится мальчишке. Чтобы он не плакал, ему, конечно, отрежут кусочек торта вместе с моей пяткой».

Но мальчик даже не посмотрел на торт. Даже чудесные воздушные шары, висевшие над круглой головой продавца, не привлекли его

внимания.

Он горько плакал.

— В чем дело? — спросил первый Толстяк.

— Почему наследник Тутти плачет? — спросил второй.

А третий надул щеки.

Наследнику Тутти было одиннадцать лет. Он воспитывался во Дворце Трех Толстяков. Он рос как маленький принц. Толстяки хотели иметь наследника. У них не было детей. Все богатство Трех Толстяков и управление страной должно было перейти к наследнику Тутти.

Слезы наследника Тутти внушили Толстякам больший страх, нежели слова оружейника Просперо.

Мальчик сжимал кулаки, размахивал ими и топал ногами.

Не было предела его гневу и обиде.

Никто не знал причины.

Воспитатели выглядывали из-за колонн, боясь войти в зал. Эти воспитатели в черных одеждах и в черных париках походили на закопченные ламповые стекла.

В конце концов, немного успокоившись, мальчик рассказал в чем дело…

— Моя кукла, моя чудная кукла сломалась!..

Мою куклу испортили. Гвардейцы кололи мою куклу саблями…

Он опять зарыдал. Маленькими кулаками он тер глаза и размазывал слезы по щекам.

— Что? — заорали Толстяки.

— Что?

— Гвардейцы?

— Кололи?

— Саблями?

— Куклу наследника Тутти?

И весь зал сказал тихо, как будто вздохнул:

— Этого не может быть!

Государственный канцлер хватился за голову. Тот же нервный мельник снова упал в обморок, но моментально пришел в себя от страшного крика первого Толстяка:

— Прекратить торжество! Отложить все дела! Собрать совет! Всех чиновников! Всех судей! Всех министров! Всех палачей! Отменить сегодняшнюю казнь! Измена во дворце!

...Вот что случилось в парке...

Поднялся переполох. Через минуту дворцовые кареты поскакали во все стороны. Через пять минут со всех сторон мчались ко дворцу судьи, советники, палачи. Толпа, ожидавшая на Площади Суда казни мятежников, должна была разойтись.

Глашатаи, взойдя на помост сообщили этой толпе, что казнь переносится на следующий день по причине очень важных событий.

Продавца вместе с тортом вынесли из зала. Обжоры моментально отрезвели.

Все обступили наследника Тутти и слушали.

— Я сидел на траве в парке, и кукла сидела рядом со мной. Мы хотели, чтобы сделалось солнечное затмение. Это очень интересно. Вчера я читал в книге. Когда происходит затмение, днем появляются звезды.

Он набил слезами полный рот и не мог говорить. И вместо него рассказал всю историю воспитатель. Последний, впрочем, тоже говорил с трудом, потому что дрожал от страха.

— Я находился невдалеке от наследника Тутти и его куклы. Я сидел на солнце, подняв нос. У меня, на носу прыщ, и я думал, что солнечные лучи помогут мне избавиться от некрасивого прыща. И вдруг появились гвардейцы. Их было двенадцать человек. Они возбужденно о чем-то говорили. Поровнявшись с нами, они остановились. Они имели угрожающий вид. Один из них сказал, указывая на наследника Тутти: «Вот сидит волчонок. У трех жирных свиней растет волчонок». Увы! Я понял, что означали эти слова.

— Кто ж эти три жирных свиньи? — спросил первый Толстяк.

Два остальные густо покраснели. Тогда покраснел и первый. Все трое сопели так сильно, что на веранде раскрывалась и закрывалась стеклянная дверь.

— Они обступили кольцом наследника Тутти, — продолжал воспитатель. — Они говорили: «Три свиньи воспитывают железного волчонка. Наследник Тутти, — спрашивали они, — с какой стороны у тебя сердце?» — «У него вынули сердце. Он должен расти злым, черствым, жестким, с ненавистью к людям»... — «Когда сдохнут три свиньи, злой волк заступит их место».

— Почему же вы не прекратили этих ужасных речей? — закричал государственный канцлер, тряся воспитателя за плечо. — Разве вы не догадались, что это изменники, перешедшие на сторону народа?

Воспитатель был в ужасе. Он лепетал:

— Я это видел, но я их боялся. Они были очень возбуждены. А у меня не было никакого оружия, кроме прыща... Они держались за эфесы сабель, готовые ко всему. «Посмотрите, — сказал один из них, — вот чучело. Вот кукла. Волчонок играет с куклой. Ему не показывают живых детей. Чучело,

куклу с пружиной, дали ему в товарищи». Тогда другой закричал: «Я оставил в деревне сына и жену. Мой мальчик, стреляя из рогатки, попал в грушу, висевшую на дереве в парке помещика. Помещик велел высечь мальчика розгами за оскорбление власти богачей, а его слуги поставили мою жену к позорному столбу». Гвардейцы начали кричать и наступать на наследника Тутти. Тот, который рассказывал про мальчика, выхватил саблю и ткнул ею в куклу. Другие сделали то же…

В этом месте рассказа наследник Тутти залился слезами.

— «…Вот тебе, волчонок! — говорили они. — Потом мы доберемся и до твоих жирных свиней».

— Где эти изменники? — загремели Толстяки.

— Они бросили куклу и побежали в глубь парка. Они кричали: «Да здравствует оружейник Просперо! Да здравствует гимнаст Тибул! Долой Трех Толстяков!»

— Отчего же стража не стреляла в них? — возмущался зал.

И тогда воспитатель сообщил страшную вещь:

— Стража махала им шляпами. Я видел из-за ограды, как стражники прощались с ними. Они говорили: «Товарищи! Идите к народу и скажите,

что скоро все войска перейдут на его сторону»...

Вот что случилось в парке. Началась тревога. Самые надежные части дворцовой гвардии были расставлены на постах во дворце, в парке, у входов и выходов, на мостах и по дороге к городским воротам.

Государственный совет собрался на совещание. Гости разъехались. Три Толстяка взвесились на весах главного дворцового врача. Оказалось, что, несмотря на волнение, они не потеряли ни капли жиру. Главный врач был посажен под арест на хлеб и на воду.

Куклу наследника Тутти нашли в парке на траве. Она не дождалась солнечного затмения. Она была безнадежно испорчена.

Наследник Тутти никак не мог успокоиться. Он обнимал поломанную куклу и рыдал. Кукла имела вид девочки. Она была такого же роста, как и Тутти, дорогая, искусно сделанная кукла, ничем по виду не отличающаяся от маленькой живой девочки.

Теперь ее платье было изорвано, и на груди чернели дыры от сабельных ударов.

Еще час тому назад она умела сидеть, стоять, улыбаться, танцевать. Теперь она стала простым чучелом, тряпкой. Где-то в горле у нее и в груди

под розовым шелком хрипела сломанная пружина, как хрипят старые часы, раньше чем пробить время.

— Она умерла, — жаловался наследник Тутти. — Какое горе! Она умерла!

Маленький Тутти не был волчонком.

— Эту куклу нужно исправить.

Так сказал государственный канцлер на совещании государственного совета.

— Горе наследника Тутти не имеет границ. Во что бы то ни стало куклу надо исправить.

— Нужно купить другую, — предложили министры.

— Наследник Тутти не хочет другой куклы. Он хочет, чтобы эта кукла воскресла.

— Но кто же может исправить ее?

— Я знаю, — сказал министр народного просвещения.

— Что?

— Мы забыли, господа, что в городе живет доктор Гаспар Арнери. Этот человек может сделать все. Он исправит куклу наследника Тутти.

Разразился общий восторг:

— Браво! Браво!

И весь государственный совет, вспомнив о докторе Гаспаре, запел хором:

Как лететь с земли до звезд,
Как поймать лису за хвост,
Как из камня сделать пар,—
Знает доктор наш Гаспар.

Тут же составили приказ доктору Гаспару.

«Господину доктору Гаспару Арнери.

Препровождая при сем поврежденную куклу наследника Тутти, Государственный Совет Правительства Трех Толстяков приказывает Вам исправить эту куклу к завтрашнему дню. В случае, если кукла приобретет прежний здоровый и живой вид, — Вам будет выдана награда, какую Вы пожелаете; в случае невыполнения — грозит Вам строгая кара.

Председатель Государственного Совета Государственный Канцлер…»

И в этом месте канцлер расписался. Тут же поставили большую государственную печать. Она была круглая, с изображением туго набитого мешка.

Капитан дворцовой гвардии, граф Бонавентура, в сопровождении двух гвардейцев отправился в город, чтобы разыскать доктора Гаспара Арнери и передать ему приказ государственного совета.

Они скакали на лошадях, а позади ехала каре-

та. Там сидел дворцовый чиновник. Он держал куклу на коленях.

Она печально приникла к его плечу чудесной головкой с подстриженными кудрями.

Наследник Тутти перестал плакать. Он поверил, что завтра привезут воскресшую, здоровую куклу.

Так тревожно прошел день во дворце.

Но чем же окончились похождения летающего продавца воздушных шаров?

Его унесли из зала, — это мы знаем.

Он снова очутился в кондитерской.

И тут произошла катастрофа.

Один из слуг, несших торт, наступил на апельсинную корку.

— Держись! — закричали слуги.

— Караул! — закричал продавец, чувствуя, что его трон шатается.

Но дурак не удержался. Он грохнулся на твердый кафельный пол. Он задрал длинные ноги и протяжно завыл.

— Ура! — завопили поварята в восторге.

— Черти, — сказал продавец с безнадежной грустью, падая вместе с блюдом и с тортом на пол, вслед за слугой.

Блюдо разбилось вдребезги. Крем снежными

комьями полетел во все стороны. Слуга вскочил и удрал.

Поварята прыгали, плясали и орали.

Продавец сидел на полу, среди осколков, в луже малинового сиропа и в облаках хорошего французского крема, которые печально таяли на развалинах торта.

Продавец с облегчением увидел, что в кондитерской только поварята, а трех главных кондитеров нет.

«С поварятами я войду в сделку, и они мне помогут бежать, — решил он. — Мои шары меня выручат».

Он крепко держал веревочку с шарами.

Поварята обступили его со всех сторон. По их глазам он видел, что шары — сокровище, что обладать хотя бы одним шаром — для поваренка мечта и счастье.

On сказал:

— Мне очень надоели приключения. Я не маленький мальчик и не герой. Я не люблю летать, я боюсь Трех Толстяков, я не умею украшать парадные торты. Мне очень хочется освободить Дворец от своего присутствия.

Поварята перестали смеяться. Шары покачивались, вращались. От этого движения солнечный

свет вспыхивал в них то синим, то желтым, то красным пламенем. Это были чудесные шары.

— Можете ли вы устроить мое бегство? — опросил продавец, дергая веревочку.

— Можем, — сказал один поваренок тихо.

И добавил:

— Отдайте нам ваши шары.

Продавец победил.

— Хорошо, — сказал он равнодушным тоном, — согласен. Шары стоят очень дорого. Мне очень нужны эти шары, но я согласен. Вы мне нравитесь. У вас такие веселые, открытые лица и звонкие голоса.

«Черт бы вас взял», — добавил он при этом мысленно.

— Главный кондитер сейчас в кладовой, — сказал поваренок. — Он развешивает продукты для печения к вечернему чаю. Нам нужно успеть до его возвращения.

— Правильно, — согласился продавец, — медлить не стоит.

— Сейчас. Я знаю один секрет.

С этими словами поваренок подошел к большой медной кастрюле, стоявшей на кафельном кубе. Потом он поднял крышку.

— Давайте шары, — потребовал он.

— Ты сошел с ума, — рассердился продавец. — Зачем мне твоя кастрюля? Я хочу бежать. Что же, в кастрюлю мне лезть, что ли?

— Вот именно.

— В кастрюлю?

— В кастрюлю.

— А потом?

— Там увидите. Лезьте в кастрюлю. Это наилучший способ бегства.

Кастрюля была так объемиста, что в нее мог пролезть не только тощий продавец, но даже самый толстый из Трех Толстяков.

— Лезьте скорее, если хотите успеть во-время.

Продавец взглянул в кастрюлю. В ней не было дна. Он увидел черную пропасть, как в колодце.

— Хорошо, — вздохнул он, — в кастрюлю, так в кастрюлю. Это не хуже воздушного полета и кремовой ванны. Итак, до свидания, маленькие мошенники. Получайте цену моей свободы.

Он развязал узел и раздал шары поварятам. Хватило на каждого: ровно двадцать штук, у каждого на отдельной веревочке.

Потом, с присущей ему неуклюжестью, он влез в кастрюлю, ногами вперед. Поваренок захлопнул крышку.

— Шары! Шары! — кричали поварята в вос-

торге.

Они выбежали из кондитерской вниз — на лужайку парка, под окна кондитерской.

Здесь, на открытом воздухе, было гораздо интересней поиграть с шарами.

И вдруг в трех окнах кондитерской появились три кондитера.

— Что? — загремел каждый из них. — Это что такое? Что за непорядок! Марш назад!!

Поварята были так напуганы криком, что выпустили веревочки.

Счастье окончилось.

Двадцать шаров быстро полетели кверху, в сияющее синее небо. А поварята стояли внизу на траве, среди душистого горошка, разинув рты и задрав головы в белых колпаках.

Глава V. Негр и капустная голова

ВЫ ПОМНИТЕ, что тревожная ночь доктора окончилась появлением из камина канатоходца и гимнаста Тибула.

Что они делали вдвоем, на рассвете, в мастерской доктора Гаспара, неизвестно. Тетушка Ганимед, утомленная волнением и долгим ожиданием доктора Гаспара, крепко спала и видела во сне курицу.

На другой день, значит, как раз в тот день, когда продавец детских воздушных шаров прилетел во Дворец Трех Толстяков и когда гвардейцы искололи куклу наследника Тутти, — с тетушкой Ганимед произошла неприятность. Она выпустила мышь из мышеловки. Эта мышь в прошлую ночь съела фунт мармеладу. Еще раньше, в ночь с пятницы на субботу, она опрокинула стакан с гвоздикой. Стакан разбился, а гвоздика почему-то приобрела запах валерьяновых капель.

В тревожную ночь мышь попалась.

Встав рано утром, тетушка Ганимед подняла мышеловку. Мышь сидела с крайне равнодушным видом, как будто ей не впервые сидеть за решеткой. Она притворялась.

— Не ешь в другой раз мармеладу, если он не тебе принадлежит, — сказала тетушка Ганимед, поставив мышеловку на видное место.

Одевшись, тетушка Ганимед отправилась к доктору Гаспару в мастерскую. Она собиралась поделиться с ним радостью. Вчера утром доктор Гаспар выразил ей сочувствие по поводу гибели мармелада.

— Мышь любит мармелад, потому что в нем много кислот, — сказал он. Это утешило тетушку Ганимед.

— Мышь любит мои кислоты, — посмотрим, любит ли опа мою мышеловку.

Тетушка Ганимед подошла к двери, ведущей в мастерскую. Она держала в руках мышеловку.

Было раннее утро. Зелень сверкала в раскрытом окне.

Ветер, унесший в это утро продавца шаров, поднялся позже.

За дверью слышалось движение.

«Бедненький! — подумала тетушка Ганимед. — Неужели он так и не ложился спать?»

Она постучала.

Доктор что-то сказал, но она не расслышала.

Дверь открылась. На пороге стоял доктор Гаспар. В мастерской пахло чем-то похожим на

жженую пробку. В углу мигал красный, догоравший огонь тигелька.

Очевидно, остаток ночи доктор Гаспар был занят какой-то обычной работой.

— Доброе утро, — весело сказал доктор.

Тетушка Ганимед высоко подняла мышеловку. Мышь принюхивалась, дергая носиком.

— Я поймала мышь!

— О! — доктор был очень доволен. — Покажите-ка!

Тетушка Ганимед засеменила к окну.

— Вот она!

Тетушка протянула мышеловку. И вдруг она увидала негра. Возле окна, на ящике с надписью «осторожно» сидел красивый негр.

Негр был голый.

Негр был в красных штанишках.

Негр был черный, лиловый, коричневый, блестящий. Негр курил трубку.

Тетушка Ганимед так громко сказала «ах», что чуть не разорвалась пополам. Она завертелась волчком и раскинула руки, как огородное чучело. При этом она сделала

Негр был в красных штанишках...

какое-то неловкое движение, задвижка мышеловки, звякнув, открылась, и мышь выпала, исчезнув неизвестно куда.

Таков был ужас тетушки Ганимед.

Негр громко хохотал, вытянув длинные голые ноги в красных туфлях, похожих на гигантские стручья красного перца.

Трубка прыгала у него в зубах, точно сук от порывов бури. А у доктора прыгали, вспыхивая, очки. Он тоже смеялся.

Тетушка Ганимед вылетела из комнаты с быст-

ротой доброго порыва бури.

— Мышь! — вопила она. — Мышь! Мармелад! Негр!

Доктор Гаспар поспешил ей вдогонку.

— Тетушка Ганимед, — успокаивал он се. — Вы напрасно волнуетесь. Я забыл вас предупредить о своем новом опыте. Но вы могли ожидать. Я ведь ученый, я доктор разных наук, я мастер разных приборов. Я произвожу всякие опыты. У меня в мастерской можно увидеть не только негра, но даже слона. Тетушка Ганимед… Тетушка Ганимед… Негр — одно, а яичница — другое… Мы ждем завтрака. Мой негр любит много яичницы…

— Мышь любит кислоты, — шептала в ужасе тетушка Ганимед, — а негр любит яичницу…

— Ну вот. Яичница сейчас, а мышь ночью. Ночью она поймается, тетушка Ганимед. Ей уже ничего не осталось делать на свободе. Мармелад съеден раз и навсегда.

Тетушка Ганимед плакала, добавляя слезы, вместо соли, в яичницу. Они были такие горькие, что даже заменяли перец.

— Хорошо, что много перцу. Очень вкусно, — хвалил негр, уплетая яичницу.

Тетушка Ганимед принимала валерьяновые капли, которые теперь, в свою очередь, почему-то

пахли гвоздикой. Вероятно, от слез.

Потом она видела через окно, как доктор Гаспар прошел по улице. Все было в порядке: новый шарф, новая трость, новые (хотя и старые) башмаки на красивых целых каблуках.

Но рядом с ним шел негр.

Тетушка Ганимед зажмурила глаза и села на пол. Вернее, не на пол, а на кошку. Кошка от ужаса запела. Тетушка Ганимед, выведенная из себя, — побила кошку: во-первых, за то, что она вертится под ногами, а во-вторых, за то, что она не сумела в свое время поймать мышь.

А мышь, пробравшись из мастерской доктора Гаспара в комод тетушки Ганимед, ела миндальные коржики, нежно вспоминая о мармеладе. Мышь любит кислоты и не боится негров.

Доктор Гаспар Арнери жил на Улице Тени. Свернув с этой улицы налево, вы попадаете в переулок, носящий имя Вдовы Лизаветы, а оттуда, перерезав улицу, славящуюся дубом, который разбила молния, можно было, пройдя еще пять минут, очутиться на Четырнадцатом Рынке.

Доктор Гаспар и негр направились туда. Уже поднимался ветер. Исковерканный дуб скрипел как качели. Расклейщик афиш никак не мог справиться с листом, приготовленным для наклейки.

Ветер рвал его из рук и бросал в лицо расклейщику. Издали казалось, что человек вытирает лицо белой салфеткой.

Наконец ему удалось прихлопнуть афишу к забору.

Доктор Гаспар прочел:

«Граждане! Граждане! Граждане!

Сегодня Правительство Трех Толстяков устраивает для народа празднества. Спешите на Четырнадцатый Рынок! Спешите! Там будут зрелища, развлечения, спектакли! Спешите!»

— Вот, — сказал доктор Гаспар. — Все ясно. Сегодня на Площади Суда предстоит казнь мятежников. Палачи Трех Толстяков будут рубить головы тем, кто восстал против власти богачей и обжор. Три Толстяка хотят обмануть народ. Они боятся, чтобы народ, собравшись на Площади Суда, не сломал плахи, не убил палачей и не освободил своих братьев, осужденных на смерть. Поэтому они устраивают развлечения для народа. Они хотят отвлечь его внимание от сегодняшней казни.

Доктор Гаспар и его черный спутник пришли на рыночную площадь. У балаганов толкался народ. Ни одного франта, ни одной дамы в наряде цвета золотых рыбок и винограда, ни одного

знатного старика на расшитых золотом носилках, ни одного купца с огромным кожаным кошельком на боку — не увидел доктор Гаспар среди собравшихся.

Здесь были бедные жители окраин: ремесленники, мастеровые, продавцы ржаных лепешек, поденщицы, старухи, нищие, грузчики, калеки. Серую, старую, рваную одежду иногда только украшали либо зеленые обшлага, либо пестрый плащ, либо разноцветные ленты.

Ветер раздувал седые волосы старух, подобные войлоку, жег глаза, рвал коричневые лохмотья нищих.

Лица у всех были хмурые, все ожидали недоброго.

— На Площади Суда казнь, — говорили люди. — Там будут падать головы наших товарищей, а здесь будут кривляться шуты, которым Три Толстяка заплатили много золота.

— Идем на Площадь Суда! — раздавались крики.

— У нас нет оружия. У нас нет пистолетов и сабель. А Площадь Суда окружена тройным кольцом гвардейцев.

— Солдаты еще покуда служат им. Они в нас стреляли. Ничего! Не сегодня-завтра они пойдут

вместе с нами против своих начальников.

— Уже сегодня ночью на Площади Звезды гвардеец застрелил своего офицера. Этим он спас жизнь гимнасту Тибулу.

— А где Тибул? Удалось ли ему бежать?

— Неизвестно. Всю ночь и на рассвете гвардейцы сжигали рабочие кварталы. Они хотели его найти.

Доктор Гаспар и негр подошли к балаганам. Представление еще не начиналось.

За размалеванными занавесками, за перегородками слышались голоса, позванивали бубенцы, напевали флейты, что-то пищало, шелестело, рычало. Там актеры готовились к спектаклю.

Занавеска раздвинулась, и выглянула рожа. Это был испанец, чудесный стрелок из пистолета. У него топорщились усы, и один глаз вращался.

— А, — сказал он, увидав негра. — Ты тоже принимаешь участие в представлении? Сколько тебе заплатили?

Негр молчал.

— Я получил десять золотых монет, — хвастался испанец. Он принял негра за актера.

— Иди-ка сюда, — сказал он шепотом, делая таинственное лицо.

Негр поднялся к занавеске. Испанец рассказал

ему тайну. Оказалось, что Три Толстяка наняли сто актеров для того, чтобы они представляли сегодня на рынках и своей игрой всячески восхваляли власть богачей и обжор и, вместе с тем, охаивали мятежников, оружейника Просперо и гимнаста Тибула.

— Они собрали целую труппу: фокусников, укротителей, клоунов, наездниц, чревовещателей, танцоров… Всем были выданы деньги.

— Неужели все актеры согласились восхвалять Трех Толстяков? — спросил доктор Гаспар.

Испанец зашипел:

— Тсс, — он прижал палец к губам. — Об этом нельзя громко говорить. Многие отказались. Их арестовали.

Негр в сердцах плюнул.

В это время заиграла музыка. В некоторых балаганах началось представление. Толпа зашевелилась.

— Граждане, — кричал петушиным голосом клоун с деревянных подмостков. — Граждане! Разрешите вас поздравить!..

Он остановился, ожидая, пока наступит тишина. С его лица сыпалась мука…

— Граждане, позвольте вас поздравить со следующим радостным событием. Сегодня палачи

наших милых, розовых, толстеньких Трех Толстяков отрубят головы подлым мятежникам…

Он не договорил. Мастеровой запустил в него недоеденной лепешкой. Она залепила ему рот.

— М-м-м-м-м-м! — клоун мычал, но ничто не помогало. Плохо выпеченное, полусырое тесто залепило ему рот. Он махал руками, морщился.

— Так! Правильно! — закричали в толпе…

Клоун удрал за перегородку.

— Негодяй! Он продался Трем Толстякам. За деньги он хулит тех, кто пошел на смерть ради нашей свободы!

Музыка заиграла громче. Присоединилось еще несколько оркестров: девять дудок, три фанфары, три турецких барабана и одна скрипка, звуки которой вызывали зубную боль.

Владельцы балаганов старались этой музыкой заглушить шум толпы.

— Пожалуй, наши актеры испугаются этих лепешек, — говорил один из них. — Нужно делать вид, что ничего не случилось.

— Пожалуйте! Пожалуйте! Спектакль начинается…

Другой балаган назывался «Троянский Конь».

Из-за занавески вышел директор. На голове у него была очень высокая шляпа из зеленого сук-

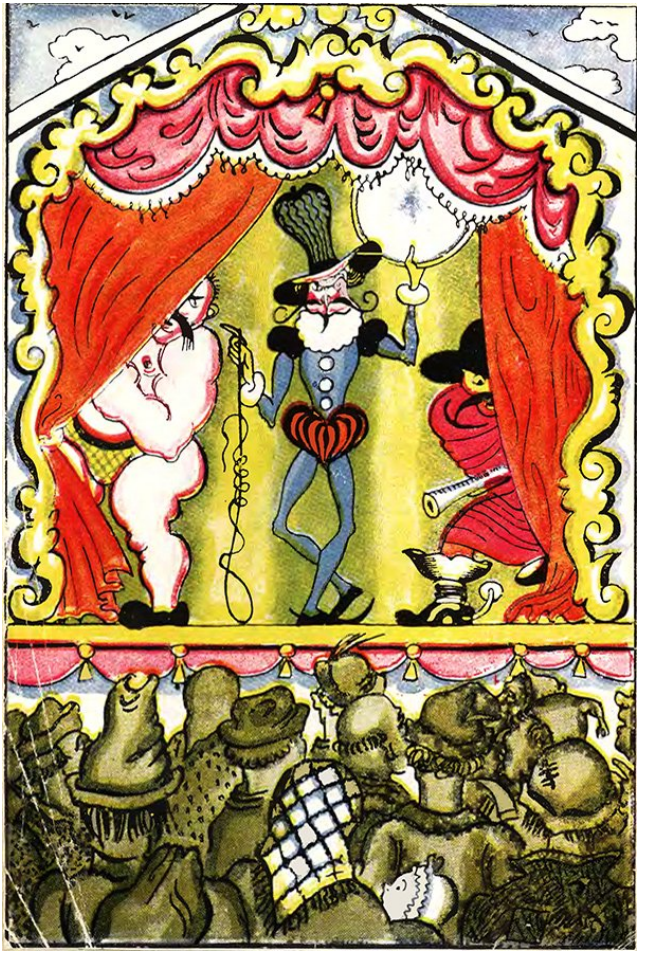
на, на груди круглые медные пуговицы, на щеках старательно нарисованные красивые румянцы.

— Тише! — сказал он так, как будто говорил по-немецки. — Тише! Наше представление стоит вашего внимания.

Некоторое внимание установилось.

— Ради сегодняшнего праздника мы пригласили силача Лапитупа.

— Та-ти-ту-та! — повторила фанфара.



— Ради сегодняшнего праздника мы пригласили силача Лапитупа…

Трещотки изобразили нечто в роде аплодисментов.

— Силач Лапитуп покажет вам чудеса своей силы…

Оркестр грянул. Занавес раскрылся. На подмостки вышел силач Лапитуп. Действительно, этот огромный детина в розовом трико казался очень сильным.

Он сопел и нагибал голову по-бычьи. Мускулы у него ходили под кожей точно кролики, проглоченные удавом.

Прислужники принесли гири и бросили их на подмостки. Доски чуть не проломились. Пыль и опилки взлетели столбом. Гул пошел по всему рынку.

Силач начал показывать свое искусство. Он взял в каждую руку по гире, подкинул гири как мячики, поймал и потом с размаху ударил одну об другую… Посыпались искры.

— Вот, — сказал он. — Так Три Толстяка разобьют лбы оружейнику Просперо и гимнасту Тибулу.

Этот силач был тоже подкуплен золотом Трех Толстяков.

— Ха-ха-ха! — загремел он, радуясь своей шутке. Он знал, что никто не рискнет швырнуть в него лепешкой. Все видели его силу.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал голос негра. Целый огород голов повернулся в его сторону.

— Что ты говоришь? — спросил негр, ставя на ступеньку ногу.

— Я говорю, что так, лбом об лоб, Три Толстяка расшибут головы оружейнику Просперо и гимнасту Тибулу.

— Молчи.

Негр говорил спокойно, сурово и негромко.

— А ты кто такой, черная образина? — рассердился силач. Он бросил гири и подбоченился.

Негр поднялся на подмостки.

— Ты очень силен, но подл ты не менее. Ответь лучше, кто ты? Кто тебе дал право издеваться над народом? Я знаю тебя. Ты сын молотобойца. Твой отец до сих пор работает на заводе. Твою сестру зовут Эли. Она прачка.

Она стирает белье богачей. Быть может, ее вчера застрелили гвардейцы. А ты — предатель!

Силач отступил в изумлении. Негр, действительно, говорил правду. Силач ничего не понимал.

— Уходи вон! — крикнул негр.

Силач пришел в себя. Его лицо налилось кровью. Он сжал кулаки.

— Ты не имеешь права мне приказывать! — с трудом проговорил он. — Я тебя не знаю. Ты — дьявол.

— Уходи вон! Я просчитаю до трех. Раз!

Толпа замерла. Негр был на голову ниже Лапитупа и втрое тоньше его. Однако, никто не сомневался, что, в случае драки, победит негр. Такой решительный, строгий и уверенный был у него вид.

— Два!

Силач втянул голову.

— Черт, — прошипел он.

— Три!!

Силач исчез. Многие зажмурили глаза, ожидая страшного удара, и когда раскрыли их, то силача уже не было. Он мгновенно исчез за перегородкой.

— Вот так прогонит народ Трех Толстяков, — весело сказал негр, поднимая руки.

Толпа бушевала в восторге. Люди хлопали в ладоши и кидали шапки в воздух.

— Да здравствует народ!

— Браво! Браво!

Только доктор Гаспар недовольно покачивал головой. Чем он был недоволен — неизвестно.

— Кто это? Кто это? Кто этот негр? — интересовались зрители.

— Это тоже актер?

— Мы никогда его не видели!

— Кто ты?

— Почему ты выступил в нашу защиту?

— Позвольте! Позвольте!

Какой-то оборванец протиснулся сквозь толпу. Это был тот же нищий, который вчера вечером разговаривал с цветочницами и кучерами. Доктор Гаспар узнал его.

— Позвольте, — волновался нищий. — Разве вы не видите, что нас обманывают? Этот негр такой же актер, как и силач Лапитуп. Одна шайка. Он тоже получил деньги от Трех Толстяков.

Негр сжал кулаки.

Восторг толпы сменился гневом.

— Конечно! Один негодяй прогнал другого.

— Он боялся, что мы побьем его товарища, и сыграл штуку.

— Долой!

— Негодяй!

— Предатель!

Доктор Гаспар хотел что-то сказать, удержать

толпу, но было поздно. Человек двенадцать взбежав на подмостки, окружили негра.

— Бейте его! — завизжала старуха.

Негр протянул руку. Он был спокоен.

— Стойте!

Его голос покрыл крики, шум и свистки. Сделалось тихо, и в тишине спокойно и просто прозвучали слова негра.

— Я гимнаст Тибул.

Произошло замешательство.

Кольцо нападавших распалось.

— Ах! — вздохнула толпа.

Сотни людей дернулись и застыли.

И только кто-то растерянно спросил:

— А почему ты черный?

— Об этом спросите доктора Гаспара Арнери…

И, улыбаясь, негр указал на доктора.

— Конечно, это он.

— Тибул.

— Ура! Тибул цел! Тибул жив! Тибул с нами!

— Да здравств…

Но крик оборвался. Случилось что-то непредвиденное и неприятное. Задние ряды пришли в смятение. Люди рассыпались во все стороны.

— Тише, тише!

— Беги, Тибул! Спасайся!

На площади появились три всадника и карета.

Это был капитан дворцовой гвардии, граф Бонавентура, в сопровождении двух гвардейцев. В карете ехал дворцовый чиновник со сломанной куклой наследника Тутти. Она печально приникла к его плечу чудесной головкой с подстриженными кудрями.

Они искали доктора Гаспара.

— Гвардейцы! — заорал кто-то благим матом. Несколько человек перемахнули через забор.

Черная карета остановилась. Лошади мотали головами. Звенела и вспыхивала сбруя.

Ветер трепал голубые перья. Всадники окружили карету.

У капитана Бонавентуры был страшный голос. Если скрипка вызывала зубную боль, то от этого голоса получалось ощущение выбитого зуба.

Он приподнялся на стременах и спросил:

— Где дом доктора Гаспара Арнери?

Он натягивал поводья. На руках у него были грубые кожаные перчатки с широким раструбом.

Старуха, в которую этот вопрос попал как шаровидная молния, испуганно махнула рукой в неопределенном направлении.

— Где? — повторил капитан. Теперь его голос уже звучал так, что казалось — выбит не один

зуб, а целая челюсть.

— Я здесь. Кто меня спрашивает?

Люди расступились. Доктор Гаспар, аккуратно ступая, прошел к карете.

— Вы доктор Гаспар Арнери?

— Я доктор Гаспар Арнери.

Дверца кареты открылась.

— Садитесь немедленно в карету. Вас отвезут к вам на дом, и там вы узнаете в чем дело.

Борейтор соскочил с запяток кареты и помог доктору войти. Дверца захлопнулась.

Кавалькада двинулась, взрывая сухую землю. Через минуту все скрылись за углом.

Ни капитан Бонавентура, ни гвардейцы не увидели за толпой гимнаста Тибула. Пожалуй, увидав негра, они не узнали бы в нем того, за кем охотились в прошлую ночь.

Казалось, опасность миновала. Но вдруг раздалось ехидное шипение.

Силач Лапитуп высунул голову из-за барьера, обтянутого коленкором, и шипел:

— Погоди… погоди, дружок!

Он погрозил Тибулу огромным кулачищем.

— Погоди! Вот я сейчас догоню гвардейцев и скажу, что ты здесь.

С этими словами он полез через барьер. Барьер

не выдержал розовой туши. Закричав утиным голосом, барьер сломался.

Силач выдернул ногу из образовавшейся щели и, растолкав кучу людей, бросился бежать вдогонку карете.

— Остановитесь! — вопил он на ходу, размахивая круглыми голыми руками. — Остановитесь! Гимнаст Тибул нашелся! Гимнаст Тибул здесь! Он в моих руках!

Дело принимало угрожающий оборот. А тут еще вмешался испанец с вращающимся глазом и пистолетом за поясом. Другой пистолет он держал в руке. Испанец поднял шум. Он прыгал на подмостках и выкрикивал:

— Граждане! Нужно выдать Тибула гвардейцам, иначе нам будет плохо. Граждане, нельзя ссориться с Тремя Толстяками!

К нему присоединился директор балагана, в котором так неудачно выступил силач Лапитуп.

— Он сорвал мой спектакль! Он прогнал силача Лапитупа! Я не хочу отвечать за него перед Тремя Толстяками!

Толпа загородила Тибула.

Силач не догнал гвардейцев. Он снова появился на площади. Он несся на всех парах прямо на Тибула. Испанец соскочил с подмостков и вытащил

второй пистолет. Директор балагана достал откуда-то белый бумажный круг. Дрессированные собаки в цирке прыгают через такие круги. Он размахивал этим кругом и ковылял с подмостков за испанцем.

Испанец взвел курок.

Тибул увидел, что надо бежать. Толпа раздалась. В следующую минуту Тибула уже не было на площади. Перепрыгнув через забор, он очутился в огороде. Он посмотрел в щель. Силач, испанец и директор бежали к огороду. Зрелище было очень смешное. Тибул засмеялся. Силач бежал как взбесившийся слон, испанец походил на крысу, прыгающую на задних лапках, а директор хромал как подстреленная ворона.

— Мы тебя возьмем живьем! — кричали они.

— Сдавайся!

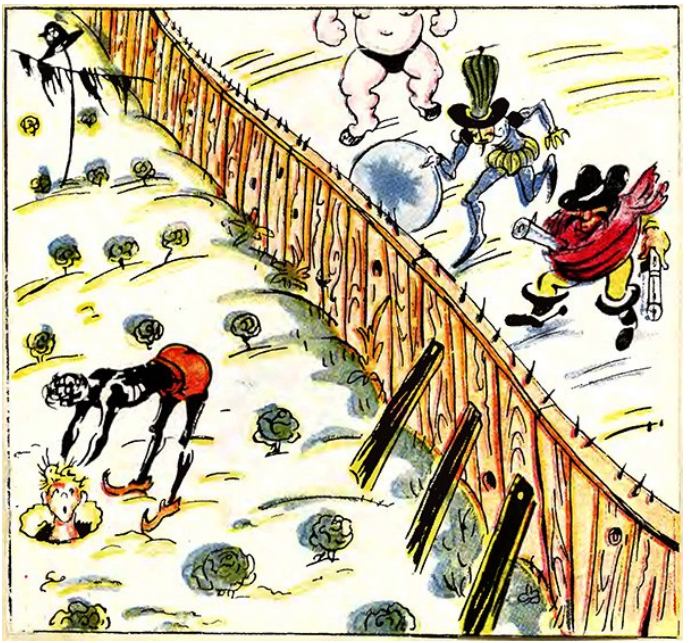
Испанец щелкал курком и зубами. Директор потрясал бумажным кругом.

Тибул ожидал нападения. Он стоял на рыхлой черной земле. Вокруг были грядки. Тут росла капуста, свекла, вились какие-то зеленые усики, торчали стебли, лежали широкие листья.

Все шевелилось от ветра. Ярко сияло синее чистое небо. Сражение началось.

Вся тройка приблизилась к забору.

— Ты здесь? — спросил силач.



— Это не капустная, а моя голова. Я продавец воздушных шаров..

Никто не ответил.

Тогда сказал испанец:

— Сдавайся! У меня в каждой руке по пистолету.

Пистолеты самой лучшей фирмы — «Мошенник и Сын». Я— лучший стрелок в стране, понимаешь?

Тибул не отличался искусством пистолетной стрельбы. Он даже не имел пистолета, но у него под рукой, или, вернее, под ногой, было очень много капустных голов. Он нагнулся, оторвал одну, круглую и увесистую, и швырнул через забор. Капустная голова угодила в живот директору. Потом полетела вторая, третья. Они разрывались не хуже бомб.

Враги растерялись.

Тибул нагнулся за четвертой. Он схватил ее за круглые щеки, сделал усилие, чтобы вырвать, но — увы — капустная голова не поддалась. Мало того, она заговорила человеческим голосом:

— Это не капустная, а моя голова. Я продавец детских воздушных шаров. Я бежал из Дворца Трех Толстяков. И попал в подземный ход. Его начало в кастрюле, а конец здесь. Он тянется под землей в виде длинной кишки…

Тибул не верил своим ушам: капустная голова выдавала себя за человеческую.

Тогда он нагнулся и посмотрел на чудо. Глазам пришлось поверить. Глаза человека, умеющего ходить по канату, не врут.

То, что он увидел, действительно, не имело

ничего общего с капустной головой. Это была круглая рожа продавца воздушных шаров. Как и всегда, она походила на чайник, тонконосый чайник, расписанный маргаритками.

Продавец выглядывал из земли, а взрытая земля, рассыпавшись мокрыми комками, окружала его шею черным воротником.

— Здорово! — сказал Тибул.

Продавец смотрел на него круглыми глазами, в которых отражалось умиленное небо.

— Я отдал поварятам мои воздушные шары, и поварята меня выпустили… А вот, кстати, летит один из этих шаров…

Тибул посмотрел и увидел высоко-высоко, в ослепительной синеве, маленький оранжевый шар.

Это был один из шаров, выпущенных поварятами.

Те трое, что стояли за забором и обдумывали план атаки, гоже увидели шар. Испанец забыл обо всем. Испанец подпрыгнул на сажень, завращал вторым глазом и стал в позу. Он был страстным стрелком.

— Смотрите, — кричал он, — на высоте десяти колоколен летит дурацкий шар. Держу пари на десять золотых монет, что я попаду в него. Нет

лучше стрелка, чем я.

Никто не захотел держать с ним пари, но это не охладило испанца. Силач и директор пришли в негодование.

— Осел! — зарычал силач. — Осел! Теперь не время заниматься охотой за шарами. Осел! Мы должны захватить Тибула. Не трать понапрасну зарядов.

Ничто ее помогало. Шар казался слишком заманчивой, целью для меткого стрелка. Испанец стал прицеливаться закрыв свой неугомонный глаз. И пока он целился, Тибул вытащил продавца из земли. Что это было за зрелище! Чего только не было на его одежде! И остатки крема и сиропа, и куски прилипшей земли, и нежные звездочки цукатов.

В том месте, откуда Тибул вытащил его, как пробку из бутылки, осталась черная дыра. В эту дыру посыпалась земля, и звук получался такой, точно крупный дождь стучал по поднятому верху экипажа.

Испанец выстрелил. Конечно, он не попал в шар. Увы, он попал в зеленую шляпу своего директора, которая и сама была высотой в колокольню.

Тибул бежал из огорода, перепрыгнув через

противоположный забор.

Зеленая шляпа упала, покатившись на манер самоварной трубы. Испанец страшно сконфузился. Слава лучшего стрелка погибла. Мало того: погибло уважение директора.

— Ах, негодяй! — директор был вне себя и, задыхаясь от гнева, надел с размаху бумажный круг на голову испанцу. Круг с треском разорвался, и голова испанца оказалась в зубчатом бумажном воротнике.

Один Лапитуп остался не у дел. Но выстрел всполошил окрестных собак. Одна из них вылетела откуда-то и понеслась на силача.

— Спасайся, кто может! — успел крикнуть Лапитуп. Все трое обратились в бегство.

Продавец остался один. Он взобрался на забор и посмотрел вокруг. Три приятеля скатились под зеленый откос. Лапитуп прыгал на одной ноге, держась за укушенную толстую икру, директор влез на дерево и висел на нем с видом совы, а испанец, мотая головой, торчавшей из бумажного круга, отстреливался от собаки, попадая всякий раз в огородное чучело.

Собака стояла над откосом и, невидимому, не хотела нападать снова.

Вполне удовлетворенная вкусом Лапитуповой

икры, она виляла хвостом и широко улыбалась, свесив розовый, блестящий язык.

Глава VI. Непредвиденное обстоятельство

СПРОСИТЕ доктора Гаспара Арнери, — ответил гимнаст Тибул на вопрос, почему он стал негром.

Но и не спрашивая доктора Гаспара, можно догадаться о причине. Вспомним: Тибулу удалось скрыться с поля сражения; вспомним: гвардейцы охотились на него, они сжигали рабочие кварталы, они подняли стрельбу на Площади Звезды. Тибул нашел убежище в доме доктора Гаспара. Но и тут каждую минуту его могли найти. Опасность была очевидна. Слишком многие знали его в лицо.

Любой лавочник был на стороне Трех Толстяков, потому что сам был толст и богат. Всякий богач, живший по соседству с доктором Гаспаром, мог бы донести гвардейцам о том, что доктор приютил Тибула.

— Вам нужно переменить внешность, — сказал доктор Гаспар в ту ночь, когда Тибул появился в его доме.

И доктор Гаспар сделал Тибула другим.

Он говорил:

— Вы великан. У вас огромная грудная клетка, широкие плечи, блестящие зубы, курчавые жесткие черные волосы. Если бы не белый цвет кожи, вы походили бы на североамериканского негра. Вот и отлично. Я вам помогу стать черным.

Доктор Гаспар Арнери изучил сто наук. Он был очень серьезным человеком, но имел добродушный нрав. Делу время, а потехе час. Иногда он любил развлечься. Но и отдыхая, он оставался ученым. Тогда он приготовлял переводные картинки в подарок для бедных приютских детей; делал удивительные фейерверки, игрушки; строил музыкальные инструменты с голосами неслыханной прелести; составлял новые краски.

— Вот, — сказал он Тибулу, — вот, посмотрите. В этом флаконе бесцветная жидкость. Но, попав на какое-нибудь тело, под влиянием сухого воздуха она окрашивает тело в черный цвет, притом как раз такого лиловатого оттенка, который необходим для негра. А вот в этом флаконе эссенция, уничтожающая эту окраску…

Тибул снял свое трико, сшитое из разноцветных треугольников, и натерся колючей, пахнущей угаром, жидкостью.

Через час он сделался черным.

Тогда вошла тетушка Ганимед со своей мышью.

Дальше мы знаем.

Вернемся к доктору Гаспару. Мы расстались с ним в тот момент, когда капитан Бонавентура увез его в черной карете дворцового чиновника.

Карета летела во весь дух. Мы уже знаем, что силач Лапитуп не догнал ее.

В карете было темно. Очутившись внутри, доктор сперва решил, что сидящий рядом с ним чиновник держит на коленях ребенка, девочку, у которой взлохмачены волосы.

Чиновник молчал. Ребенок тоже.

— Простите, не слишком ли много я занял места? — спросил вежливый доктор, приподнимая шляпу.

Чиновник ответил сухо:

— Не беспокойтесь.

Свет мелькал в узких окнах кареты. Через минуту глаза привыкли к темноте. Тогда доктор разглядел длинный нос чиновника и полуопущенные веки и прелестную девочку в нарядном платьице. Девочка казалась очень печальной. И, вероятно, она была бледна, но в сумраке этого нельзя было определить.

«Бедненькая, — подумал доктор Гаспар. — Она, должно быть, больна».

И снова обратился к чиновнику:

— По всей вероятности, требуется моя помощь? Бедное дитя заболело?

— Да, требуется ваша помощь, — ответил длинный нос.

«Нет никакого сомнения, что это племянница одного из Трех Толстяков или маленькая гостья наследника Тутти, — доктор строил свои соображения. — Она богато одета, ее везут из дворца, капитан гвардии ее сопровождает, — ясно, что это очень важная особа. Да, но ведь живых детей не допускают к наследнику Тутти. Каким же образом этот ангелок попал во дворец?»

Доктор терялся в догадках. Он снова попытался завязать разговор с носатым чиновником:

— Скажите, чем больна эта девочка? Неужели дифтеритом?

— Нет, у нее дыра в груди.

— Вы хотите сказать, что у нее не в порядке легкие?

— У нее дыра в груди, — повторил чиновник.

Доктор из вежливости не спорил.

— Бедная девочка, — вздохнул он.

— Это не девочка, а кукла, — сказал чиновник.

Туг карета подъехала к дому доктора.

Чиновник с куклой и капитан Бонавентура вошли вслед за доктором в дом. Доктор принял

их в мастерской.

«Если это кукла, то зачем могут понадобиться мои услуги?»

Чиновник начал объяснять, и все стало ясно. Тетушка Ганимед, еще не оправившаяся от утренних волнений, заглядывала в щелку. Она видела страшного капитана Бонавентуру. Он стоял, опираясь на саблю и подрыгивая ногой в огромном сапоге с отворотом. Шпоры его походили на кометы. Тетушка видела печальную, больную девочку в розовом нарядном платьице, которую чиновник усадил в кресло. Девочка опустила голову с растрепанными волосами и, казалось, смотрела вниз, на свои милые ножки в атласных туфельках с золотыми розами вместо помпонов.

Сильный ветер кидал ставню в галерее, и этот стук мешал тетушке Ганимед слушать.

Но она кое-что поняла.

Чиновник показал доктору Гаспару приказ государственного совета Трех Толстяков. Доктор прочел и заволновался.

— Кукла должна быть исправлена к завтрашнему утру, — сказал чиновник, вставая.

Капитан Бонавентура звякнул шпорами.

— Да… но… — доктор развел руками. — Я постараюсь, но разве можно ручаться? Я незнаком с

механизмом этой волшебной куклы. Мне нужно его изучить, мне нужно установить свойство повреждений, мне нужно изготовить новые части этого механизма… Для этого потребуется много времени. Быть может, мое искусство окажется бессильным… Быть может, мне не удастся восстановить здоровье израненной куклы… Я боюсь, господа… Такой короткий срок… Одна только ночь… Я не могу обещать.

Чиновник прервал его. Подняв палец, он сказал:

— Горе наследника Тутти слишком велико, чтобы мы могли медлить. Кукла должна воскреснуть к завтрашнему утру. Такова воля Трех Толстяков. Никто не смеет не подчиняться их приказу. Завтра утром вы принесете исправленную, здоровую куклу во Дворец Трех Толстяков.

— Да… но… — протестовал доктор.

— Никаких разговоров! Кукла должна быть исправлена к завтрашнему утру. Если вы сделаете это, вас ожидает награда; если нет — суровая кара.

TOLEDO

…Тетушка Ганимед заглядывала в щелку…

Доктор был потрясен.

— Я постараюсь, — лепетал он. — Но, поймите, это слишком ответственное дело…

— Конечно, — отрубил чиновник и опустил палец. — Я передал вам приказ, — вы обязаны его исполнить. Прощайте.

Тетушка Ганимед отпрянула от двери и убежала в свою комнату, где в углу потрескивала счастливая мышь. Страшные гости вышли. Чиновник уселся в карету; граф Бонавентура, засверкав и зазвенев, вскочил на лошадь; гвардейцы надвинули шляпы, и все ускакали.

Кукла наследника Тутти осталась в мастерской доктора.

Доктор проводил посетителей, потом отыскал тетушку Ганимед и сказал ей необычно строгим голосом:

— Тетушка Ганимед! Запомните. Я дорожу славой мудрого человека, искусного доктора и хитрого мастера. Кроме того, дорожу своей головой. Завтра утром я могу потерять и то, и другое. Мне предстоит тяжелая работа всю эту ночь. Поняли?

Он помахал приказом государственного совета Трех Толстяков.

— Никто мне не должен мешать. Не производите шума. Не стучите тарелками. Не делайте угара. Не сзывайте кур. Не ловите мышей. Никаких яичниц, цветных капуст, мармеладов и валерьяновых капель. Поняли?

Доктор Гаспар был очень сердит.

Тетушка Ганимед заперлась в своей комнате.

— Странные вещи, очень странные вещи, — ворчала она. — Я ничего не понимаю. Какой-то негр, какая-то кукла, какой-то приказ— странные наступили дни.

Чтобы успокоиться, она решила написать письмо к своей племяннице. Пришлось писать очень осторожно, чтобы не скрипело перо. Она боялась потревожить доктора.

Прошел час. Тетушка Ганимед писала. Она дошла до описания удивительного негра, который появился сегодня утром в мастерской доктора Гаспара.

«Они ушли вдвоем. Доктор вернулся с дворцовым чиновником и гвардейцами. Они привезли куклу, ничем не отличающуюся от девочки, но негра с ними не было. Куда он делся, я не знаю…»

Вопрос о том, куда делся негр, он же гимнаст Тибул, беспокоил и доктора Гаспара. Работая над куклой, он не переставал думать о судьбе Тибула.

Он сердился. Оп разговаривал сам с собой.

— Какая неосторожность! Я превратил его в негра, я окрасил его в чудесную черную краску, я сделал его совершенно неузнаваемым, — а он сам себя выдал сегодня на Четырнадцатом Рынке. Ведь его могут схватить… Ах! Ну как же он неосторожен! Неужели ему хочется попасть в железную клетку?

Очень велико было расстройство доктора Гаспара. Неосторожность Тибула, затем эта кукла… кроме того, вчерашние волнения, десять плах на Площади Суда…

— Ужасное время! — воскликнул доктор.

Он не знал, что сегодняшняя казнь отменена. Дворцовый чиновник был неразговорчив. Он не сообщил доктору о том, что произошло сегодня во дворце.

Доктор рассматривал бедную куклу и недоумевал.

— Откуда эти раны? Они нанесены холодным оружием, должно быть, саблей. Куклу, чудесную девочку, искололи… Кто это сделал? Кто осмелился колоть саблей куклу наследника Тутти?

Доктор не предполагал, что это сделали гвардейцы. Он не мог допустить мысли, что даже дворцовая гвардия отказывается служить Трем

Толстякам и переходит на сторону народа. Как бы он обрадовался, если бы в действительности узнал об этом!

Доктор взял в руки личико куклы. Солнце летело в окно. Оно ярко освещало куклу. Доктор смотрел.

— Странно, очень странно, — размышлял он. — Я где-то видел уже это лицо… Ну, да, конечно… Я видел его, я его узнаю. Но где? Когда? Оно было живое, оно было живым лицом девочки, оно улыбалось, строило чудные рожи, было внимательным, было кокетливым и грустным… Да, да. Не может быть в этом сомнения! Но проклятая близорукость мешает мне запоминать лица.

Он подносил кудрявую головку куклы близко к своим глазам.

— Какая удивительная кукла! Какой умный мастер ее создал… Она не похожа на обыкновенную куклу. У куклы обычно голубые, вытаращенные глаза, нечеловеческие и бессмысленные, вздернутый носик, губки бантиком, глупые белокурые кудряшки, точь в точь как у барашка. Кукла кажется счастливой по виду, но в действительности она глупа… А в этой кукле нет ничего кукольного. Клянусь, она может показаться девочкой, превращенной в куклу.

Доктор Гаспар любовался своей необыкновенной пациенткой. И все время его не покидала мысль о том, что где-то, когда-то он видел это же бледное личико, серые внимательные глаза, короткие, растрепанные волосы. Особенно знакомым ему казался поворот головы и взгляд: она наклоняла голову чуть-чуть набок и смотрела на доктора снизу, внимательно, лукаво…

Доктор не выдержал и громко спросил:

— Кукла! Как тебя зовут?

Но девочка молчала. Тогда доктор спохватился. Кукла испорчена, нужно вернуть ей голос, починить сердце, научить ее снова улыбаться, танцевать и вести себя так, как ведут себя девочки в ее возрасте.

— Ей на вид двенадцать лет.

Медлить нельзя было. Доктор принялся за работу.

— Я должен воскресить куклу.

Тетушка Ганимед дописала свое письмо. Два часа она скучала. Потом ее начало разбирать любопытство.

«Что за спешную работу должен выполнять доктор Гаспар? Что это за кукла?»

Она тихо подкралась к дверям мастерской и заглянула в сердцевидную щелку. Увы! Туда был

вставлен ключ. Она ничего не увидела, но зато дверь открылась, и вышел доктор Гаспар. Он был так расстроен, что даже не сделал замечания тетушке Ганимед за ее нескромность. Тетушка Ганимед сконфузилась и без того.

— Тетушка Ганимед, — сказал доктор. — Я ухожу. Вернее, мне придется поехать. Позовите извозчика.

Он помолчал, потом стал тереть ладонью лоб.

— Я иду во Дворец Трех Толстяков. Очень возможно, что я не вернусь оттуда.

Тетушка Ганимед отступила в изумлении.

— Во Дворец Трех Толстяков?

Да, тетушка Ганимед. Дело очень скверное. Мне привезли куклу наследника Тутти. Эта самая лучшая кукла в мире, механизм ее сломался. Государственный совет Трех Толстяков приказал мне исправить эту куклу к завтрашнему утру. Мне грозит суровая кара.

Тетушка Ганимед готовилась заплакать.

— И вот я не могу исправить эту бедную куклу. Я разобрал механизм, спрятанный в ее груди, я понял его секрет, я сумел бы восстановить его. Но… Такая мелочь. Из-за пустяка, тетушка Ганимед, я не могу этого сделать. Там, в этом хитром механизме, есть зубчатое колесо. Оно треснуло…

Оно никуда не годится. Нужно сделать новое… У меня есть подходящий металл, в роде серебра… Но прежде чем приступить к работе, нужно продержать этот металл в растворе купороса по крайней мере два дня.

Понимаете, два дня… А кукла должна быть готова завтра утром.

— А какое-нибудь другое колесо нельзя вставить? — робко предложила тетушка Ганимед.

Доктор печально махнул рукой.

— Я все испробовал, ничего не выходит.

Через пять минут перед домом доктора Гаспара стоял крытый извозчик. Доктор решил ехать во Дворец Трех Толстяков.

— Я нм сказку, что к завтрашнему утру кукла не может быть готова. Пусть делают со мной, что хотят…

Тетушка Ганимед кусала передник и качала головой до тех пор, пока не испугалась, что голова отвалится.

Доктор Гаспар усадил рядом с собою куклу и уехал.

Глава VII. Ночь странной куклы

ВЕТЕР свистел в оба уха доктора Гаспара. Мелодия выходила отвратительная, даже хуже того негритянского галопа, который зажаривают дуэтом точильное колесо и нож под руками старательного точильщика.

Доктор закрыл уши воротником и подставил ветру спину.

Тогда ветер занялся звездами. Он то задувал их, то катил, то проваливал за черные треугольники крыш. Когда эта игра надоела, он выдумал тучи. Но тучи развалились, как башни. Тут ветер сразу стал холодным: он похолодел от злости.

Доктору пришлось закутаться в плащ. Половину плаща он уделил кукле.

— Погоняйте! Погоняйте! Пожалуйста, погоняйте!

Ни с того, ни с сего доктору стало страшно, и он торопил кучера.

Было очень тревожно, темно и пустынно. Только в нескольких окнах появились красноватые огоньки, остальные были закрыты ставнями. Люди ожидали страшных событий.

В этот вечер многое казалось необычным и

подозрительным. И порой доктор даже опасался, что глаза странной куклы, чего доброго, засияют в темноте, как два прозрачных камушка. Он старался не смотреть на свою спутницу.

«Чепуха, — успокаивал он себя. — У меня расходились нервы. Самый обыкновенный вечер. Только мало прохожих. Только ветер так странно кидает их тени, что каждый встречный кажется наемным убийцей в крылатом таинственном плаще… Только газовые фонари на перекрестках горят каким-то мертвенно-голубым светом… Ах, если бы скорей добраться до Дворца Трех Толстяков!..»

Есть очень хорошее средство от страха: заснуть. Особенно рекомендуется натянуть на голову одеяло. Доктор прибег к этому средству. Одеяло он заменил шляпой, которую плотно надвинул на глаза. Ну, и, конечно, он начал считать до ста. Это не помогло. Тогда он воспользовался сильнодействующим средством. Он повторял про себя: «Один слон и один слон — два слона; два слона и один слон — три слона; три слона и один слон — четыре слона…»

Дошло до целого табуна слонов. А уже сто двадцать третий слон из воображаемого слона превратился в настоящего слона. И так как доктор

не мог понять, слон ли это или розовый силач Лапитуп, то, очевидно, доктор спал и начинал видеть сон.

Время во с, не проходит гораздо быстрее, чем наяву. Во всяком случае, доктор во сне успел не только доехать до Дворца Трех Толстяков, но и предстать перед их судом. Каждый Толстяк сидел на таком же толстом слоне. Доктор стоял перед ними, держа за руку куклу, как цыган держит свою обезьянку в синей юбке.

Они не хотели слушать никаких объяснений.

«Ты не выполнил приказа, — говорили они. — Ты заслужил суровую кару. Вместе с куклой ты должен пройти по проволоке над Площадью Звезды. Только сними очки…»

Доктор просил прощенья. Главным образом, он боялся за участь куклы… Он говорил так:

«Я уже привык, я уже умею падать… Если я сорвусь с проволоки и упаду в бассейн, — это ничего. Я имею опыт: я падал вместе с башней на площади у городских ворот… Но кукла, бедная кукла! Она разобьется вдребезги… Пожалейте ее… Ведь я уверен, что это не кукла, а живая девочка с чудесным именем, которое я забыл, которое я не могу припомнить…»

«Нет! — кричали Толстяки. — Нет! Никакого

прощения! Таков приказ Трех Толстяков».

Крик был так резок, что доктор проснулся.

— Таков приказ Трех Толстяков, — кричал кто-то над самым его ухом.

Теперь уже доктор не спал. Это кричали наяву. Доктор освободил глаза, или, вернее, очки из-под шляпы, и огляделся. Ночь, пока он спал, успела основательно почернеть.

Экипаж стоял. Его окружили черные фигуры: они-то и подняли крик, впутавшись в сон доктора. Они размахивали фонарями. От этого перелетали решетчатые тени.

— В чем дело? — спросил доктор. — Где мы находимся? Кто эти люди?

Одна из фигур приблизилась и подняла фонарь на уровень головы, осветив доктора. Фонарь закачался. Рука, державшая его сверху за кольцо, была в перчатке из грубой кожи, с широким раструбом.

Доктор понял: гвардейцы.

— Таков приказ Трех Толстяков, — повторила фигура. Желтый свет разрывал ее на части. Поблескивала клеенчатая шляпа, ночью производившая впечатление железной.

— Никто не имеет права приблизиться ко Дворцу ближе, чем на километр. Сегодня издали этот

приказ. В городе волнения. Дальше ехать нельзя.

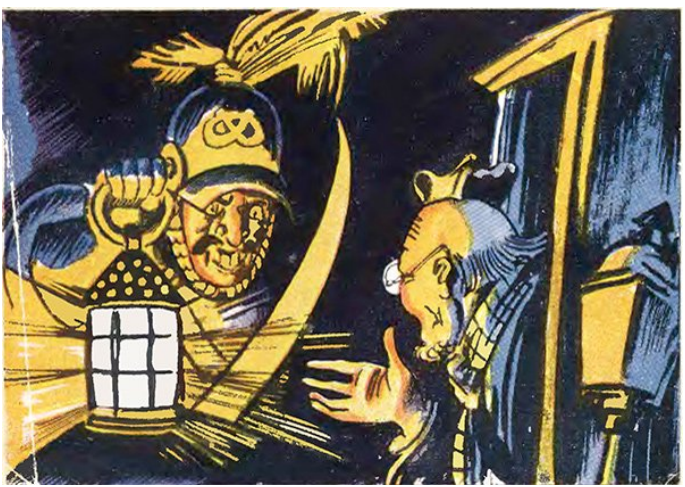
— Да, но мне необходимо явиться но Дворец. — Доктор был возмущен.

Гвардеец говорил железным голосом:

— Я начальник караула, капитан Череп. Я вас не пущу дальше ни на шаг. Поворачивай! — крикнул он кучеру, замахнувшись фонарем.

Доктору стало не по себе. Однако, он не сомневался, что, узнав, кто он и почему ему нужно во Дворец, его немедленно пропустят.

— Я доктор Гаспар Арнери, — сказал он.



— Я начальник караула, капитан Череп…

В ответ загремел смех. Со всех сторон заплясали фонари.

— Гражданин, мы не расположены шутить в такое тревожное время и в такой поздний час, — сказал начальник караула.

— Я повторяю вам: я доктор Гаспар Арнери.

Начальник караула впал в ярость. Он медленно и раздельно проговорил, сопровождая каждое слово звяканьем сабли:

— Для того, чтобы проникнуть во Дворец, вы прикрываетесь чужим именем. Доктор Гаспар Арнери не шатается по ночам. Особенно в эту ночь. Сейчас он занят важнейшим делом. Он воскрешает куклу наследника Тутти. Только завтра утром он явится во Дворец. А вас, как обманщика, я арестую.

— Что? — тут уже доктор пришел в ярость. — Что? Он смеет мне не верить? Хорошо. Я ему сейчас покажу куклу.

Доктор протянул руку за куклой — и вдруг…

Куклы не оказалось. Пока он спал, она выпала из экипажа.

Доктор похолодел.

«Может быть, это все сон?» — мелькнуло у него в сознании.

Увы! Это была действительность.

— Ну, — промычал начальник караула, сжимая зубы и шевеля пальцами, державшими фонарь. — Уезжайте к черту! Я вас отпускаю, чтобы не возиться со старикашкой… Вон!

Пришлось повиноваться. Кучер повернул. Экипаж заскрипел, фыркнула лошадь, железные фонари метнулись в последний раз, и бедный доктор поехал обратно.

Он не выдержал и заплакал. С ним так грубо разговаривали; его назвали старикашкой; а самое главное — он потерял куклу наследника Тутти.

«Это значит, что я потерял голову в самом буквальном смысле».

Он плакал; очки его вспотели; он ничего не видел. Ему захотелось зарыться головой в подушку.

Между тем кучер погонял лошадь. Десять минут огорчался доктор. Но вскоре вернулась к нему обычная его рассудительность.

«Я еще могу найти куклу… — обдумывал он. — В эту ночь мало прохожих. Это место всегда пустынно. Может быть, никто за это время не прошел по дороге…»

Он приказал кучеру продвигаться шагом и внимательно осматривать путь.

— Ну что? Ну что? — спрашивал он каждую

минуту.

— Ничего не видно. Ничего не видно, — отвечал кучер.

Он сообщал о совсем ненужных и неинтересных находках:

— Бочонок.

— Нет… Не то…

— Хороший, большой кусок стекла.

— Нет.

— Рваный башмак.

— Нет, — все тише отвечал доктор.

Кучер старался вовсю. Он высмотрел все глаза. В темноте он видел так хорошо, точно был не кучером, а капитаном океанского парохода.

— А куклы, куклы вы не видите? Куклы в розовом платьице?

— Куклы нет, — говорил кучер печальным басом…

— Ну, в таком случае, ее подобрали. Больше искать нет смысла… Здесь, на этом месте, я заснул… Тогда еще она сидела рядом со мной… Ах!..

И доктор снова готов был заплакать. Кучер несколько раз сочувственно потянул носом.

— Что же делать?

— Ах, я уж не знаю… Ах, я уж не знаю… — Доктор сидел, опустив голову на руки, и покачивался

от горя и толчков экипажа.

— Я знаю, — сказал он. — Ну, конечно… ну, конечно… Как мне раньше не пришло это в голову!.. Она убежала, эта кукла… Я заснул, а она убежала. Ясно. Она была живая. Я сразу это заметил. Впрочем, это не уменьшает моей вины перед Тремя Толстяками…

Тут ему захотелось кушать. Он помолчал немного, а потом заявил очень торжественно:

— Я сегодня не обедал. Везите меня к ближайшему трактиру.

Голод успокоил доктора.

Долго они ездили по темным улицам. Все трактирщики позакрывали свои двери. Все толстяки переживали в эту ночь тревожные часы.

Они приколотили новые засовы и заставили входы комодами и шкафами. Они забили окна перинами и полосатыми подушками. Они не спали. Все, кто был потолще и побогаче, ожидали в эту ночь нападения. Цепных собак не кормили с утра, чтобы они стали внимательнее и злее. Жуткая ночь наступила для богатых и толстых. Они были уверены, что каждую минуту народ может снова подняться. Слух о том, что несколько гвардейцев изменили Трем Толстякам, искололи куклу наследника Тутти и ушли из Дворца, рас-

пространился по городу. Это очень тревожило всех богачей и обжор.

— Черт возьми! — возмущались они. — Мы уже не можем надеяться на гвардейцев. Вчера они подавили восстание народа, а сегодня они направят свои пушки на наши дома.

Доктор Гаспар потерял всякую надежду утолить свой голод и отдохнуть. Вокруг не было никаких признаков жизни.

— Неужели ехать домой? — взмолился доктор. — Но это так далеко... Я умру от голода.

И вдруг он почувствовал запах жаркого. Да, приятно пахло жареным: вероятно, бараниной с луком. А кучер в ту же минуту увидел невдалеке свет. Узкая полоса света шаталась под ветром.

Что это было?

— Вот если бы трактир! — воскликнул доктор в восторге.

Они подъехали.

Оказалось, вовсе не трактир. В стороне от нескольких домишек, на пустыре, стоял дом на колесах. Узкая полоса света оказалась щелью неплотно закрытой двери этого дома.

Кучер слез с козел и пошел на разведки. Доктор, забыв о злоключениях, наслаждался запахом жаркого. Он сопел, посвистывал носом и жму-

рился.

— Во-первых, я боюсь собак, — кричал кучер из темноты. — Во-вторых, здесь какие-то ступеньки…

Все обошлось благополучно. Кучер взобрался на ступеньки к дверям и постучал.

— Кто там?

Узкая полоска света превратилась в широкий, яркий четырехугольник. Дверь раскрылась. На пороге стоял человек. Среди пустого окрестного мрака, на этом ярко-освещенном фоне он казался плоским, вырезанным из черной бумаги.

Кучер отвечал за доктора:

— Это доктор Гаспар Арнери. А кто вы такие? Чей это дом на колесах?

— Здесь балаганчик дядюшки Бризака, — ответила китайская тень с порога. Она чему-то обрадовалась, заволновалась, замахала руками. — Пожалуйте, господа, пожалуйте! Мы очень довольны, что доктор Гаспар Арнери посетил балаганчик дядюшки Бризака.

Счастливый конец. Довольно ночных странствований. Да здравствует балаганчик дядюшки Бризака!

И доктор, и кучер, и лошадь нашли приют, ужин, отдых. Дом на колесах оказался госте-

приимным домом. В нем жила бродячая труппа дядюшки Бризака.

Кто не слышал этого имени! Кто не знал о балаганчике дядюшки Бризака! Круглый год балаганчик устраивал свои представления на рыночных площадях в дни праздников и ярмарок. Какие здесь были искусные актеры! Как занимательны были их спектакли! И главным было то, что здесь, в этом балаганчике, выступал канатоходец Тибул.

Мы уже знаем, что он покрыл себя славой лучшего канатоходца в стране. Свидетелями его ловкости мы были на Площади Звезды, когда по проволоке он прошел над страшной бездной под пулями гвардейцев.

Сколько мозолей выскакивало на руках зрителей, и маленьких и больших, когда Тибул выступал на рыночных площадях! Так усердно хлопали ему и лавочники, и нищие старухи, и школьники, и солдаты, и все-все… Теперь, впрочем, лавочники и франты сожалели о своем прежнем восторге:

— Мы ему рукоплескали, а он сражается против нас…

Балаганчик дядюшки Бризака осиротел: гимнаст Тибул покинул его.

Доктор Гаспар ничего не сказал о том, что произошло с Тибулом. Умолчал он также о кукле наследника Тутти.

Что увидел доктор в балаганчике, внутри дома на колесах?

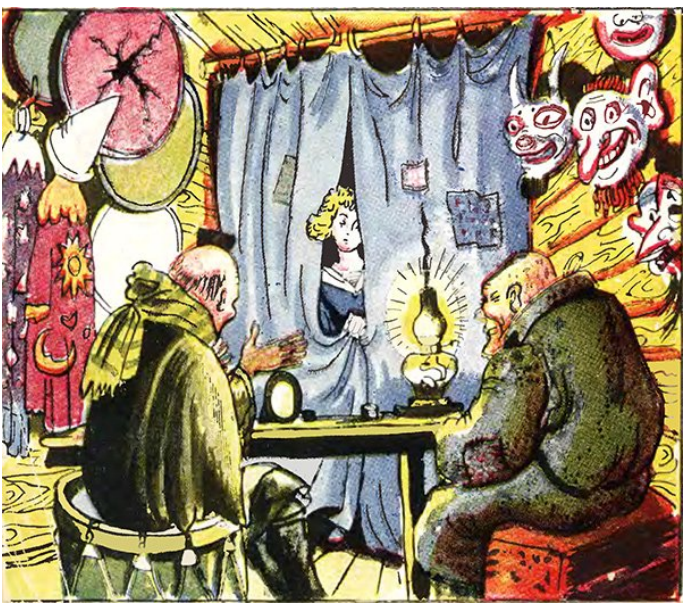
Его усадили на большом турецком барабане, украшенном пунцовыми треугольниками и золотой проволокой, сплетенной в виде сетки. Дом, построенный на манер вагона, Состоял из нескольких жилищ, разделенных холщевыми перегородками.

Был поздний час. Население балаганчика спало. Человек, открывший дверь и казавшийся китайской тенью, был не кто иной, как старый клоун. Звали его Август. Он нес дежурство в эту ночь. Когда доктор подъехал к балаганчику, он готовил себе ужин. Действительно, это была баранина с луком.

Доктор сидел на барабане и осматривал помещение. На ящике горела керосиновая лампа. На стенках висели обручи, обтянутые папиросной бумагой, белой и розовой, длинные полосатые бичи с блестящими металлическими ручками, костюмы, осыпанные золотыми кружочками, расшитые цветами, звездами, разноцветными лоскутами. Там же со стен глядели маски.

У некоторых торчали рога; у других нос напоминал турецкую туфлю; у третьих рот был от уха до уха. Одна маска отличалась огромными ушами. Самое смешное было то, что уши были человеческие, только очень большие.

В углу, в клетке, сидел какой-то маленький непонятный зверь. У одной из стен стоял длинный деревянный стол. Над ним висели зеркальца. Десять штук. Возле каждого



Доктор поднял глаза и онемел: это была кукла наследника Тутти!

зеркальца торчала свеча, приклеенная к столу собственным соком, стеарином. Свечи не горели. На столе валялись коробочки, кисточки, краски, пуховки, парики, лежала розовая пудра, высыхали разноцветные лужицы.

— Мы удирали сегодня от гвардейцев, — заговорил клоун. — Вы знаете — гимнаст Тибул был нашим актером.

Гвардейцы хотели нас схватить; они думают, что мы спрятали его.

Старый клоун казался очень печальным.

— А мы сами не знаем, где гимнаст Тибул. Его, должно быть, убили или посадили в железную клетку.

Клоун вздыхал и качал седой головой. Зверь в клетке смотрел на доктора кошачьими глазами.

— Жаль, что вы так поздно приехали к нам, — говорил клоун. — Мы вас очень любим. Вы бы успокоили нас. Мы знаем, что вы друг обездоленных, друг народа. Я вам напомню один случай. Мы давали спектакль на Рынке Бычачьей Печенки. Это было в прошлом году весной. Моя девочка пела песенку…

— Так… так… — вспоминал доктор. Вдруг он

почувствовал странное волнение…

— Помните? Вы тогда были на рынке. Вы смотрели паше представление… Моя девочка пела песенку о пироге, который предпочел лучше сгореть в печке, чем попасть в желудок толстого дворянина…

— Да… да… помню… дальше!

— Знатная дама, старуха, услыхала это и обиделась. Она велела своим носатым слугам выдрать мою девочку за уши.

— Да. Я помню. Я вмешался. Я прогнал слуг. Дама узнала меня, и ей стало стыдно. Правда?

— Да. Потом вы ушли, а моя девочка сказала, что если бы ее выдрали за уши слуги знатной старухи, то она не могла бы жить… Вы ее спасли… Она этого никогда не забудет.

— А где ваша девочка теперь? — спросил доктор. Он очень волновался.

Тогда старый клоун подошел к холщовой перегородке и позвал. Он сказал странное имя, произнес два звука, как будто раскрыл маленькую деревянную круглую коробочку, которая трудно раскрывается:

— Суок.

Прошло несколько секунд. Потом холщовая створка приподнялась.

И оттуда выглянула девочка, чуть наклонив голову с растрепанными кудрями. Она смотрела на доктора серыми глазами, немного снизу, внимательно и лукаво.

Доктор поднял глаза и обомлел: это была кукла наследника Тутти!

Часть третья. Суок

Глава VIII. Трудная роль маленькой актрисы

ДА, ЭТО БЫЛА ОНА!

Но, черт возьми, откуда же она взялась? Чудеса? Какие там чудеса! Доктор Гаспар прекрасно знал, что чудес не бывает. Это, решил он, просто обман. Кукла была живая, и, когда он имел неосторожность заснуть в экипаже, она удрала, как непослушная девочка.

— Нечего так улыбаться. Ваша заискивающая улыбка не уменьшает вашей вины, — сказал он строго. — Как видите, судьба вас наказала. Совершенно случайно я вас нашел там, где найти вас казалось невозможным.

Кукла вытаращила глаза. Потом она замигала, как маленький кролик, и растерянно посмотрела в сторону клоуна Августа. Тог вздохнул.

— Кто вы такая, отвечайте прямо!

Доктор придал своему голосу возможную суровость. Но кукла выглядела так очаровательно, что сердиться было очень трудно.

— Вот видите, — сказала она. — Вы меня забыли. Я — Суок.

— Су…ок, — повторил доктор. — Но ведь вы кукла наследника Тутти.

— Какая там кукла! Я — обыкновенная девочка…

— Что?.. Вы притворяетесь!..

Кукла вышла из-за перегородки. Лампа ярко освещала ее. Она улыбалась, наклонив набок растрепанную головку. Волосы у нее были такого цвета, как перья у маленьких серых птичек.

Мохнатый зверек в клетке смотрел на нее очень внимательно.

Доктор Гаспар был в полном недоумении. Через некоторое время читатель узнает весь секрет. Но сейчас мы хотим предупредить читателя об одном очень важном обстоятельстве, которое ускользнуло от внимательного взгляда доктора Гаспара Арнери. Человек, в минуты волнения, порой не замечает таких обстоятельств, которые, как говорят взрослые, бьют в глаза.

И вот это обстоятельство: теперь, в балаганчике, у куклы был совершенно иной вид.

Серые глаза ее весело блестели. Сейчас она казалась серьезной и внимательной, но от ее печали не осталось и следа. Напротив, — вы бы сказали, что это шалунья, притворяющаяся скромницей.

Затем — дальше. Куда же девалось ее преж-

нее великолепное платье, весь этот розовый шелк, золотые розы, кружева, блестки, сказочный наряд, от которого каждая девочка могла бы походить если не на принцессу, то во всяком случае на елочную игрушку? Теперь, представьте себе, кукла была одета более чем скромно. Блуза с синим матросским воротником, старенькие туфли, достаточно серые для того, чтобы не быть белыми. Туфли были надеты на босую ногу. Не думайте, что от этого простого наряда кукла стала некрасивой. Напротив. Он был ей к лицу. Бывают такие замарашки. Сперва не удостоишь их взглядом, а потом, присмотревшись внимательнее, видишь, что такая замарашка милей принцессы, тем более, что принцессы или превращаются в лягушек, или, наоборот, лягушки превращаются в принцесс.

Но вот самое главное — вы помните — на груди у куклы наследника Тутти были страшные черные раны. А теперь они исчезли.

Это была веселая, здоровая кукла!

Но доктор Гаспар ничего не заметил. Может быть, уже в следующую минуту он разобрал бы в чем дело, но как раз в эту следующую минуту кто-то постучал в дверь. Тут дела еще больше запутались. В балаганчик вошел негр.

Кукла завизжала. Зверь в клетке фыркнул, хотя и не был кошкой, а каким-то более сложным животным.

Мы уже знаем, кто такой негр. Знал это и доктор Гаспар, сделавший этого негра из самого обыкновенного Тибула. Но никто другой секрета не знал.

Замешательство продолжалось пять минут. Негр вел себя самым ужасающим образом. Он схватил куклу, поднял ее на воздух и начал целовать в щеки и нос, при чем этот нос и щеки увертывались так энергично, что можно было сравнить целующего негра с человеком, который хочет укусить яблоко, висящее на нитке.

Старый Август закрыл глаза и, обалдев от страха, раскачивался подобно китайскому императору, решающему вопрос: отрубить ли преступнику голову или заставить его съесть живую крысу без сахара.

Туфель слетел с ноги куклы и попал в лампу. Лампа опрокинулась и выпустила дух. Сделалось темно. Ужас достиг своих пределов. Тогда все увидели, что начался рассвет. Щели осветились.

— Вот уже рассвет, — сказал доктор Гаспар, — и мне нужно идти во Дворец Трех Толстяков вместе с куклой наследника Тутти.

Негр толкнул дверь. Серый свет с улицы вошел в жилище. Клоун сидел по-прежнему, и глаза его были закрыты. Кукла спряталась за перегородку.

Доктор Гаспар наскоро объяснил Тибулу в чем дело. Он рассказал всю историю о кукле наследника Тутти, о том, как она исчезла и как теперь счастливо нашлась здесь, в балаганчике.

Кукла прислушивалась за перегородкою и ничего не понимала.

«Он его называет Тибулом, — удивлялась она. — Какой же это Тибул? Это ужасный негр. Тибул — красивый, белый и не черный...»

Тогда она высунула один глаз и посмотрела. Негр достал из кармана своих красных штанишек продолговатый флакон, откупорил его, отчего флакон пискнул, как воробей, и стал лить на себя из флакона какую-то жидкость. Через секунду произошло чудо. Негр стал белым, красивым и не черным. Сомнений не было. Это был Тибул.

— Ура! — закричала кукла и вылетела из-за перегородки, прямо на шею Тибулу.

Клоун, который ничего не видел и решил, что произошло самое ужасное, упал с того, на чем сидел, и остался без движения. Тибул поднял его за штаны.

Теперь уже кукла без приглашения расцело-

вала Тибула.

— Вот здорово! — говорила она, задыхаясь от восторга. — Как же ты был такой черный? А я тебя не узнала.

— Суок, — сказал Тибул строго.

Она немедленно спрыгнула с его огромной груди и стала перед ним навытяжку, не хуже хорошего оловянного солдатика.

— Что? — спросила она, как школьник.

Тибул положил руку на ее растрепанную голову. Она смотрела на него снизу счастливыми серыми глазами.

— Ты слышала, что говорил доктор Гаспар?

— Да. Он говорил о том, что Три Толстяка поручили ему вылечить куклу наследника Тутти. Он сказал, что эта кукла удрала из его экипажа. Он говорит, что я — эта кукла.

— Он ошибается, — заявил Тибул. — Доктор Гаспар, это не кукла, смею вас уверить, это мой маленький дружок. Это девочка, танцовщица Суок, мой верный товарищ по цирковой работе.

— Правда, — обрадовалась кукла. — Ведь мы с тобой не раз ходили по проволоке.

Она была очень довольна, что Тибул назвал ее своим верным товарищем.

— Милый, — шепнула она и потерлась лицом

об его руку.

— Как? — переспросил доктор. — Неужели это живая девочка? Суок, вы говорите… Да! Да! Действительно! Я теперь вижу ясно. Я вспоминаю… Ведь я видел однажды эту девочку, да… да… ведь я спас ее от слуг старухи, которые хотели побить ее палками.

Тут доктор даже всплеснул руками.

— Ха-ха-ха! ну, да, конечно. Оттого мне и казалось таким знакомым личико куклы наследника Тутти. Это просто удивительное сходство, или, как говорят в науке, феномен.

Все разъяснилось к общему удовольствию. Делалось все светлей и светло,й. На задворках простонал петух.

И тут доктор снова опечалился.

— Да, все это прекрасно. Но это значит, что у меня куклы наследника Тутти нет, это значит, что я ее потерял на самом деле…

— Это значит, что вы ее нашли, — сказал Тибул, прижимая девочку к себе.

— Ка-а-ак?

— Так. Ты понимаешь меня, Суок?

— Кажется, — тихо ответила Суок.

— Ну? — спросил Тибул.

— Конечно, — сказала кукла и улыбнулась.

Доктор ничего не понял.

— Слушала ли ты меня, когда мы с тобой представляли перед толпой по воскресеньям. Ты стояла на полосатом мостике. Я говорил: «Алле!» — и ты сходила на проволоку и шла ко мне. Я ожидал тебя посередине, очень высоко, над толпой. Я выдвигал одно колено, опять говорил тебе: «Алле!» — и ты, став на мое колено, поднималась ко мне на плечи… Тебе было страшно?

— Нет. Ты говорил мне: «Алле!» — значит, надо было быть спокойной и ничего не бояться.

— Ну, вот, — сказал Тибул. — Теперь я тебе тоже говорю: «Алле!» Ты будешь куклой.

— Я буду куклой.

— Она будет куклой? — спросил доктор Гаспар. — Что это значит?

Надеюсь, читатель, что вы поняли! Вам не приходилось переживать стольких волнений и удивлений, как доктору Гаспару, поэтому вы более спокойны и скорее соображаете.

Подумайте: ведь доктор до сих пор как следует не выспался. И так приходится удивляться его железному организму.

Не успел проснуться второй петух, как все было решено. Тибул развил подробный план действий.

— Ты, Суок, артистка. Я думаю, что, несмотря на свой возраст, ты очень не плохая артистка. Когда весной в нашем балаганчике шла пантомима «Глупый король», ты прекрасно сыграла роль Золотой Кочерыжки. Потом в балете ты представляла переводную картинку и чудно изобразила превращение мельника в чайник. Ты танцуешь лучше всех и лучше всех поешь, у тебя хорошее воображение, и, главное, ты смелая и сообразительная девочка.

Суок стояла красная от счастья. Она даже чувствовала себя неловко от этих похвал.

— Итак, ты должна будешь разыграть роль куклы наследника Тутти.

Суок захлопала в ладоши и поцеловала всех поочередно: Тибула, старого Августа и доктора Гаспара.

— Постой, — продолжал Тибул, — это не все. Ты знаешь: оружейник Просперо сидит в железной клетке во Дворце Трех Толстяков. Ты должна освободить оружейника Просперо.

— Открыть клетку?

— Да. Я знаю тайну, которая даст возможность Просперо бежать из Дворца.

— Тайна?

— Да. Там есть подземный ход.

Тут Тибул рассказал о продавце детских воздушных шаров.

— Начало этого хода находится где-то в кастрюле, — должно быть, в дворцовой кухне. Ты найдешь этот ход.

— Хорошо.

Солнце еще не встало, но уже проснулись птицы. Зазеленела трава на лужайке, видневшейся из дверей балаганчика.

При свете загадочный зверь в клетке оказался обыкновенной лисицей.

Не будем терять времени! Путь предстоит далекий.

Доктор Гаспар сказал:

— Теперь вы должны выбрать из ваших платьев самое красивое…

Суок притащила все свои наряды. Они были восхитительны, потому что их мастерила сама Суок. Как всякая актриса, она отличалась хорошим вкусом.

Доктор Гаспар долго рылся в разноцветном ворохе.

— Что же, — сказал он. — Я думаю, что это платье подойдет вполне. Оно ничуть не хуже того, что было на искалеченной кукле. Наденьте его!

Суок переоделась. В сверкании восходящего

солнца стояла она, посередине балагана, в таком нарядном виде, что, пожалуй, никакая именинница в мире не могла бы с ней потягаться. Платье было розовое. А моментами, когда Суок делала какое-нибудь движение, казалось, что идет слепой золотой дождь. Платье сверкало, шумело и благоухало.

— Я готова, — сказала Суок.

Прощанье продолжалось минуту. Люди, представляющие в цирке, не любят слез. Они слишком часто рискуют своей жизнью. Кроме того, нельзя было слишком жарко обниматься, чтобы не испортить платья.

— Возвращайся поскорее! — так сказал старый Август и вздохнул.

— А я иду в рабочие кварталы. Мы должны сделать подсчет наших сил. Меня ждут рабочие. Они узнали, что я жив и на свободе.

Тибул завернулся в плащ, надел широкую шляпу, темные очки и большой приставной нос, который полагался к костюму паши в пантомиме «Поход в Каир».

В этом виде его нельзя было узнать. Правда, огромный нос сделал его безобразным, но зато и неузнаваемым.

Старый Август стал на пороге. Доктор, Тибул

и Суок вышли из балаганчика. День вступил в свои права.

— Скорей, скорей, — торопил доктор.

Через минуту он уже сидел в экипаже вместе с Суок.

— Вы не боитесь? — спросил он.

Суок в ответ улыбнулась. Доктор поцеловал ее в лоб.

Улицы еще были пустынны. Человеческие голоса слышались редко. Но вдруг раздался громкий собачий лай. Потом собака завизжала и зарычала, точно у нее отнимали кость.

Доктор выглянул из экипажа.

Представьте, это была та же самая собака, которая укусила силача Лапитупа. Но этого мало.

Доктор увидел следующее. Собака боролась с человеком. Длинный и тонкий человек с маленькой головкой, в красивом, но странном костюме, похожий на кузнечика,

...Странный человек не бежал, а несся изящными скачками, еле касаясь земли...

вырывал от собаки что-то розовое, красивое и непонятное. Розовые клочья разлетались во все стороны.

Человек победил. Он выхватил добычу и, при-

жимая ее к груди, побежал как раз в ту сторону, откуда ехал доктор.

И когда он встретился с экипажем, то Суок, смотревшая из-за спины доктора, увидела нечто ужасное. Странный человек не бежал, а несся изящными скачками, еле касаясь земли, подобно балетному танцору. Зеленые полы его фрака летели за ним, как крылья ветряной мельницы. А на руках — на руках он держал девочку с черными ранами на груди.

— Это я — закричала Суок. Она отпрянула в глубь экипажа и спрятала лицо в плюшевую подушку.

Услышав крик, похититель оглянулся, и теперь доктор Гаспар узнал в нем учителя танцев Раздватриса.

Глава IX. Кукла с хорошим аппетитом

НАСЛЕДНИК ТУТТИ стоял на террасе. Учитель географии смотрел в бинокль. Наследник Тутти требовал, чтобы принесли компас. Но это было лишнее.

Наследник Тутти ожидал прибытия куклы.

От сильного волнения он крепко и сладко проспал всю ночь.

С террасы была видна дорога от городских ворот ко Дворцу. Солнце, вылезавшее над городом, мешало смотреть. Наследник держал ладони у глаз, морщился и жалел о том, что нельзя чихнуть.

— Еще никого не видно, — говорил учитель географии. Ему поручили это ответственное дело, потому что он, по своей специальности, лучше всех умел разбираться в пространствах, горизонтах, движущихся точках и в прочем подобном.

— А может быть, видно, — настаивал Тутти.

— Не спорьте со мной. Кроме бинокля, у меня есть знания и точное представление о предметах. Вот я вижу кусты жасмина, который на латинском языке имеет очень красивое, но трудно запоминающееся имя, дальше я вижу мосты и гвардейцев, вокруг которых летают бабочки, а

затем лежит дорога… Позвольте!.. Позвольте!..

Он подкрутил бинокль. Наследник Тутти стал на носки. Сердце его забилось снизу вверх, как будто он не выучил урока.

— Да, — сказал учитель.

И в это время три всадника направились со стороны дворцового парка к дороге. Это капитан Бонавентура с караулом поскакал навстречу экипажу, появившемуся на дороге.

— Ура! — закричал наследник так пронзительно, что в дальних деревнях отозвались гуси. Внизу, под террасой, учитель гимнастики стоял наготове, чтобы поймать наследника на лету, если тот от восторга вывалится через каменную ограду террасы.

Итак, экипаж доктора Гаспара катил ко Дворцу. Уже не нужно было бинокля и научных познаний учителя географии. Уже все видели экипаж и белую лошадь.

Счастливый миг! Экипаж остановился у последнего моста. Караул гвардейцев расступился. Наследник махал обеими руками и подпрыгивал, тряся золотыми волосами. И наконец он увидел самое главное. Маленький человек, неуклюже, по-стариковски, двигаясь, вылез из экипажа. Гвардейцы, почтительно придерживая сабли и

отдавая честь, стояли поодаль. Маленький человек вынул из экипажа чудесную куклу, точно розовый свежий букет, перевитый лентами.

Это была восхитительная картина под голубеющим утренним небом, в сиянии травы и солнца.

Через минуту кукла уже была во Дворце. Встреча произошла следующим образом.

Кукла шла без посторонней помощи.

О, Суок прекрасно играла свою роль! Если бы она попала в общество самых настоящих кукол, то, без всякого сомнения, они приняли бы ее за такую же куклу.

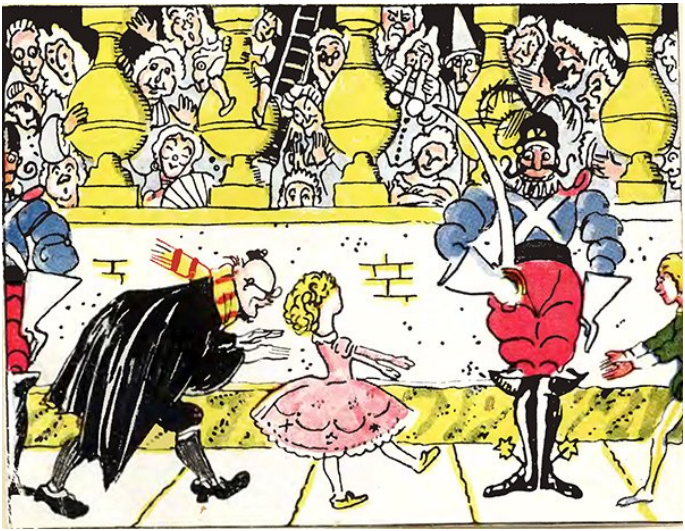
Она была спокойна. Она чувствовала, что роль ей удается.

«Бывают более трудные вещи, — думала она, — например, жонглировать зажженной лампой. Или делать двойное сальто мортале…»

А Суок случалось в цирке проделывать и то, и другое.

Словом, Суок не боялась. Ей даже нравилась эта игра. Гораздо сильнее волновался доктор Гаспар. Он шел позади Суок; она ступала маленькими шажками, подобно балерине, идущей на носках. Платье ее шевелилось, дрожало и шелестело.

Сверкали паркеты.



...Кукла шла без посторонней помощи...

Она отражалась в них розовым облаком. Она была очень маленькая среди высоких зал, которые увеличивались от блеска паркетов — в глубину, и в ширину — от зеркал.

Можно было подумать, что это маленькая цветочная корзинка плывет по огромной, тихой воде.

Она шла, веселая и улыбающаяся, мимо стражи, мимо кожаных и железных людей, которые смотрели как зачарованные, мимо чиновников,

которые улыбались впервые в жизни.

Они отступали перед ней, давая ей дорогу, точно это была владетельница этого дворца, вступающая в свои права.

Стало так тихо, что слышались ее легкие шаги, звучавшие не громче падения лепестков.

А сверху, по широчайшей лестнице, такой же маленький и сияющий, спускался навстречу кукле наследник Тутти.

Они были одного роста.

Суок остановилась.

«Так вот он, наследник Тутти!» — подумала она.

Перед ней стоял худенький, похожий на злую девочку, мальчик, сероглазый и немного печальный, наклонивший растрепанную голову набок.

Суок знала, кто такой Тутти. Суок знала, кто такие Три Толстяка. Она знала, что Три Толстяка забрали все железо, весь уголь, весь хлеб, добытый руками бедного, голодного народа. Она хорошо помнила знатную старуху, которая натравила своих лакеев на маленькую Суок. Она знала, что это все одна компания: Три Толстяка, знатные старухи, франты, лавочники, гвардейцы, все те, кто посадил оружейника Просперо в железную клетку и охотился за ее другом, гимна-

стом Тибулом.

Когда она шла во Дворец, она думала, что наследник Тутти покажется ей отвратительным, чем-то в роде знатной старухи, только с длинным и тонким языком малинового цвета, всегда высунутым наружу.

Но никакого отвращения она не почувствовала. Скорее, ей стало приятно оттого, что она его увидела.

Она смотрела на него веселыми серыми глазами.

— Это ты, кукла? — спросил наследник Тутти, протягивая руку.

«Что же мне делать? — испугалась Суок. — Разве куклы говорят? Ах, меня не предупредили!.. Я не знаю, как себя вела та кукла, которую зарубили гвардейцы…».

Но на помощь пришел доктор Гаспар.

— Господин наследник, — сказал он торжественно. — Я вылечил вашу куклу. Как видите, я не только вернул ей жизнь, но и сделал эту жизнь более замечательной. Кукла, несомненно, похорошела, затем она получила новое великолепное платье, и самое главное — я научил вашу куклу говорить, сочинять песенки и танцовать.

— Какое счастье! — тихо сказал наследник.

«Пора действовать», — решила Суок.

И тут маленькая актриса из балаганчика дядюшки Бризака выступила в первом дебюте на новой сцене.

Этой сценой был главный дворцовый зал. А зрителей собралось масса. Они толпились со всех сторон: на вершинах лестниц, в проходах, на хорах. Они лезли из круглых окон, переполняли балконы, карабкались на колонны, чтобы лучше видеть и слышать.

Множество голов и спин, самых разнообразных цветов и красок, горело в ярком солнечном освещении.

Суок видела кучи лиц, которые смотрели на нее, широко улыбаясь.

Повара с растопыренными пятернями, с которых, как клей с веток, стекали сладкие красные соки или коричневые жирные соусы; министры в разноцветных, расшитых мундирах, точно обезьяны, переодетые петухами; маленькие пухлые музыканты в узких фраках; придворные дамы и кавалеры, горбатые доктора, длинноносые ученые, вихрастые скороходы; челядь, разодетая не хуже министров.

Вся эта масса лепилась ко всему, к чему можно было прилепиться.

И все молчали. Все, затаив дыхание, смотрели на маленькое розовое создание, которое спокойно и с большим достоинством тринадцатилетней девочки встречало эту сотню взглядов. Она совершенно не смущалась. Эти зрители вряд ли были более строгими, чем зрители на площадях, где чуть ли не каждый день представляла Суок. О, то были очень строгие зрители: зеваки, солдаты, актеры, школьники, маленькие торговцы. И тех Суок не страшилась. А они говорили:

«Суок самая лучшая актриса в мире…»

И бросали на ее коврик мелкую, последнюю монету. А между тем, за такую маленькую монету можно было бы купить пирожок с печенкой, который заменял какой-нибудь чулочнице и завтрак, и обед, и ужин.

И вот Суок начала разыгрывать свою роль куклы по-настоящему.

Она сдвинула носки, потом приподнялась на них, подняла к лицу руки, согнутые в локтях, и, шевеля обоими мизинцами, на манер китайского мандарина, начала петь песенку. При этом она покачивала головой, в такт мотиву, направо и налево.

Улыбалась она кокетливо и лукаво. Но все время она старалась, чтобы глаза ее были круглые и

широкие, как у всех кукол.

Она пела так:

Вот наукой неизвестной,
Раздувая в тиглях жар,
Воскресил меня чудесно
Добрый доктор наш Гаспар.
Посмотри: я улыбнулась.
Слышишь ли: вздохнула я…
Так опять ко мне вернулась
Жизнь веселая моя.
Я всю жизнь к тебе спешила,
Столько спутала дорог.
Не забудь сестрички милой
Имя нежное — Суок!
Снова я живою стала,
И заснувши, в тишине,
Я тебя во сне видала,
Бак ты плакал обо мне!
Посмотри: дрожат реснички,
Льется волос на висок;
Не забудь твоей сестрички
Имя нежное — Суок!

— Суок, — тихо повторил Тутти. Глаза его были полны слез, и от этого казалось, что у него не два, а четыре глаза.

Кукла окончила песенку и сделала реверанс. Зал восхищенно вздохнул. Все зашевелились, закивали головами, защелкали языками.

Действительно, мелодия песенки была очаровательна, хотя и несколько печальна для такого молодого голоса, а сам голос звучал такой прелестью, что казалось — исходил из серебряного или стеклянного горла.

— Она поет как ангел, — раздались в тишине слова дирижера.

— Только песенка се немного странная, — заметил какой-то сановник, звякнув орденом.

На этом критика оборвалась. В зал вошли Три Толстяка. Скопление публики могло показаться им неприятным. Все бросились к выходам. Повар в суматохе влепил свою пятерню со всем запасом малинового сока в спину какой-то красавицы. Красавица взвизгнула, и при этом обнаружилось, что у нее вставная челюсть, потому что челюсть выпала. Толстый гвардейский капитан наступил на красивую челюсть некрасивым, грубым сапогом.

Раздалось — хрясь, хрясь! — и церемониймей-

стер, подвернувшийся тут же, выругался:

— Набросали орехов! Трещат под ногами! Возмутительно!

Красавица, потерявшая челюсть, хотела закричать и даже воздела руки, но — увы! — вместе с челюстью погиб и голос. Она только прошамкала нечто мало вразумительное.

Через минуту в зале не было лишних. Остались только ответственные лица.

И вот Суок и доктор Гаспар предстали перед Тремя Толстяками.

Три Толстяка не казались взволнованными вчерашними событиями. Только что в парке они играли в мяч под наблюдением дежурного врача. Это делалось ради моциона. Они очень устали. Потные лица их блестели. Рубашки прилипли к их спинам, и спины эти походили на паруса, раздутые ветром. У одного из них под глазом темнел синяк, в форме некрасивой розы или красивой лягушки. Другой Толстяк боязливо поглядывал на эту некрасивую розу.

«Это он запустил ему мяч в лицо и украсил его синяком», — подумала Суок.

Пострадавший Толстяк грозно сопел. Доктор Гаспар растерянно улыбался. Толстяки молча оглядели куклу. Сияющий вид наследника Тутти

привел их в хорошее настроение.

— Ну-с, — сказал один. — Это вы доктор Гаспар Арнери?

Доктор поклонился.

— Ну как кукла? — спросил другой.

— Она чудесна! — воскликнул Тутти.

Толстяки никогда не видели его таким оживленным.

— Вот и отлично. Она, действительно, выглядит хорошо…

Первый Толстяк вытер ладонью лоб, злобно крякнул и сказал:

— Доктор Гаспар, вы исполнили наше приказание. Теперь вы имеете право требовать награды.

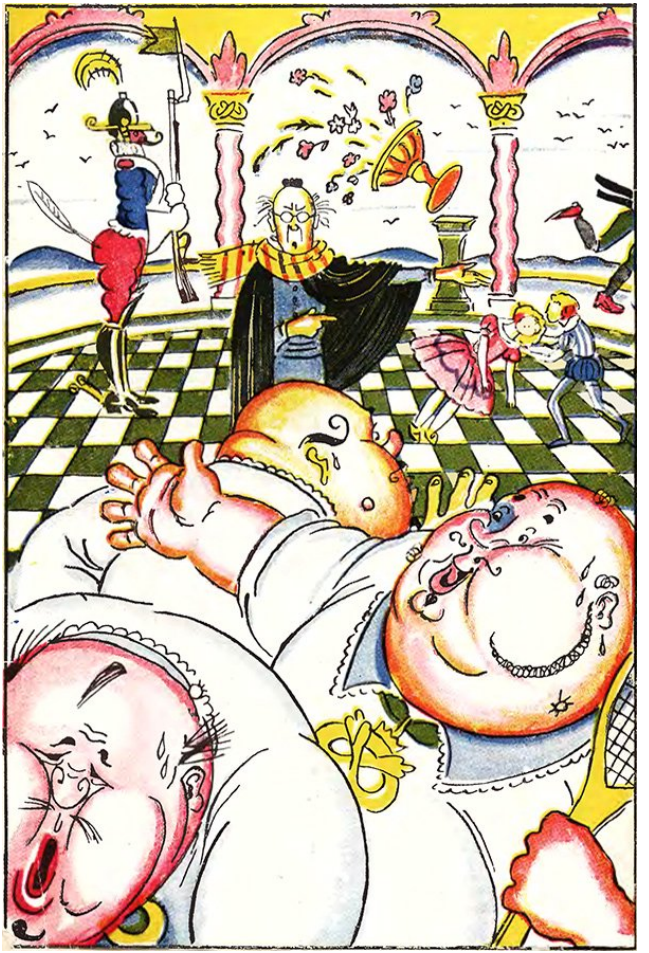
Наступило молчание.

Маленький секретарь в рыжем парике держал перо наготове, чтобы записать требование доктора.

Доктор начал излагать свою просьбу.

— Вчера на Площади Суда построили десять плах для казни восставших…

— Их казнят сегодня, — перебил Толстяк.



…Кукла пискнула и покачнулась…

— Я именно это и имею в виду. Моя просьба такова. Я прошу даровать всем пленникам жизнь и свободу. Я прошу отменить казнь вовсе и сжечь эти плахи…

Рыжий секретарь, услышав эту просьбу, уронил от ужаса перо. Перо, отлично заостренное, вонзилось в ногу второго Толстяка. Тот закричал и завертелся на одной ноге. Первый Толстяк, обладатель синяка, злорадно хохотал: он был отомщен.

— Черт возьми! — орал второй Толстяк, выдергивая из ступни перо, как стрелу. — Черт возьми! Эта просьба преступна! Вы не смеете требовать таких вещей!

Рыжий секретарь удрал. Ваза с цветами, которую он опрокинул на ходу, летела за ним и рвалась на части, как бомба. Скандал получился полный. Толстяк выдернул перо и швырнул его вдогонку секретарю. Но разве при эдакой толщине можно быть хорошим копьеметателем! Перо угодило в зад караульного гвардейца. Но он, как ревностный служака, остался неподвижен. Перо продолжало торчать в неподходящем месте до тех пор, пока гвардеец не сменился с караула.

— Я требую, чтобы даровали жизнь всем рабо-

чим, приговоренным к смерти. Я требую, чтобы сожгли плахи, — повторил доктор негромко, но твердо.

В ответ затрещали крики Толстяков. Получалось такое впечатление, будто кто-то ломает щепки.

— Нет! Нет! Нет! Ни за что! Они будут казнены!

— Умрите, — шепнул доктор кукле.

Суок сообразила в чем дело. Она снова встала на носки, пискнула и покачнулась. Платье ее затрепетало, точно крылья у пойманной бабочки, голова опустилась — каждую секунду кукла готова была упасть.

Наследник бросился к ней.

— Ах! Ах! — закричал он.

Суок пискнула еще печальнее.

— Вот, — сказал: доктор Гаспар. — Вы видите? Кукла снова потеряет свою жизнь. Механизм, заключенный в ней, слишком чувствителен. Она окончательно испортится, если вы не исполните моей просьбы. Я думаю, что господин наследник не будет очень доволен, если его кукла станет негодной розовой тряпкой.

Гнев охватил наследника. Он затопал ногами, как слоненок. Он зажмурил глаза и замахал головой.

— Ни за что! Слышите, ни за что! — кричал он. — Исполните просьбу доктора! Я не отдам моей куклы! Суок! Суок! — разрыдался он.

Конечно, Толстяки сдались. Приказ был дан. Помилование было объявлено. Счастливый доктор Гаспар отправился домой.

«Я буду спать целые сутки», — размышлял он по дороге.

Въезжая в город, он уже слышал разговоры о том, что на Площади Суда горят плахи, и что богачи очень недовольны тем, что казнь бедняков не состоится.

Итак, Суок осталась во Дворце Трех Толстяков.

Они вышли в сад.

Наследник мял цветы, напоролся на колючую проволоку и чуть не свалился в бассейн. От счастья он ничего не замечал.

«Неужели он не понимает, что я живая девочка? — удивлялась Суок. — Я не дала бы себя так провести».

Принесли завтрак. Суок увидала пирожные и вспомнила, что только в прошлом году осенью ей удалось съесть одно пирожное. И то старый Август уверял, что это не пирожное, а пряник. Пирожные наследника Тутти были великолепны. Десять пчел слетелись к ним, приняв их за

цветы.

«Ну как же мне быть? — мучилась Суок. — Разве куклы едят? Разные бывают кумы… Ах, как мне хочется пирожного!»

И Суок не выдержала.

— Я хочу кусочек… — сказала она тихо. Румянец покрыл ее щеки.

— Бот хорошо! — обрадовался наследник. — А прежде ты не хотела есть. Прежде мне было так скучно завтракать одному. Ах, как хорошо! У тебя появился аппетит.

И Суок съела кусочек. Потом еще один, и еще, и еще. И вдруг она увидела, что слуга, следивший издали за наследником, смотрит на нее, — и мало того — смотрит на нее с ужасом.

У слуги был широко раскрытый рот.

Слуга был прав.

Ему никогда не случалось видеть, чтобы куклы ели.

Суок испугалась и уронила четвертое пирожное, самое рассыпчатое и с виноградиной.

Но дело обошлось благополучно. Слуга протер глаза и закрыл рот.

— Это мне показалось. Жара!

Наследник говорил без умолку. Потом, устав, он замолчал.

Было очень тихо в этот жаркий час. Вчерашний ветер, как видно, залетел очень далеко. Теперь все застыло. Даже птицы не летали.

И в этой тишине Суок, сидевшая рядом с наследником на траве, услышала непонятный, равномерно повторяющийся звук, подобный тиканью часов, спрятанных в вату.

Только часы делают «тик-так», а этот звук был такой: «тук-тук».

— Что это? — спросила она.

— Что? — наследник поднял брови, как взрослый человек в минуту удивления.

— А вот: тук-тук… Это часы. У тебя есть часы?

Опять наступила тишина, и опять в тишине что-то тукало. Суок подняла палец. Наследник прислушался.

— Это не часы, — сказал он тихо. — Это бьется мое железное сердце…

Глава X. Зверинец

В ДВА ЧАСА наследника Тутти позвали в классную комнату. Это был урочный час. Суок осталась одна.

Никто, конечно, не подозревал, что Суок — живая девочка. По всей вероятности, настоящая кукла наследника Тутти, находящаяся теперь во власти учителя танцев Раздватриса, вела себя с не меньшей принужденностью. Должно быть, очень искусный мастер сделал ту куклу. Правда, она не ела пирожных. Но, может быть, наследник Тутти прав. Может быть, действительно, у нее просто не было аппетита.

Итак, Суок осталась одна.

Положение ее было затруднительное.

Огромный дворец, путаница входов, галерей, лестниц.

Страшные гвардейцы, неизвестные суровые люди в разноцветных париках, тишина и блеск.

На нее не обращали внимания.

Она стояла в спальне наследника, у окна.

«Нужно выработать план действий, — решила она. — Железная клетка с оружейником Просперо находится в зверинце наследника Тутти. Я

должна проникнуть в зверинец».

Вы уже знаете, что наследнику не показывали живых детей. Никогда, даже в закрытой карете, его не возили в город. Он рос во Дворце. Его учили наукам, читали ему книги о жестоких царях и полководцах. Тем людям, которые его окружали, запрещено было улыбаться. Все его воспитатели и учителя были худые, высокие старики с плотно сжатыми губами и скулами цвета пороха. Кроме того, все они страдали несварением желудка. А при такой болезни человеку не до улыбок.

Наследник Тутти никогда не слышал веселого, звонкого смеха. Только иногда до него доносился хохот какого-нибудь пьяного колбасника или самих Толстяков, угощавших своих не менее толстых гостей. Но разве это можно было назвать смехом! Это был ужасный рев, от которого делалось не весело, а страшно.

Улыбалась только кукла. Но улыбка куклы не казалась Толстякам опасной. И, кроме того, кукла молчала. Она не могла бы рассказать наследнику Тутти о многих вещах, скрытых от него дворцовым парком и стражей с барабанами у железных мостов. И поэтому он ничего не знал о народе, о нищете, о голодных детях, о фабриках, шахтах, тюрьмах, о крестьянах, о том, что богачи застав-

ляют бедняков трудиться и забирают себе все, что сделано жалкими, худыми руками бедняков.

Три Толстяка хотели воспитать злого, жестокого наследника. Его лишили общества детей и устроили ему зверинец.

— Пусть он смотрит на зверей, — решили они. — Вот у него есть мертвая, бездушная кукла, и вот у него будут злые звери. Пусть он видит, как кормят тигров сырым мясом и как удав глотает живого кролика. Пусть он слушает голоса хищных зверей и смотрит в их красные дьявольские зрачки. Тогда он научится быть жестоким.

Но дело сложилось не так, как того хотели Толстяки.

Наследник Тутти прилежно учился, слушал страшные летописи о героях и царях, смотрел с ненавистью на прыщавые носы воспитателей, но не становился жестоким.

Общество куклы он полюбил больше общества зверей.

Конечно, вы можете сказать, что двенадцатилетнему мальчику стыдно развлекаться куклами. В этом возрасте многие предпочли бы охотиться на тигров. Но здесь была некая причина, которая в свое время откроется.

Вернемся к Суок.

Она решила дождаться вечера. В самом доле, кукла, шатающаяся среди белого дня в одиночество по дворцу, могла бы возбудить подозрение.

После уроков они снова встретились.

— Ты знаешь, — сказала Суок, — когда я лежала больная у доктора Гаспара, мне приснился странный сои. Мне снилось, что я из куклы превратилась в живую девочку… И будто я была цирковой актрисой. Я жила в балагане с другими актерами. Балаган переезжал с место на место, останавливался на ярмарках, на больших площадях и устраивал представления. Я ходила по канату, я танцевала, умела делать трудные акробатические штуки, играла разные роли в пантомимах…

Наследник слушал ее с широко раскрытыми г лазал и.

— Мы были очень бедные. Очень часто мы не обедали… У нас была большая белая лошадь. Ее звали Анра. Я ездила на ней и жонглировала, стоя на широком седле, покрытом рваным желтым атласом. И лошадь умерла, потому что целый месяц мы имели слишком мало денег, чтобы хорошо кормить ее…

— Бедные? — спросил Тутти. — Я не понимаю. Почему же вы были бедные?

— Мы представляли перед бедняками. Бедняки бросали нам маленькие медные монеты, а иногда после представления шляпа, с которой клоун Август обходил зрителей, оставалась совершенно пустой.

Наследник Тутти ничего не понимал.

И Суок рассказывала ему, пока не наступил вечер. Она говорила о суровой нищенской жизни, о большом городе, о знатной старухе, которая хотела ее выпороть, о живых детях, на которых богачи натравливают собак, о гимнасте Тибуле и оружейнике Просперо, о том, что рабочие, шахтеры, матросы хотят уничтожить власть богачей и толстяков.

Больше всего она говорила о цирке. Постепенно она увлеклась и забыла о том, что рассказывает сон.

— Я очень давно живу в балаганчике дядюшки Бризака. Я даже не помню, с каких пор я умею танцовать, и ездить верхом, и крутиться на трапеции… Ах, каким я научилась чудесным штукам!

Она всплеснула руками.

— Вот, например, в прошлое воскресенье мы представляли в гавани. Я играла вальс на абрикосовых косточках…

— Как на абрикосовых косточках?

— Ах, ты не знаешь! Разве ты не видел свистка, сделанного из абрикосовой косточки. Это очень просто. Я собрала двенадцать косточек и сделала из них свистки… Ну, терла-терла о камень, пока не получилась дырочка…

— Как интересно!..

— Это все равно. Можно свистеть вальс и не только на двенадцати косточках… Я умею свистеть и ключиком…

— Ключиком. Как? Покажи. У меня есть чудный ключик…

С этими словами наследник Тутти расстегнул ворот своей куртки и снял с шеи тонкую цепочку, на которой болтался небольшой белый ключ.

— Вот!

— Почему ты прячешь его на груди? — спросила Суок.

— Мне дал этот ключ канцлер. Это ключ от одной из клеток моего зверинца.

— Разве ты прячешь у себя ключи от всех клеток?

— Нет. Но мне сказали, что это самый важный ключ. Я должен его хранить…

Суок показала наследнику свое искусство. Она просвистела чудную песенку, держа ключ кверху дырочкой возле губ, сложенных в трубку.

Наследник пришел в такой восторг, что даже забыл о ключе, который ему поручили хранить. Ключ остался у Суок. Она машинально сунула его в свой кружевной розовый карман.

Наступил вечер.

Для куклы приготовили особую комнату, рядом со спальней наследника Тутти.

Наследник Тутти спал и видел во сне удивительные вещи: смешные носатые маски, человека, несшего на голой желтой спине огромный гладко обтесанный камень, и Толстяка, ударявшего этого человека черной плеткой, оборванного мальчика, который ел картошку, и знатную старуху в кружевах, которая ехала верхом на белой лошади и высвистывала какой-то противный вальс при помощи двенадцати абрикосовых косточек.

А в это время, совсем в другом месте, далеко от этой маленькой спальни, в одном из концов дворцового парка, происходило следующее. Вы не думайте, ничего особенного не происходило. Не только наследнику Тутти в эту ночь снились удивительные сны. Сон, заслуживающий удивления, приснился также гвардейцу, заснувшему на карауле у входа в зверинец наследника Тутти.

Он сидел на каменном столбике, прислонившись спиной к решетке, и сладко дремал. Сабля

его в широких блестящих ножнах лежала между его коленями. Пистолет очень мирно торчал из-за шелкового черного шарфа на его боку. Рядом, на гравии, стоял решетчатый фонарь, освещавший сапоги гвардейца и длинную гусеницу, которая упала с листьев над его головой прямо на его рукав.

Картина казалась совершенно мирной.

Итак, караульный спал и видел необыкновенный сон. Ему снилось, что подошла к нему кукла наследника Тутти. Была она точь в точь как сегодня утром, когда ее привез доктор Гаспар Арнери: это же розовое платье, банты,

...Гвардеец храпел, а ему, спящему, казалось, что это в зверинце ревут тигры...

кружева, блестки. Только теперь, во сне, она оказалась живой девочкой. Она свободно двигалась, оглядывалась по сторонам, кралась, вздрагивала и прижимала палец к губам. Фонарь освещал всю ее маленькую фигурку.

Гвардеец даже улыбался во сне.

Потом он вздохнул и сел более удобно, прислонившись к решетке плечом и уткнув нос в железную розу в узоре решетки.

Тогда Суок, видя, что караульный спит, взяла фонарь и на цыпочках, осторожно вошла за ограду.

Гвардеец храпел, а ему, спящему, казалось, что это в зверинце ревут тигры.

На самом деле в зверинце было тихо. Звери спали.

Фонарь освещал небольшое пространство. Суок медленно подвигалась, вглядываясь в темноту. К счастью, ночь не была темной. Ее освещали звезды и свет развешанных в парке фонарей, долетавший до этого отдаленного места через верхушки деревьев и строений.

От ограды девочка прошла по короткой аллее, между низкими кустарниками, покрытыми какими-то белыми цветами.

Затем она сразу почувствовала запах зверей. Он был знаком ей. Однажды вместе с балаганчиком ездил укротитель; тремя львами и одним ульмским догом.

Суок вышла на открытую площадку. Вокруг что-то чернело. Как будто стояли маленькие домики.

— Клетки, — прошептала Суок.

Сердце ее сильно билось.

Она не боялась зверей, потому что люди, представляющие в цирке, вообще не трусливы. Она опасалась только, что какой-нибудь зверь проснется от ее шагов и света фонаря, зарычит и разбудит караульного.

Она подошла к клеткам.

«Где же Просперо?» — волновалась она.

Она поднимала выше фонарь и заглядывала в клетки. Все было неподвижно и тихо. Свет фонаря разбивался о прутья клеток и слетал неровными кусками на туши спящих за этими прутьями.

Она видела мохнатые толстые уши, иногда вытянутую лапу, иногда полосатую спину. Орлы спали, раскрыв крылья, и походили на старинные гербы. В глубине некоторых клеток чернели какие-то непонятные громады.

В клетке, за топкой серебряной решеткой, сидели на жердочках, на разной высоте, попугаи. И когда Суок остановилась у этой клетки, ей показалось, что один из них, который сидел ближе всех к решетке, старый, с длинной красной Породой, открыл один глаз и посмотрел на нее. А глаз его был похож на слепое лимонное зерно.

И, мало того, он быстро закрыл этот глаз, точно

притворился спящим. При этом Суок показалось, что он улыбнулся в свою красную бороду.

«Я просто дура», — успокоила себя Суок. Однако, ей стало страшно.

То и дело, то тут, то там, среди тишины, что-то пощелкивало, похрустывало, пищало.

Попробуйте ночью зайти в конюшню или прислушайтесь к курятнику. Вас поразит тишина, и, вместе с тем, вы будете слышать очень много маленьких звуков: то движение крыла, то чавканье, то треск насеста, то тоненький голос, выскочивший, точно капелька, из горла спящей птицы.

«Где же Просперо? — снова подумала Суок, но уже с большей тревогой. — А вдруг его казнили сегодня и в его клетку посадили орла?»

И тут из темноты чей-то хриплый голос сказал:

— Суок!

И тут же она услышала тяжкое и частое дыхание и еще какие-то звуки, точно скулила большая больная собака.

— Ах! — вскрикнула Суок.

Она метнула фонарь в ту сторону, откуда ее позвали. Там горели два красноватых огонька. Большое черное существо стояло в клетке, подобно медведю, держась за прутья и прижав к ним голову.

— Просперо! — тихо сказала Суок.

И в одну секунду передумала целую кучу мыслей:

«Почему он такой страшный? Он оброс шерстью, как медведь. В глазах у него красные искры. У него длинные загнутые когти. Он без одежды. Это не человек, а горилла».

Суок готова была заплакать.

— Наконец-то пришла, Суок, — сказало стираное существо. — Я знал, что я тебя увижу.

— Здравствуй. Я пришла тебя освободить, — промолвила Суок дрогнувшим голосом.

— Я не выйду из клетки. Я сегодня околею.

И опять послышались жуткие, скулящие звуки. Существо упало, потом приподнялось и снова прижалось к прутьям.

— Подойди, Суок.

Суок подошла. Страшное лицо смотрело на нее. Конечно, это было не человеческое лицо. Больше всего оно походило на волчью морду. И самое страшное было то, что уши этого волка имели форму человеческих ушей, хотя и покрыты были короткой, твердой шерстью.

Суок хотела закрыть глаза ладонью. Фонарь прыгал в ее руке. Желтые пятна света летали по воздуху.

— Ты боишься меня, Суок… Я потерял человеческий облик. Не бойся. Подойди… Ты выросла, похудела. У тебя печальное личико…

Он говорил с трудом. Он опускался все ниже и наконец лег на деревянный пол своей клетки. Он дышал все чаще и чаще, широко раскрывая рот, полный длинных желтых зубов.

— Сейчас я умру. Я знал, что я увижу тебя перед смертью…

Он протянул свою косматую обезьянью руку. Он чего-то искал в темноте. Раздался звук, как будто выдернули гвоздь, и потом страшная рука протянулась сквозь прутья.

В руке была небольшая дощечка.

— Возьми это. Там записано все.

Суок спрятала дощечку.

— Просперо, — сказала она тихо.

Ответа не последовало.

Суок приблизила фонарь. Зубы оскалились навсегда. Мутные, остановившиеся глаза смотрели сквозь нее.

— Просперо! — закричала Суок, роняя фонарь. — Он умер! Он умер! Просперо!

Фонарь потух.

Часть четвертая. Оружейник Просперо

Глава XI. Гибель кондитерской

ГВАРДЕЕЦ, с которым мы познакомились у входа в зверинец как раз в тот момент, когда Суок стянула у него решетчатый фонарь, проснулся от шума, поднявшегося в зверинце.

Звери рычали, выли, пищали; хлопали крылья; ударяли хвосты по железным прутьям.

Гвардеец зевнул со страшным треском, потянулся, больно ударившись об решетку кулаком, и, наконец, окончательно пришел в себя.

Тогда он вскочил. Фонаря не было. Мирно блестели звезды. Благоухал жасмин.

— Черт возьми! — гвардеец плюнул с такой злобой, что плевок полетел как пуля и сбил чашечку жасмина.

Звериный концерт гремел с нарастающей силой.

Гвардеец поднял треногу. Через минуту сбежались люди с факелами. Факелы трещали. Гвардейцы бранились. Кто-то запутался в сабле, и упал, разбив нос о чью-то шпору.

— У меня украли фонарь!

— Кто-то прошел в зверинец!

— Воры!

— Мятежники!

Гвардеец с, разбитым носом и другой гвардеец, с разбитой шпорой, а также остальные, раздирая темноту факелами, двинулись против неизвестного врага.

Но ничего подозрительного в зверинце не обнаружилось.

Тигры ревели, разевая красные вонючие пасти. Львы бегали по клеткам в большой тревоге. Попугаи устроили целый кавардак. Они вертелись, создавая впечатление разноцветной карусели. Обезьяны раскачивались на трапециях. А медведи пели низким, красивым басом.

Появление огня и людей еще больше растревожило эту компанию.

Гвардейцы осмотрели все клетки.

Все было в порядке.

Даже фонаря, оброненного Суок, они не нашли.

И вдруг гвардеец с разбитым носом сказал:

— Стой! — и поднял высоко факел.

Все посмотрели наверх. Там чернела зеленая крона дерева. Листья не двигались. Была тихая ночь.

— Видите? — спросил гвардеец грозно. Он потряс факелом.

— Да. Что-то розовое…

— Маленькое…

— Сидит…

— Дураки, — знаете, что это? Это попугай. Он вылетел из клетки и уселся там, черт бы его побрал.

Караульный гвардеец, поднявший тревогу, сконфуженно молчал.

— Нужно его снять. Он переполошил всех зверей.

— Верно. Лезь, Вурм. Ты моложе всех.

Тот, кого назвали Вурмом, подошел к дереву. Он колебался.

— Лезь и сними его за бороду.

Попугай сидел неподвижно. Перья его розовели в гуще листьев, освещенной факелами.

Вурм сдвинул шляпу на лоб и почесал в затылке.

— Я боюсь. Попугаи кусаются очень больно.

— Дурак!

Вурм все-таки полез на дерево. Но на половине ствола он остановился, удержался на секунду и потом скользнул вниз.

— Ни за что, — сказал он. — Это не мое дело. Я не умею сражаться с попугаями.

Тут раздался чей-то сердитый старческий голос. Какой-то человек, шаркая туфлями, спешил из

темноты к гвардейцам.

— Не нужно его трогать! — кричал он. — Не тревожьте его!

Кричавший оказался главным смотрителем зверинца. Он был большой ученый и специалист по зоологии, то-есть знал в совершенстве все, что только можно знать о животных.

Его разбудил шум.

Он жил тут же, при зверинце, и прибежал прямо с постели, даже не сняв колпака и даже с большим блестящим клопом на носу.

Он был очень возбужден. В самом деле: какие-то солдаты осмелились вмешиваться в его мир, какой-то олух хочет хватать его попугая за бороду!

Гвардейцы расступились.

Зоолог задрал голову. Оп тоже увидел нечто розовое среди листьев.

— Да, — заявил он. — Это попугай. Это мой лучший попугай. Он всегда капризничает. Ему не сидится в клетке. Это Лаура.

— Лаура! Лаура! — стал он звать тоненьким голоском. — Он любит ласковое обращение. Лаура! Лаура! Лаура!

Гвардейцы прыснули. Вообще, этот маленький старичок в цветном халате, в ночных туфлях, с задранной головой, с которой свисала до полу

кисть колпака, представлял забавное зрелище среди громадных гвардейцев, ярко пылавших факелов и воя зверей.

Потом произошло самое смешное. Зоолог полез на дерево. Делал он это довольно ловко, — очевидно, не в первый раз. Раз-два-три, — несколько раз мелькнули из-под халата его ноги в полосатом белье, — и почтенный старик очутился наверху, у цели своего не дальнего, но опасного путешествия.

— Лаура, — снова сладко и льстиво пролепетал оп, и вдруг… пронзительный его выкрик огласил зверинец, парк и всю окрестность по крайней мере на целый километр.

— Дьявол!

Так закричал он. Очевидно, вместо попугая, на ветке сидело какое-то чудовище.

Гвардейцы отпрянули от дерева. Зоолог летел вниз. Случай, в виде короткой, но довольно крепкой ветки, спас его. Оп повис, зацепившись халатом.

О, если бы другие ученые увидели теперь своего почтенного собрата в таком виде, то, конечно, они отвернулись бы из уважения к его лысине и знаниям! Уж слишком неприлично задрался его халат.

Гвардейцы обратились в бегство. Пламя факелов летело по ветру. В темноте можно было подумать, что скачут черные лошади с огненными гривами.

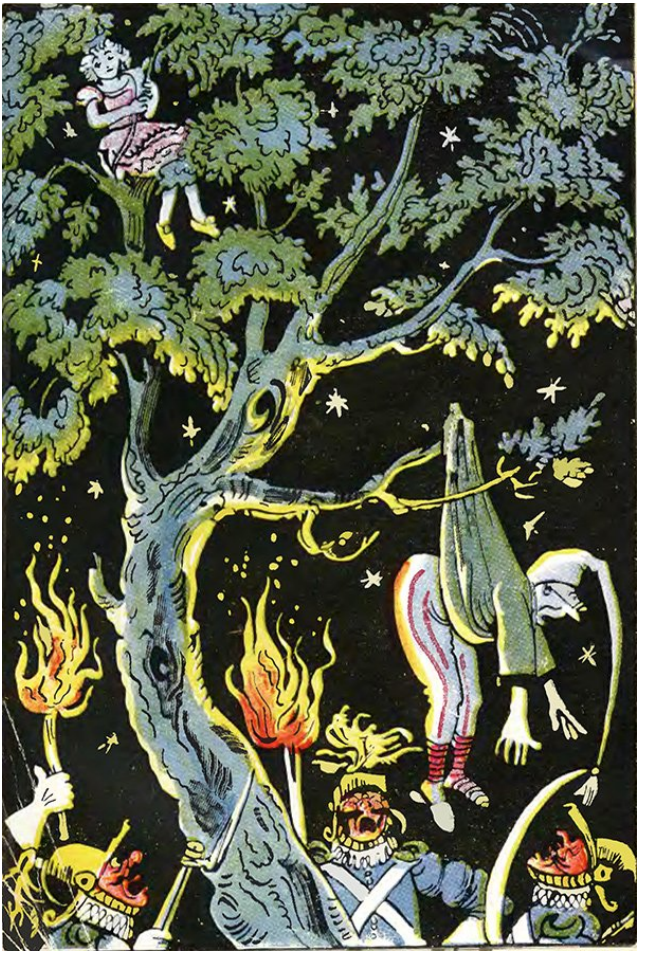
В зверинце тревога улеглась. Зоолог висел без движения. Зато во Дворце началось волнение.

Три Толстяка за четверть часа до появления на дереве таинственного попугая получили неприятные известия:

«В городе беспорядки. У рабочих появились пистолеты и ружья. Рабочие стреляют в гвардейцев и сбрасывают всех толстяков в воду».

«Гимнаст Тибул на свободе и собирает жителей окраин в одно войско».

«Множество гвардейцев ушло в рабочие кварталы, чтобы не служить Трем Толстякам».



…О, если бы другие ученые увидели теперь своего почтенного собрата в таком виде!..

«Фабричные трубы не дымят. Машины бездействуют. Шахтеры отказываются лезть в землю за углем для богачей».

«Окрестные крестьяне воюют с владельцами поместий».

Вот что доложили Трем Толстякам министры.

По обыкновению, от тревоги Три Толстяка начали жиреть. На глазах у государственного совета, у каждого из них прибавилось по четверть фунта.

— Я не могу, — жаловался один из них. — Я не могу… Это выше моего терпения… Ах! Ах! Запонка впилась мне в горло…

И тут с треском лопнул его ослепительный воротничок.

— Я жирею, — выл другой. — Спасите меня!

А третий уныло смотрел на свое брюхо. Таким образом, перед государственным советом встало два вопроса: во-первых, немедленно придумать средство для прекращения жирения, а во-вторых — подавить беспорядки в городе.

По первому поводу решили следующее:

— Танцы!

— Танцы! Танцы! Да, конечно, танцы. Это наилучший моцион.

— Не теряя ни минуты, пригласить учителя танцев. Он должен давать Трем Толстякам уроки балетного искусства.

— Да, — взмолился первый Толстяк, — но…

И как раз в это время прилетел из зверинца крик уважаемого зоолога, увидевшего на дереве черта вместо любимого попугая Лауры.

Все правительство понеслось в парк, по аллеям, к зверинцу.

— Уф! Уф! Уф! — слышалось в парке.

Тридцать семейств самых лучших бабочек, оранжевых, с черными разводами, покинули с перепугу парк.

Появилось множество факелов. Целый горящий, распространяющий запах смолы лес. Этот лес бежал и горел.

И когда до зверинца оставалось шагов десять, все, что бежало, как будто вдруг, внезапно лишилось ног. И сразу же все ринулись обратно с воем и писком, падая друг на друга, мечась и ища спасения. Факелы вмялись на земле, пламя разлилось, черный дым побежал волной.

— О!

— А!

— Спасайтесь!

Голоса потрясали парк. Пламя разлетаюсь,

озаряя картину бегства и смятения багровым блеском.

А оттуда, из зверинца, из-за железной ограды, спокойно, твердыми широкими шагами, шел огромный человек.

В этом блеске, рыжеголовый, со сверкающими глазами, в разорванной куртке, он шел как грозное видение. Одной рукой он держал за ошейник, скрученный из железного обрывка цепи, пантеру. Желтый и топкий зверь, силясь вырваться из страшного ошейника, прыгал, визжал, вился и, как лев на рыцарском флаге, то выпускал, то втягивал длинный малиновый язык.

И те, которые решились оглянуться, увидели, что на другой руке этот человек нес девочку в сияющем розовом платье. Девочка испуганно смотрела на бесившуюся пантеру, поджимала ноги в туфельках с золотыми розами и жалась к плечу своего друга.

— Просперо! — вопили люди, удирая.

— Просперо! Это Просперо!

— Спасайтесь!

— Кукла!

— Кукла!

И тогда Просперо выпустил зверя.

Пантера, размахивая хвостом, огромными скач-

ками ринулась за убегавшими.

Суок спрыгнула с руки оружейника. Много пистолетов было брошено на траву в этом бегстве. Суок подобрала три пистолета. Двумя вооружился Просперо, один взяла Суок. Он был почти в половину ее ростом. Но опа знала, как справиться с этой черной, блестящей штукой: в цирке опа научилась стрелять из пистолета.

— Идем! — скомандовал оружейник.

Их не интересовало то, что творилось в глубине парка. Они не думали о дальнейших похождениях пантеры.

Нужно было искать выход из Дворца. Нужно было спасаться.

Где заветная кастрюля, о которой говорил Тибул? Где таинственная кастрюля, через которую спасся продавец детских воздушных шаров?

— В кухню! В кухню! — кричала Суок на ходу, размахивая пистолетом.

Они бежали в полной темноте, разрывая кусты и выгоняя заснувших птиц. О, как пострадало чудесное платье Суок!

— Пахнет чем-то сладким, — вдруг заявила Суок, остановившись под какими-то освещенными окнами.

И вместо пальца, который поднимают в случа-

ях, требующих общего внимания, опа подняла черный пистолет.

Подбежавшие гвардейцы увидели их уже наверху, у вершины дерева. Мгновение — и с ветвей, простертых к этим окнам, они перебрались в главное окно.

Это было то же окно, через которое вчера влетел продавец детских воздушных шаров.

Это было окно кондитерской.

Здесь, несмотря на поздний час и даже несмотря на общую тревогу, кипела работа. Весь штат кондитеров и хитрых мальчишек в белых колпаках суетился во-всю: они готовили какой-то особенный компот к завтрашнему обеду в честь возвращения куклы наследника Тутти. На этот раз торта уже решено было не делать, из опасения, чтобы еще какой-нибудь летающий гость не погубил и французский крем, и удивительного качества цукаты.

Посредине стоял чан. В нем кипятилась вода. Белый пар заволок все. Под этим покровом поварята блаженствовали: они нарезали для компота фрукты.

Итак… но тут, сквозь пар и суматоху, кухонные мастера увидели страшную картину.

За окном качнулись ветви, зашумели листья,

точно перед бурей, и на подоконнике появились двое: рыжеволосый гигант и девочка.

— Руки вверх! — сказал Просперо. В каждой руке он держал по пистолету.

— Ни с места! — звонко сказала Суок, поднимая свой пистолет.

Две дюжины белых рукавов, не дожидаясь более внушительного приглашения, взметнулись.

А потом полетели кастрюли.

Это был разгром сверкающего, стеклянного, медного, горячего, сладкого, душистого мира кондитерской.

Оружейник искал главную кастрюлю. В ней было спасение его и спасение его маленькой спасительницы.

Он опрокидывал банки, разбрасывал сковороды, воронки, тарелки, блюда. Стекло разлеталось во все стороны и билось со звоном и громом; рассыпанная мука вертелась столбом, как самум в Сахаре; поднялся вихрь миндаля, изюма, черешен; сахарный песок хлестал с полок с грохотом водопада; наводнение сиропов поднялось на целый аршин; брызгала вода, катились фрукты, рушились медные башни кастрюль.

Все стало кверху дном. Вот так бывает иногда во сне, когда снится сон, и заешь, что это сон, и

поэтому можно делать все, что захочешь.

— Есть! — завизжала Суок. — Вот она!

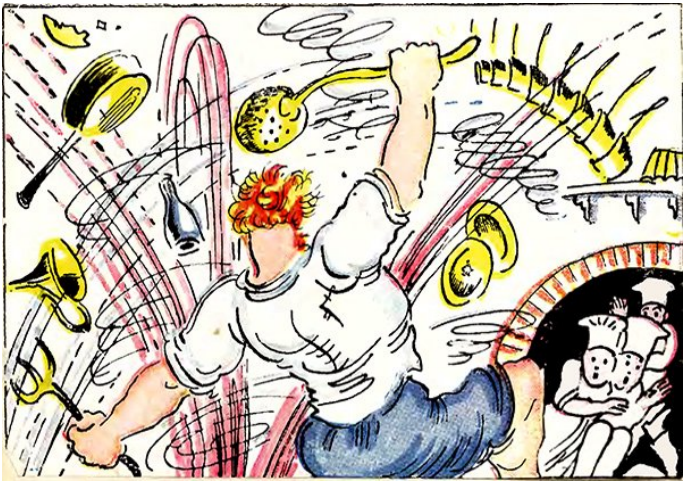
То, что искали, нашлось. Крышка полетела в груду развалин. Опа шлепнулась, подобно щиту героя, в густое, малиновое, зеленое и золотисто-желтое озеро сиропов.

Просперо увидел кастрюлю без дна.

— Беги! — крикнула Суок. — Я за тобой.

Оружейник влез в кастрюлю. И, уже исчезнув внутри, услышал вопли тех, кто остался в кондитерской.

Суок не успела. Пантера, совершая свой страшный путь по парку и дворцу, появилась здесь. Раны от пуль гвардейцев цвели на ее шкуре розами.



...Он опрокидывал банки, разбрасывал сковороды, воронки, тарелки, блюда...

Кондитеры и повара повалились в один угол. Суок, забыв о пистолете, швырнула в пантеру подвернувшейся под руку грушей.

Зверь бросился за Просперо, — головою в кастрюлю. Он провалился за ним в темный и узкий ход. Все увидели желтый хвост, торчавший из этой кастрюли точно из колодца, — а потом все скрылось.

Суок закрыла глаза руками.

— Просперо! Просперо!

А кондитеры зловеще захохотали. Тут же ворвались гвардейцы. Мундиры их были изорваны, лица в крови, пистолеты дымились. Они сражались с пантерой.

— Просперо погиб. Его разорвет пантера. Тогда мне. все равно. Я сдаюсь.

Суок говорила спокойно, опустив маленькую руку с очень большим пистолетом.

Но выстрел грянул. Это Просперо, удирая вниз по подземному ходу, выстрелил в пантеру, летевшую за ним.

Гвардейцы столпились над кастрюлей. Сироповое озеро доходило до половины их огромных сапог.

Один заглянул в кастрюлю. Потом он сунул туда руку и потянул. Тогда на помощь пришли еще двое. Натужившись, они вытащили за хвост мертвого зверя, застрявшего в воронке.

— Он мертв, — сказал гвардеец, отдуваясь.

— Он жив! Он жив! Я его спасла. Я спасла друга народа!

Так радовалась Суок, бедная маленькая Суок, в изорванном платьице, с помятыми золотыми розами в волосах и на туфельках.

Она розовела от счастья.

Она исполнила поручение, которое дал ей ее

друг, гимнаст Тибул: она освободила оружейника Просперо.

— Так, — говорил гвардеец, беря Суок за руку. — Посмотрим, хваленая кукла, что ты теперь будешь делать! Посмотрим…

— Отвести ее к Трем Толстякам…

— Они приговорят тебя к смерти.

— Дурак, — спокойно ответила Суок, слизывая с розового кружева сладкую сиропную кляксу, попавшую на ее платье в то время, когда Просперо громил кондитерскую.

Глава XII. Учитель танцев Раздватрис

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ с разоблаченной куклой дальше, пока неизвестно. Кроме того, мы воздержимся пока что и от прочих объяснений, а именно: какой-такой попугай сидел на дереве, и почему испугался почтенный зоолог, который, быть может, и до сих пор висит на суку, как выстиранная рубаха; каким образом оружейник Просперо оказался на свободе, и откуда появилась пантера; каким способом Суок очутилась на плече оружейника; что это было за чудовище, говорившее на человеческом языке, какую оно передало дощечку Суок, и почему оно умерло…

Все разъяснится в свое время. Уверяю вас, что никаких чудес не, происходило, а все совершалось, как говорят ученые, по железным законам логики.

А сейчас утро. Как раз к этому утру удивительно похорошела природа. Даже у одной старой девы, имевшей выразительную наружность козла, перестала болеть голова, нывшая у нее с детства. Такой был воздух в это утро. Деревья не шумели, а пели детскими, веселыми голосами.

В такое утро каждому хочется танцовать. По-

этому неудивительно, что зал учителя танцев Раздватриса был переполнен.

На пустой желудок, конечно, не потанцуешь.

Не потанцуешь, конечно, и с горя. Но пустые желудки и горе были только у тех, кто собирался сегодня в рабочих кварталах, чтобы снова идти в поход на Дворец Трех Толстяков. А франты, дамы, сыновья и дочери обжор и богачей чувствовали себя превосходно. Они не знали, что гимнаст Тибул строит в полки бедный, голодный рабочий люд; они не знали, что маленькая танцовщица Суок освободила оружейника Просперо, которого только и ждал народ; они мало придавали значения тем волнениям, которые поднялись в городе.

— Пустяки, — говорила хорошенькая, но востроносая барышня, приготовляя бальные туфли, — если они снова пойдут штурмовать Дворец, гвардейцы уничтожат их, как в прошлый раз.

— Конечно, — заливался молодой франт, грызя яблоко и оглядывая свои фрак. — Эти рудокопы и эти грязные ремесленники не имеют ружей, пистолетов и сабель. А у гвардейцев есть даже пушки.

Пара за парой подходили беспечные и самодовольные люди к дому Раздватриса.

На дверях у него висела дощечка с надписью:

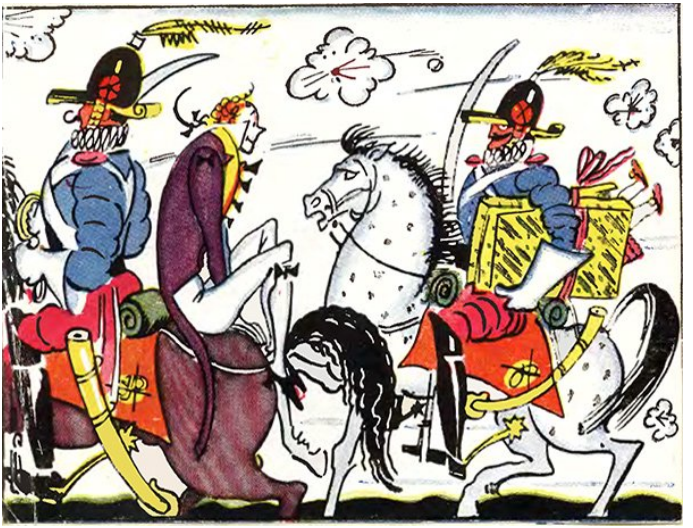
«Учитель танцев Раздватрис. Учу не только танцам, но вообще красоте, изяществу, легкости, вежливости и поэтическому взгляду на жизнь. Плата — за десять танцев вперед».

На большом паркете медового цвета, в круглом зале, Раздватрис преподавал свое искусство.

Он сам играл на черной флейте, которая каким-то чудом держалась у его губ, потому что он все время размахивал руками в кружевных манжетах и белых лайковых перчатках. Он изгибался, принимал позы, закатывал глазки, отбивал каблуком такт и каждую минуту подбегал к зеркалу посмотреть: красив ли он, хорошо ли сидят его бантики, блестит ли напомаженная голова…

Пары вертелись. Их было так много и они так потели, что можно было подумать следующее: варится какой-то пестрый и, должно быть, невкусный суп.

То кавалер, то дама, завертевшись в общей сутолоке, становились похожими либо на хвостатую репу, либо на



...Раздватрис ехал задом наперед...

лист капусты, или еще на что-нибудь непонятное цветное и причудливое, что можно найти в тарелке супа.

А Раздватрис исполнял в этом супе должность ложки. Тем более, что он был очень длинный, тонкий и изогнутый.

Ах, если бы Суок посмотрела на эти танцы, вот бы она смеялась! Даже тогда, когда она играла роль Золотой Кочерыжки в пантомиме «Глупый король», и то она танцевала куда изящней. А

между тем ей нужно было танцевать, как танцуют кочерыжки.

И в самый разгар танцев три огромных кулака в грубых кожаных перчатках постучали в дверь учителя танцев Раздватриса.

По виду эти кулаки мало чем отличались от глиняных деревенских кувшинов.

Суп остановился.

А через пять минут учителя танцев Раздватриса везли во Дворец Трех Толстяков. Три гвардейца прискакали за ним. Один из них посадил его на круп своей лошади спиной к себе, — другими словами, Раздватрис ехал задом наперед. Другой гвардеец вез его большую картонную коробку. Она была весьма вместительна.

— Я ведь должен взять с собой некоторые костюмы, музыкальные инструменты, а также парики, ноты и любимые романсы, — заявил Раздватрис, собираясь в путь. — Неизвестно, сколько мне придется пробыть при Дворце. А я привык к изяществу и красоте, а потому люблю часто менять одежду.

Танцоры бежали за лошадьми, махали платками и кричали Раздватрису приветствия.

Солнце влезло высоко.

Раздватрис был доволен, что его вызвали во

Дворец. Он любил Трех Толстяков за то, что их любили сыновья и дочери не менее толстых богачей. Чем был богаче богач, тем больше он нравился Раздватрису.

— В самом деле, — рассуждал он. — Какая мне польза от бедняков? Разве они учатся танцовать? Они всегда заняты работой и никогда не имеют денег. То ли дело богатые купцы, богатые франты и дамы. У них всегда много денег, и они никогда ничего не делают.

Как видите, Раздватрис был не глуп по-своему, но по-нашему — глуп.

— Дура эта Суок, — удивлялся он, вспоминая маленькую танцовщицу. — Зачем она танцует для нищих, для солдат, ремесленников и оборванных детей? Ведь они ей платят так мало денег.

Должно быть, еще больше удивился бы глупый Раздватрис, если б узнал, что эта маленькая танцовщица рискнула своей жизнью, чтобы спасти вождя этих нищих, ремесленников и оборванных детей — оружейника Просперо.

Всадники скакали быстро.

Происшествия в пути были довольно странные. Постоянно вдалеке хлопали выстрелы. Кучки взволнованных людей толпились у ворот. Иногда через улицу перебегали два-три ремесленника,

держа в руках пистолеты… Лавочникам, казалось бы, только и торговать в такой чудный день, а они закрывали ставни и сами высовывали свои толстые, блестящие щеки из форточек. Разные голоса из квартала в квартал перекликались:

— Просперо!

— Просперо!

— Он с нами!

— С н-а-а-ми!

Порой пролетал гвардеец на разгоряченной лошади, рассыпавшей пену. Порой какой-нибудь толстяк, пыхтя, бежал в проулок, а по сторонам бежали рыжие слуги, приготовив палки для защиты своего господина.

В одном месте такие слуги, вместо того, чтобы защищать своего толстого хозяина, совершенно неожиданно принялись его избивать, производя шум на целый квартал.

Раздватрис сперва подумал, что это выколачивают пыль из турецкого дивана.

Отсыпав три дюжины ударов, слуги поочередно лягнули толстяка в зад, потом, обнявшись и потрясая палками, побежали куда-то, крича:

— Долой Трех Толстяков! Мы не хотим служить богачам! Да здравствует народ!

А голоса перекликались:

— Просперо!

— Про-о-о-сп-е-е-ро!

Словом, была большая тревога. В воздухе пахло порохом.

И, наконец, случилось последнее происшествие.

Десять гвардейцев преградили путь трем своим товарищам, везшим Раздватриса.

Это были пешие гвардейцы.

— Стой, — сказал один из них. Голубые глаза его сверкали гневом. — Кто вы?

— Не видишь?! — спросил так же гневно гвардеец, за спиной которого сидел Раздватрис.

Лошадям, задержанным на полном ходу, не стоялось. Тряслась сбруя. Тряслись поджилки у учителя танцев Раздватриса. Неизвестно, что тряслось громче.

— Мы солдаты дворцовой гвардии Трех Толстяков.

— Мы спешим во Дворец. Пропустите нас немедленно.

Тогда голубоглазый гвардеец вынул из-за шарфа пистолет и сказал:

— В таком случае отдайте ваши пистолеты и сабли. Оружие солдата должно служить только народу, а не Трем Толстякам.

Все гвардейцы, окружившие всадников, вынули пистолеты.

Всадники схватились за свое оружие. Раздватрис лишился чувств и свалился к лошади. Когда он очнулся, точно сказать нельзя, но во всяком случае уже после того, как бой между сопровождавшими его гвардейцами и теми, которые их задержали, окончился. Очевидно, победили последние. Раздватрис увидел около себя того самого, за чьей спиной он сидел. Этот гвардеец был мертв.

— Кровь, — пролепетал Раздватрис, закрывая глаза. Но то, что он увидел через секунду, потрясло его в три раза сильнее.

Его картонная коробка была разбита. Его имущество вывалялось из обломков коробки. Его чудная одежда, его романсы и парики валялись в пыли на мостовой…

Ах!..

Это в пылу сражения гвардеец уронил доверенную ему корзину — и она расквасилась о пухлые камни мостовой.

Ах! Ах!

Раздватрис бросился к своему добру. Он лихорадочно перебрал жилеты, фраки, чулки, туфли с дешевыми, но красивыми на первый взгляд

пряжками, и снова сел на землю. Его горе не имело границ. Все вещи, весь туалет остался на месте, но самое главное было похищено.

И пока Раздватрис, воздевал к голубому небу свои кулачки, похожие на булочки, три всадника неслись во весь опор ко Дворцу Трех Толстяков.

Эти три лошади принадлежали до сражения трем гвардейцам, везшим учителя танцев Раздватриса. После сражения, когда один из них был убит, а остальные сдались и перешли на сторону народа, победители нашли в разбившейся коробке Раздватриса нечто розовое, завернутое в марлю.

Тогда трое из них немедленно вскочили на отвоеванных лошадей и поскакали.

Скакавший впереди голубоглазый гвардеец прижимал к груди нечто розовое, завернутое в марлю.

Встречные шарахались в сторону. На шляпе у него была красная кокарда. Это означало, что гвардеец перешел на сторону народа.

Тогда встречные, если это не были толстяки или обжоры, аплодировали ему вслед. Но, приглядевшись, в изумлении замирали: из свертка, который гвардеец держал на груди, свисали ноги девочки в розовых туфлях с золотыми розами

вместо пряжек...

Глава XIII. Победа

ТОЛЬКО ЧТО мы описывали утро с его необычайными происшествиями, а сейчас повернем обратно и будем описывать ночь, которая предшествовала этому утру и была, как вы уже знаете, полна не менее удивительными происшествиями.

В эту ночь оружейник Просперо бежал из Дворца Трех Толстяков, в эту ночь Суок была схвачена на месте преступления.

Кроме того, в эту ночь три человека с прикрытыми фонарями вошли в спальню наследника Тутти.

Это происходило приблизительно через час после того, как оружейник Просперо разгромил дворцовую кондитерскую, и гвардейцы взяли Суок в плен возле спасительной кастрюли.

В спальне было темно.

Высокие окна были наполнены звездами.

Мальчик крепко спал, дыша очень спокойно и тихо.

Три человека всячески старались спрятать свет своих фонарей.

Что они делали, неизвестно. Слышался только

шепот. Караул, стоявший у дверей спальни снаружи, продолжал стоять как ни в чем не бывало.

Очевидно, трое вошедших к наследнику имели какое-то право хозяйничать в его спальне.

Бы уже знаете, что воспитатели наследника Тутти не отличались храбростью. Вы помните случай с куклой. Вы помните, как был испуган воспитатель при жуткой сцене в саду, когда гвардейцы искололи куклу саблями. Вы видели, как струсил воспитатель, рассказывая об этой сцене Трем Толстякам.

На этот раз дежурный воспитатель оказался таким же трусом.

Представьте, он находился в спальне, когда вошли трое неизвестных с фонарями. Он сидел у окна, оберегая сон наследника, и, чтобы не заснуть, глядел на звезды и проверял свои, знания в астрономии.

Но тут скрипнула дверь, блеснул свет, и мелькнули три таинственных фигуры. Тогда воспитатель спрятался в кресле. Больше всего он боялся, что его длинный нос выдаст его головой. В самом деле, этот удивительный нос четко чернел на фоне звездного окна и мог быть сразу замечен.

Но трус себя успокаивал:

«Авось, они подумают, что это такое украшение

на ручке кресла или карниз противоположного дома».

Три фигуры, чуть-чуть освещенные желтым светом фонарей, подошли к кровати наследника.

— Есть, — раздался один шепот.

— Спит, — ответил другой.

— Тссс…

— Ничего. Он спит крепко.

— Итак, действуйте.

Что-то звякнуло.

На лбу у воспитателя выступил холодный пот. Он почувствовал, что его нос от страху растет.

— Готово, — шипел чей-то голос.

— Давайте.

Опять что-то звякнуло, потом булькнуло и полилось. И вдруг снова наступила тишина.

— Куда вливать?

— В ухо.

— Он спит, положив голову на щеку. Это как раз удобно. Лейте в ухо…

— Только осторожно. По капельке.

— Ровно десять капель.

— Первая капля кажется страшно холодной, а вторая не вызывает никакого ощущения, потому что первая действует немедленно. После нее исчезает всякая чувствительность.

— Старайтесь влить жидкость так, чтобы между первой и второй каплей не было никакого промежутка.

— Иначе мальчик проснется, точно от прикосновения льда.

— Тсс!.. Вливаю… Раз-два!..

И тут воспитатель почувствовал сильный запах ландыша. Он разлился по всей комнате.

— Три-четыре-пять-шесть, — отсчитывал чей-то голос быстрым шепотом.

— Готово.

— Теперь он будет спать три дня непробудным сном.

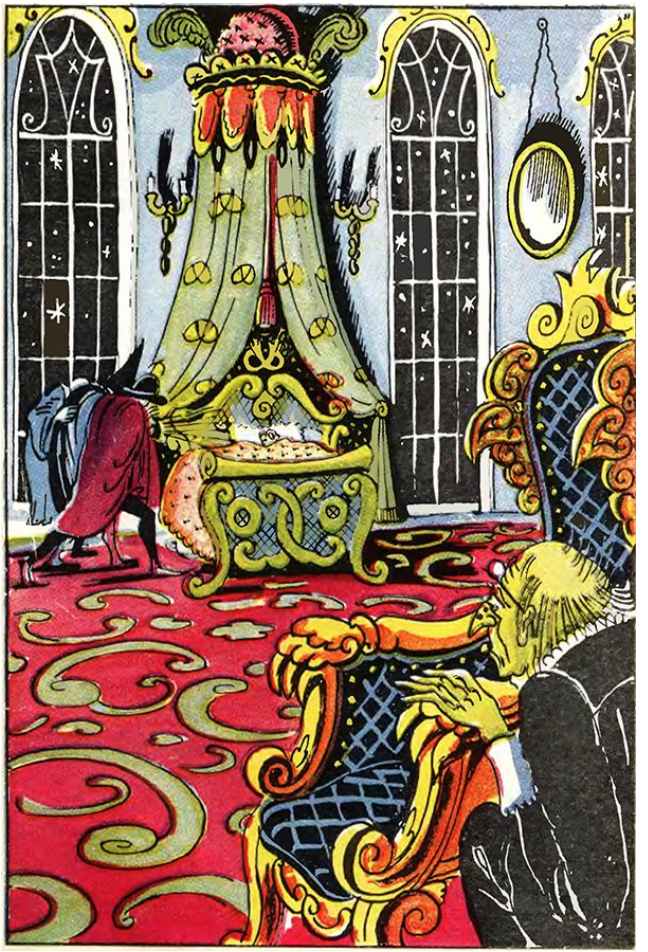
— И он не будет знать, что стало с его куклой…

— Он проснется, когда уже все окончится…

— А то, пожалуй, он начал бы плакать, топать ногами, и, в конце концов, Три Толстяка простили бы девчонку и даровали бы ей жизнь…

Три незнакомца исчезли. Дрожащий воспитатель встал. Зажег маленькую лампочку, горевшую пламенем в форме оранжевого цветка, и подошел к кровати.

Наследник Тутти лежал в кружевах, под шелковыми покрывалами, маленький и важный.



…Три фигуры подошли к кровати наследника…

На огромных подушках покоилась его голова с растрепанными золотыми волосами.

Воспитатель нагнулся и приблизил лампочку к бледному лицу мальчика. В маленьком ухе сверкала капля, будто жемчужина в раковине.

Золотисто-зеленый свет переливался в ней. Воспитатель прикоснулся к ней мизинцем. На маленьком ухе ничего не осталось, а всю руку воспитателя пронизал острый, нестерпимый холод.

Мальчик спал непробудным сном.

А через несколько часов наступило то прелестное утро, которое мы уже имели удовольствие описывать нашим читателям.

Мы знаем, что произошло в это утро с учителем танцев Раздватрисом, но нам гораздо интереснее узнать, что стало в это утро с Суок. Ведь мы ее оставили в таком ужасном положении!

Сперва решено было бросить ее в подземелье.

— Нет, это слишком сложно, — сказал государственный канцлер. — Мы устроим скорый и справедливый суд.

— Конечно, нечего возиться с девчонкой, — согласились Три Толстяка.

Однако, не забудьте, что Три Толстяка пережили очень неприятные минуты, удирая от

пантеры. Им необходимо было отдохнуть. Они сказали так:

— Мы поспим немного. А утром устроим суд.

С этими словами они разошлись по своим спальням.

Государственный канцлер, который не сомневался в том, что куклу, оказавшуюся девочкой, суд приговорит к смерти, отдал приказание усыпить наследника Тутти, чтобы он своими слезами не смягчил страшного приговора.

Три человека с фонарями, как вы уже знаете, проделали это.

Наследник Тутти спал.

Суок сидела в караульном помещении. Караульное помещение называется кордегардией. Итак, Суок в это утро сидела в кордегардии. Ее окружали гвардейцы. Посторонний человек, зайдя в кордегардию, долго бы удивлялся: почему эта хорошенькая печальная девочка в необыкновенно нарядном розовом платье находится среди гвардейцев? Ее вид совершенно не, вязался с грубой обстановкой кордегардии, где валялись седла, оружие, пивные кружки.

Гвардейцы играли в карты, дымили синим вонючим дымом из своих трубок, бранились, поминутно затевали драку.

Эти гвардейцы еще были верны Трем Толстякам. Они грозили Суок огромными кулаками, делали ей страшные рожи и топали на нее ногами.

Суок относилась к этому спокойно. Чтобы отделаться от их внимания и насолить им, она высунула язык и, обратившись ко всем сразу, сидела с такой рожей целый час.

Сидеть на бочонке ей казалось достаточно удобным. Правда, платье от такого сиденья пачкалось, но уже и без того оно потеряло свой прежний вид: его изорвали ветки, обожгли факелы, измяли гвардейцы, обрызгали сиропы.

Суок не думала о своей участи. Девочки ее возраста не страшатся явной опасности. Они не испугаются направленного на них пистолетного дула, но зато им будет страшно остаться в темной комнате.

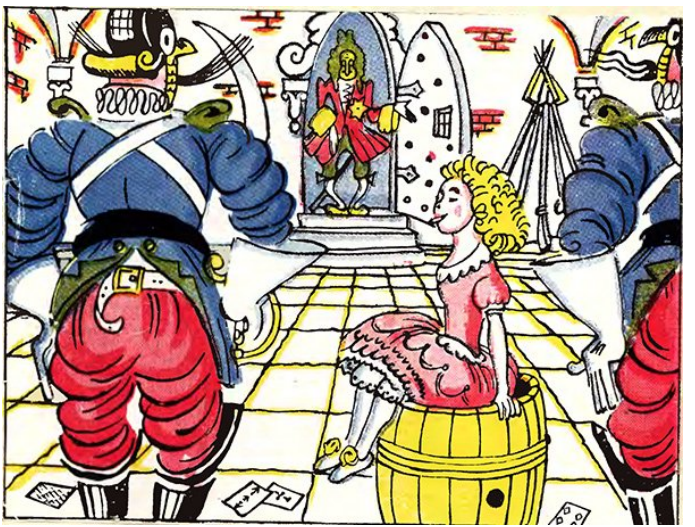
Она думала так:

«Оружейник Просперо на свободе. Сейчас он вместе с Тибулом поведет бедняков на Дворец. Они меня освободят».

В то время, когда Суок размышляла таким образом, ко Дворцу прискакали три гвардейца, о которых мы говорили в предыдущей главе. Один из них, голубоглазый, как вы уже знаете, вез

какой-то таинственный сверток, из которого свисали ноги в розовых туфлях с золотыми розами вместо пряжек.

Подъезжая к мосту, где стоял караул, верный Трем Толстякам, эти три гвардейца сорвали со своих шляп красные кокарды.



...Государственный канцлер вошел в кордегардию...

Это было необходимо для того, чтобы караул

их пропустил.

Иначе, если бы караул увидел красные кокарды, он начал бы стрелять в этих гвардейцев, потому что они перешли на сторону народа.

Они пронеслись мимо караула, едва не опрокинув начальника.

— Должно быть, какое-нибудь важное донесение, — сказал начальник, поднимая свою шляпу и стряхивая пыль с мундира.

В этот момент настал для Суок последний час. Государственный канцлер вошел в кордегардию.

Гвардейцы вскочили и стали смирно, вытянув свои огромные перчатки по швам.

— Где девчонка? — спросил канцлер, поднимая очки.

— Иди сюда, — крикнул самый высокий гвардеец.

Суок сползла с бочонка.

Гвардеец грубо схватил ее поперек пояса и поднял.

— Три Толстяка ожидают в Зале Суда, — сказал канцлер, опуская очки. — Несите девчонку за мной.

С этими словами канцлер вышел из кордегардии. Гвардеец шагнул за ним, держа Суок одной рукой на весу.

О золотые розы, о розовый шелк! — все это гибло под безжалостной рукой.

Суок, которой было больно и неловко висеть поперек страшной руки гвардейца, ущипнула его повыше локтя. Она собрала силы, и щипок получился основательный, несмотря на плотный рукав мундира.

— Черт! — выругался гвардеец и уронил девочку.

— Что? — обернулся канцлер.

И тут канцлер почувствовал совершенно неожиданный удар по уху. Канцлер упал.

И за ним немедленно упал гвардеец, который только что расправлялся с Суок.

Его тоже ударили по уху. Но как! Можете себе представить, какой силы должен быть удар, чтобы свалить без чувств такого огромного и злого гвардейца.

Прежде чем Суок успела оглянуться и увидеть причину, свалившую этих двух людей, чьи-то руки ее снова подхватили и потащили.

Это тоже были грубые и сильные руки, но они казались доброе, и в них Суок чувствовала себя ловчей, чем в руках гвардейца, который валялся теперь на блестящем полу.

— Не бойся! — шепнул ей чей-то голос.

Толстяки нетерпеливо дожидались в Зале Суда. Они сами хотели судить хитрую куклу. Вокруг сидели чиновники, советники, судьи и секретари. Разноцветные парики — малиновые, сиреневые, ярко-зеленые, рыжие, белые и золотые — пылали в солнечных лучах. Но даже веселый солнечный свет не мог украсить надутых физиономий под этими париками.

Три Толстяка по-прежнему страдали от жары. Пот сыпался с них, что горох, и портил лежащие перед ними бумажные листы. Секретари ежеминутно меняли бумагу.

— Наш канцлер заставляет себя долго ждать, — сказал первый Толстяк, шевеля пальцами, как удавленник.

Наконец долгожданные появились.

Три гвардейца вошли в залу. Один держал на руках девочку. О, как печально она выглядела!

Розовое платье, поражавшее вчера своим сиянием и дорогой искусной отделкой, превратилось теперь в жалкие лохмотья. Увяли золотые розы, осыпались блестки, измялся и истрепался шелк. Голова девочки уныло свисала к плечу гвардейца. Девочка была смертельно бледна, и ее лукавые серые глаза погасли.

Пестрое собрание подняло головы.

Три Толстяка потирали руки.

Секретари вынули длинные перья из-за своих не менее длинных ушей.

— Так, — сказал первый Толстяк. — А где же государственный канцлер?

Гвардеец, державший девочку, стал перед собранием и доложил. Голубые глаза его весело блестели.

— У господина государственного канцлера по дороге случилось расстройство желудка.

Объяснение это всех удовлетворило.

Суд начался.

Гвардеец усадил бедную девочку на грубую скамью перед столом судей. Она сидела, поникнув головой.

Первый Толстяк начал допрос.

Но тут встретилось весьма важное препятствие: Суок не хотела отвечать ни на один вопрос.

— Прекрасно, — рассердился Толстяк. — Прекрасно. Тем хуже для нее. Она не удостаивает нас ответом, — хорошо… Тем страшней мы выдумаем для нее кару…

Суок не шелохнулась.

Три гвардейца, точно окаменев, стояли по сторонам.

— Позвать свидетелей, — распорядился Тол-

стяк.

Свидетель был только один. Его привели. Это был уважаемый зоолог, смотритель зверинца. Всю ночь он провисел на суку. Его только теперь сняли. Он так и вошел: в цветном халате, в полосатом белье и в ночном колпаке. Кисть колпака волочилась за ним по земле как кишка.

Увидев Суок, которая сидела на скамье, зоолог зашатался от страху. Его поддержали.

— Расскажите, как было дело.

Зоолог принялся обстоятельно рассказывать. Он сообщил о том, как, влезши на дерево, он увидел между ветвями куклу наследника Тутти. Так как он никогда не видел живых кукол и не предполагал, что куклы по ночам лазят на деревья, то он очень испугался и лишился чувств.

— Каким образом она освободила оружейника Просперо?

— Не знаю. Я не видел и не слышал. Мой обморок был очень глубок.

— Ответишь ли ты нам, гадкая девчонка, о том, как оружейник Просперо очутился на свободе?

Суок молчала.

— Потрясите ее.

— Хорошенько! — приказали Толстяки.

Голубоглазый гвардеец встряхнул девочку за

плечи.

Кроме того, он пребольно щелкнул ее в лоб. Суок молчала.

...На его указательном пальце сидел большой старый попугай...

Толстяки шипели от злости. Разноцветные головы укоризненно качались...

— Очевидно, — сказал первый Толстяк, — никаких подробностей нам не удастся узнать.

При этих словах зоолог ударил себя ладонью

по лбу.

— Я знаю, что нужно сделать.

Собрание насторожилось.

— В зверинце есть клетка с попугаями. Там собраны попугаи самых редких пород. Вам, конечно, известно, что попугай умеет запоминать и повторять человеческую речь. У многих попугаев чудный слух и великолепная память… Я думаю, что они запомнили все, что говорилось ночью в зверинце этой девочкой и оружейником Просперо… Поэтому я предлагаю вызвать в Зал Суда в качестве свидетеля какого-нибудь из моих удивительных попугаев.

Гул одобрения прошел по собранию.

Зоолог отправился в зверинец и вскоре вернулся. На его указательном пальце сидел большой старый попугай с длинной красной бородой.

Вспомните: когда Суок бродила ночью но зверинцу, — вспомните, — ей показался подозрительным один из попугаев. Помните, она видела, как он смотрел на нее и как, притворившись спящим, улыбнулся в свою длинную красную бороду.

И теперь на пальце зоолога так же удобно, как и на своей серебряной жердочке, сидел этот самый краснобородый попугай.

Теперь он улыбался весьма недвусмысленно, радуясь, что выдаст бедную Суок.

Зоолог заговорил с ним по-немецки. Попугаю показали девочку.

Тогда он хлопнул крыльями и закричал:

— Суок! Суок!

Голос его походил на треск старой калитки, которую ветер рвет с ее ржавых петель.

Собрание молчало.

Зоолог торжествовал.

А попугай продолжал делать свой донос. Он передавал действительно то, что слышал ночью. Так что, если вас интересует вся история освобождения оружейника Просперо, то слушайте все, что будет кричать попугай.

О! Это была, действительно, редкая порода попугая. Не говоря уже о красивой красной бороде, которая могла сделать честь любому генералу, — попугай искуснейшим образом передавал человеческую речь.

— Кто ты? — трещал он мужским голосом.

И тут же отвечал очень тоненько, подражая голосу девочки:

— Я — Суок.

— Суок!

— Меня послал Тибул. Я не кукла. Я живая де-

вочка. Я пришла тебя освободить. Ты не видел меня, как я вошла в зверинец?

— Нет. Я, кажется, спал. Сегодня я заснул впервые.

— Я тебя ищу в зверинце. Я увидела здесь чудовище, которое говорило человеческим голосом. Я думала, что это ты. Чудовище умерло.

— Это Туб. Значит, он умер?

— Умер. Я испугалась и закричала. Пришли гвардейцы, и я спряталась на дерево. Я так довольна, что ты жив. Я пришла тебя освободить.

— Моя клетка крепко заперта.

— У меня ключ от твоей клетки…

Когда попугай пропищал последнюю фразу, всеобщее негодование охватило всех.

— Ах, подлая девчонка! — заорали Толстяки. — Теперь понятно все. Она украла ключ у наследника Тутти и выпустила оружейника. Оружейник разбил свою цепь, сломал клетку пантеры и схватил зверя, чтобы пройти свободно по двору.

— Да!

— Да!

— Да!

А Суок молчала.

Попугай утвердительно замотал бородой и

трижды хлопнул крыльями. Суд окончился.

Приговор был таков:

«Мнимая кукла обманула наследника Тутти. Она выпустила самого главного мятежника и врага Трех Толстяков — оружейника Просперо. Из-за нее погиб лучший экземпляр пантеры. Поэтому обманщица приговаривается к смерти. Ее растерзают звери».

И, представьте себе, даже когда был приговор прочитан, — Суок не шевельнулась.

Все собрание двинулось в зверинец. Вой, писк и свист зверей приветствовал шествие. Больше всех волновался зоолог. Ведь он был смотритель зверинца.

Три Толстяка, советники, чиновники и прочие придворные расположились на трибуне. Она была защищена решеткой.

Ах, как нежно светило солнце! Ах, как синело небо! Как сверкали плащи попугаев, как вертелись обезьяны, как приплясывал зеленоватый слон!

Бедная Суок! Она не любовалась этим. Должно быть, глазами, полными ужаса, она смотрела на грязную клетку, где, приседая, бегали тигры. Они походили на ос, во всяком случае имели ту же окраску: желтую с коричневыми полосами.

Они исподлобья смотрели на людей. Иногда они бесшумно разевали алые пасти, из которых воняло сырым мясом.

Бедная Суок!

Прощай, цирк, площади, Август, лисичка в клетке, милый, большой, смелый Тибул!

Голубоглазый гвардеец вынес девочку на середину зверинца и положил на блестящий горячий графит.

— Позвольте, — сказал вдруг один из советников. — А как же наследник Тутти? Ведь если он узнает, что его кукла погибла в лапах тигров, он умрет от слез.

— Тсс!.. — шепнул ему сосед. — Тсс!.. Наследника Тутти усыпили… Он будет спать непробудным сном три дня, а может быть, и больше…

Все взоры устремились на розовый жалкий комок, лежавший в кругу между клеток.

Тогда вошел укротитель, хлопая бичом и сверкая пистолетом. Музыканты заиграли марш. Так Суок в последний раз выступала перед публикой.

— Алле! — крикнул укротитель. Железная дверь клетки загремела. Из клетки тяжело и бесшумно, кидая лапами, выбежали тигры.

Толстяки захохотали. Советники захихикали и

затрясли париками. Хлопал бич.

Три тигра подбежали к Суок.

Она лежала неподвижно, глядя в небо неподвижными серыми глазами. Все приподнялись. Все готовы были закричать от удовольствия, увидев расправу зверей с маленьким другом народа…

Но… тигры подошли, один нагнул лобастую голову, понюхал, другой тронул кошачьей лапой девочку, третий, даже не обратив внимания, пробежал мимо и, став перед трибуной, начал рычать на Толстяков.

Тогда все увидели, что это была не живая девочка, а кукла, рваная, старая, никуда не годная кукла.

Скандал был полный. Зоолог от конфуза откусил себе половину языка. Укротитель загнал зверей обратно в клетку и, презрительно подкинув ногой мертвую куклу, ушел снимать свой парадный костюм, синий, с золотыми шнурами.

Общество молчало пять минут.

И молчание нарушилось самым неожиданным образом: над зверинцем в голубом небе разорвалась бомба.

Все зрители рухнули носами в деревянный пол трибуны. Все звери стали на задние лапы.

Немедленно разорвалась вторая бомба. Небо заполнилось белым круглым дымом.

— Что это? Что это? Что это? — полетели крики.

— Народ идет на приступ!

— У народа — пушки!

— Гвардейцы изменили!!

— О! А! О!!

Парк заполнился шумом, криками, выстрелами. Мятежники ворвались в парк, — это было ясно!

Вся компания бросилась бежать из зверинца. Министры обнажили шпаги. Толстяки орали благим матом.

В парке они увидели следующее.

Со всех сторон наступали люди. Их было множество. Голые головы, окровавленные лбы, разорванные куртки, счастливые лица. Это шел народ, который сегодня победил. Гвардейцы смешались с ними. Красные кокарды сияли на их шляпах. Рабочие были тоже вооружены. Бедняки в коричневых одеждах, в деревянных башмаках надвигались целым войском. Деревья гнулись под их напором, кусты трещали.

— Мы победили! — кричал народ.

Три Толстяка увидели, что спасения нет.

— Нет! — завыл один из них. — Неправда! Гвардейцы, стреляйте в них!

Но гвардейцы стояли в одних рядах с бедняками. И тогда прогремел голос, покрывший шум всей толпы. Это говорил оружейник Просперо.

— Сдавайтесь! Народ победил. Кончилось царство богачей и обжор. Весь город в руках народа. Все толстяки в плену.

Плотная, пестрая, волнующаяся стена обступила Толстяков.

Люди размахивали алыми знаменами, палками, саблями, потрясали кулаками. И тут началась песня.

Тибул в своем зеленом плаще, с головой, повязанной тряпкой, через которую просачивалась кровь, стоял рядом с Просперо.

— Это сон! — крикнул кто-то из Толстяков, закрывая глаза руками.

Тибул и Просперо запели. Тысячи людей подхватили песню. Она летела по всему огромному парку, через каналы и мосты. Народ, наступавший от городских ворот ко Дворцу, услышал ее и тоже начал петь. Песня перекатывалась, как морской вал, от одной толпы на другую, по дороге, через ворота, в город, по всем улицам, где наступали рабочие и бедняки. И теперь пел эту

песню весь город. Это была песня народа, который победил своих угнетателей.

Не только Три Толстяка со своими министрами, застигнутые во Дворце, жались и ежились и сбивались в одно жалкое стадо при звуках этой песни, — все франты в городе, толстые лавочники, обжоры, купцы, знатные дамы, лысые генералы удирали в страхе и смятении, точно это были не слова песни, а выстрелы и огонь.

Они искали места, где бы спрятаться, затыкали уши, зарывались головами в дорогие шитые подушки.

Кончилось тем, что огромная толпа богачей бежала в гавань, чтобы сесть на корабли и уплыть из страны, где они потеряли все — свою власть, свои деньги и привольную жизнь лентяев.

Но тут их окружили матросы. Богачи были арестованы. Они просили прощения. Они говорили:

— Не трогайте нас. Мы не будем больше принуждать вас работать на нас…

Но народ им не верил, потому что богачи уже не раз обманывали бедняков и рабочих.

Солнце стояло высоко над городом. Синело чистое небо. Можно было подумать, что празднуют большой, небывалый праздник.

Все было в руках народа: арсеналы, казармы,

дворцы, хлебные склады, магазины.

Везде стояли караулы гвардейцев с красными кокардами на шляпах.

На перекрестках развевались алые флаги с надписями:

«Все, что сделано руками бедняков, принадлежит беднякам».

«Да здравствует народ!»

«Долой лентяев и обжор!»

Но что стало с Тремя Толстяками?

Их повели в главную залу Дворца, чтобы показать народу. Рабочие в серых куртках с зелеными обшлагами, держа наперевес ружья, составляли конвой. Зал сверкал тысячами солнечных пятен. Сколько здесь было людей! Но как отличалось это собрание от того, перед которым пела маленькая Суок в день своего знакомства с наследником Тутти! Здесь были все те зрители, которые рукоплескали ей на площадях и рынках.

Но теперь их лица казались веселыми и счастливыми. Люди теснились, лезли друг другу на спины, смеялись, шутили. Некоторые плакали от счастья, размазывая слезы грязными от труда руками.

Никогда таких гостей не видели парадные залы Дворца. И никогда еще так ярко не освещало их

солнце.

— Тсс!..

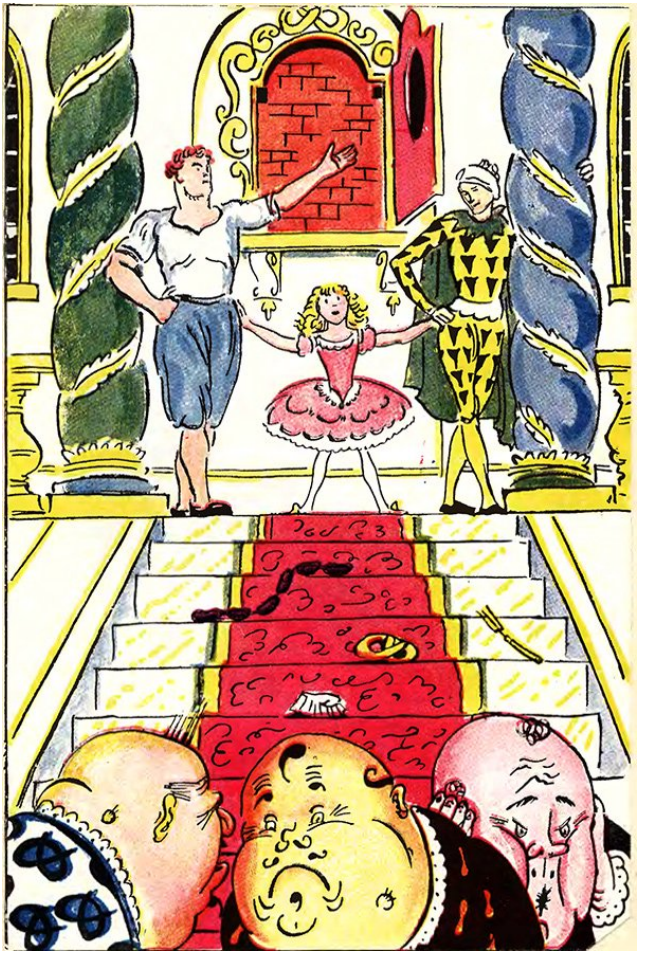
— Тише!..

— Тише!..

На вершине лестницы появилась процессия пленников. Три Толстяка смотрели в землю. Впереди шел Просперо, и с ним Тибул.

Колонны зашатались от восторженных криков, а Три Толстяка оглохли. Их свели по лестнице, чтобы народ их увидел ближе и убедился, что эти страшные Толстяки у него в плену.

— Вот, — сказал Просперо, стоя у колонны. Он был ростом почти в половину этой огромной колонны. Его рыжая голова горела нестерпимым пламенем в солнечном сиянии.



— Запомните этот день! Запомните Этот час!..

— Вот, — сказал он, — вот Три Толстяка. Они давили бедный народ. Они заставляли нас работать до кровавого нота и отнимали у нас все. Видите, как они разжирели. Мы победили их. Теперь мы будем работать сами для себя, мы все будем равны. У нас не будет ни богачей, ни лентяев, ни обжор. Когда нам будет хорошо, мы все будем сыты и богаты; если нам станет плохо — то мы будем знать, что нет никого, кто жиреет в то время, когда мы голодны…

— Ура!.. Ура!.. — неслись крики.

Три Толстяка сопели.

— Сегодня день нашей победы. Смотрите, как сияет солнце! Слушайте, как поют птицы! Слушайте, как пахнут цветы.

— Запомните этот день, запомните этот час!

И когда прозвучало слово «час», все головы повернулись туда, где были часы.

Они висели между двумя колоннами, в глубокой нише. Это был огромный ящик из дуба, с резными и эмалевыми украшениями. Посредине темнел диск с цифрами.

«Который час?» — подумал каждый. И вдруг… (это уже последнее «вдруг» в нашем романе…)

Вдруг дубовая дверь ящика раскрылась. Никакого механизма внутри не оказалось. Вся часовая машина была выломана. И, вместо медных кругов и пружин, в этом шкафчике сидела розовая, сверкающая и сияющая Суок.

— Суок! — вздохнул зал.

— Суок! — завопили дети.

— Суок! Суок! Суок! — загремели рукоплескания.

Голубоглазый гвардеец вынул девочку из шкафа. Это был тот же самый голубоглазый гвардеец, который похитил куклу наследника Тутти из картонной коробки учителя танцев Раздватриса. Он привез ее во дворец, он повалил ударом кулака государственного канцлера и гвардейца, который тащил бедную живую Суок. Он спрятал Суок в часовой шкаф и подменил ее мертвой, изорванной куклой. Помните, как в Зале Суда он тряс это чучело за плечи и как он отдал его на растерзание зверей…

Девочку передавали из рук в руки. Люди, которые называли ее лучшей танцовщицей в мире, люди, которые бросали ей на коврик последние монеты, — принимали ее в объятия, шептали «Суок», целовали, тискали на своей рваной груди. Там, под грубыми куртками, покрытыми сажей

и дегтем, бились исстрадавшиеся, большие, полные нежности сердца.

Она смеялась, трепала их спутанные волосы, вытирала маленькими руками свежую кровь с их лиц, тормошила детей и строила им рожи, плакала и лепетала что-то неразборчивое.

— Дайте ее сюда, — сказал оружейник Просперо дрогнувшим голосом; многим показалось, что в глазах его блеснули слезы. — Это моя спасительница.

— Сюда! Сюда! — кричал Тибул, размахивая зеленым плащом, как огромным листом лопуха. — Это мой маленький дружок. Иди сюда, Суок!

А издали спешил, пробиваясь сквозь толпу, маленький, улыбающийся доктор Гаспар…

Трех Толстяков загнали в ту самую клетку, в которой сидел оружейник Просперо.

Эпилог

СПУСТЯ ГОД был шумный и веселый праздник. Народ справлял первую годовщину освобождения из-под власти Трех Толстяков.

На Площади Звезды был устроен спектакль для детей.

На афишах красовались надписи:

«Суок! Суок! Суок!»

Тысячи детей ожидали появления любимой актрисы. И в этот праздничный день она представляла не одна: маленький мальчик, слегка похожий на нее, только с золотыми волосами, вышел вместе с ней на эстраду.

Это был ее брат. А прежде он был наследником Тутти.

Город шумел, трещали флаги, мокрые розы сыпались из мисок цветочниц, прыгали лошади, разукрашенные разноцветными перьями, катились карусели, а на Площади Звезды маленькие зрители, замирая, следили за представлением.

Потом Суок и Тутти были засыпаны цветами. Дети окружили их.

Суок вынула маленькую дощечку из кармана

своего нового платья и кое-что прочла детям.

Наши читатели помнят эту дощечку. В одну страшную ночь умирающий таинственный человек, похожий на волка, передал ей дощечку из печальной клетки в зверинце…

Вот что было написало да ней:

«Вас было двое: сестра и брат — Суок и Тутти. Когда вам исполнилось четыре года, вас похитили из родного дома гвардейцы Трех Толстяков. Я — Туб, ученый. Меня привезли во Дворец. Мне показали маленькую Суок и Тутти. Три Толстяка сказали так: вот видишь девочку. Сделай куклу, которая не отличалась бы от этой девочки. Я не знал, для чего это было нужно. Я сделал такую куклу. Я был большим ученым. Кукла должна была расти, как живая девочка. Суок исполнится пять лет, и кукле тоже. Суок станет взрослой — хорошенькой и печальной — девочкой, и — кукла станет такой же. Я сделал эту куклу. Тогда вас разлучили. Тутти остался во Дворце с куклой, а Суок отдали бродячему цирку, в обмен на попугая редкой породы, с длинной красной бородой. Три Толстяка приказали мне: вынь сердце мальчика и сделай для него железное сердце. Я отказался. Я сказал, что нельзя лишать человека его человеческого сердца. Что никакое сердце — ни

железное, ни ледяное, ни золотое — не может быть дано человеку вместо простого, настоящего человеческого сердца. Меня посадили в клетку, и с тех пор мальчику начали внушать, что сердце у него железное. Он должен был верить этому и быть жестоким и суровым. Я просидел среди зверей восемь лет. Я оброс шерстью, и зубы мои стали длинными и желтыми, но я не забыл вас. Я прошу у вас прощения. Мы все были обездолены Тремя Толстяками, угнетены богачами и жадными обжорамн. Прости меня, Тутти, что на языке обездоленных значит — «разлученный». Прости меня, Суок, что значит — «вся жизнь»...».

1924 г.

ЧИТАТЕЛЬ! Сообщите Ваш отзыв об этой книге по адресу: Москва, центр, Ильинка, 15. Из-во «Земля и Фабрика», БПК.

Ваш отзыв будет использован как Издательством, так и автором — Ю. К. Олеша.